КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1893 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 гг. (*Продолженіе слѣдуетъ*)	1—28
II. ПРОЗОЮ ИЛИ СТИХАМИ НАПИСАНО «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ»? **Ю. Тиховскаго.**	29—54
III. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ВИЛЬНѢ. **Н. Б.**	55—79
IV. ПАМЯТИ И. И. МАНЖУРЫ. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**	80—90
V. АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО. 1813—1862 г. (*Продолженіе*)	91—111
VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. 1750—1784 г. (*Продолженіе*)	112—123
VII. БОЙ-ЖИНКА. Неизданное драматическое сочиненіе Г. Ѳ. Квитки.	124—152
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Предписаніе князя Репнина по поводу холеры въ 1830 г. Сообщ. **Н. Шугуровъ.** б) Холмскій музей церковныхъ древностей. **Н. П.** в) Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. **Н. Любовичъ.** г) Къ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. **Миронъ.** д) Строгая генеральша. е) Поправки къ надписямъ въ черниговскомъ соборѣ. ж) Извѣщеніе о празднованіи пятидесятилѣтія существованія кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. з) Поправка.	153—167
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго. Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. **Ѳедора Титова.** б) Bibliografia Historyi Polskiej. Wspólnie z. Dr. Henrykiem Sawszyńskim i członkami kółka historycznego uczniów Uniwersytetu lwow. Zebrał i ulozył L. Finkel. **Н. Любовича.** в) Археологическія извѣстія и замѣтки, №№ 1—6. **Б.** г) Библіографическія замѣтки. I. («Журналъ Министер. Народ. Просвѣщ.» за 1893 г. №№ 1—9). **И.**	168—183
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. (стр. 145—160).	
2) Слово о плъку Игоревѣ. **Ю. Тиховскаго.**	1—15
ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—4

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIII.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 октября 1893 года.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.

1800—1886 гг.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ настоящей книги начинается печатаніе записокъ бывшаго инспектора новгородсѣверской гимназіи Іосифа Акимовича Самчевскаго. Эти записки обнимаютъ періодъ времени болѣе полустолѣтія и представляютъ громадный интересъ. І. А. родился въ 1799 г. въ селѣ Лисконогахъ, новгородсѣверскаго уѣзда, окончилъ магистромъ с.-петербургскую духовную академію, былъ профессоромъ черниговской семинаріи, учителемъ исторіи, а затѣмъ инспекторомъ въ новгородсѣверской гимназіи до 1858 года. Умеръ І. А. въ 1887 г., не доживъ двухъ лѣтъ до празднованія столѣтняго юбилея гимназіи, которой посвятилъ болѣе четверти вѣка своей далеко не безполезной педагогической дѣятельности, оставивъ по себѣ память умнаго, добраго и справедливаго педагога. На старости лѣтъ І. А. лишился всей своей семьи: сперва умерла его жена, а затѣмъ сыновья: Михаилъ, учитель кіевской 2-й гимназіи, и Иванъ, инспекторъ той-же гимназіи. Имущество его заключалось въ домѣ съ усадьбой въ г. Новгородсѣверскѣ; послѣ смерти сыновей и этотъ домъ сгорѣлъ. Оставшись совершенно одинокимъ старикомъ, Іосифъ Акимовичъ не имѣлъ гдѣ преклонить свою много потрудившуюся на пользу юношества, голову и только, благодаря совершенно ему постороннему семейству В. Д. Кисилевича, онъ могъ спокойно дожить свой вѣкъ. Въ послѣдніе годы жизни, новое, величайшее изъ несчастій обрушилось на голову много-

страдальнаго Іосифа Акимовича: онъ совершенно потерялъ зрѣніе и свои интересныя воспоминанія самъ писать не могъ, а диктовалъ ученикамъ гимназіи, жившимъ у Кисилевича. Записки І. А. начинаются съ дѣтства автора и доходятъ до его смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ были бы несравненно богаче матеріаломъ, художественнѣе и занимательнѣе въ своемъ изложеніи, если бы І. А. не диктовалъ ихъ, а писалъ самъ до начала своей послѣдней болѣзни; но и при такомъ неблагопріятномъ условіи первая половина записокъ отличается надлежащей полнотой и обиліемъ интересныхъ свѣдѣній; къ сожалѣнію, нельзя того сказать о послѣднемъ десятилѣтіи службы І. А. инспекторомъ, во время директорства П. О. Науменка. Очевидно, къ старости память стала измѣнять ему, и этотъ періодъ представляется далеко не полнымъ. Желая нѣсколько исправить этотъ недостатокъ, редакція Кіевской Старины передала записки Самчевскаго, для составленія примѣчаній къ нимъ, лицу, близко знавшему автора записокъ и всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ гимназіи въ теченіе 1852—1858 г. Въ этихъ примѣчаніяхъ изложена дополнительная характеристика всѣхъ извѣстныхъ педагоговъ указаннаго періода, и кромѣ того имѣются свѣдѣнія о жизни учениковъ того времени, объ ихъ отношеніяхъ къ учителямъ и наоборотъ, и изложена ревизія гимназіи попечителемъ кіевскаго округа Ребиндеромъ.

Мысль о жизнеописаніи.

Что такое жизнь наша въ этомъ мірѣ? Сцѣпленіе случайностей, выпадающихъ на долю того или другого, скажетъ тотъ, кто смотритъ на одни факты, не обращая вниманія на взаимное ихъ отношеніе и связь, не отличая тѣхъ, которые были причиною, отъ тѣхъ, которые сдѣлались ихъ послѣдствіями. Но судить такъ о явленіяхъ жизни человѣческой значило бы не признавать въ человѣкѣ свободы ума и воли, значило бы не допускать въ міроуправленіи разумнаго порядка, не вѣрить въ Промыслъ Божій. Стоитъ только каждому изъ насъ со вниманіемъ и съ чистою совѣстью прослѣдить событія

прошедшей жизни своей, чтобы убѣдиться какъ въ томъ, что мы проявляемъ наши помыслы, пожеланія и дѣйствія, такъ и въ томъ, что есть въ мірѣ Промыслъ Божій, который, не нарушая нашей свободы, разными путями ведетъ насъ къ истинному благу нашему здѣсь и въ вѣчности. Онъ благотворитъ намъ не только тогда, когда мы получаемъ отъ него щедрые дары Его благости, но и тогда, когда подвергаемся бѣдствіямъ и злоключеніямъ, которыя посылаются людямъ добродѣтельнымъ для большаго ихъ нравственнаго совершенствованія, а порочнымъ—въ наказаніе за отступленіе отъ путей правды, дабы страданіями они вразумились и исправились. Какъ мы пользуемся дарами счастія и уроками несчастія, это показываетъ ходъ жизни нашей, и потому-то исторія ея не можетъ не быть для насъ поучительною, если только разсматривать дѣла свои по совѣсти.

Начало премудрости, по откровенному ученію, есть страхъ Божій. Древніе философы искали этого начала въ самопознаніи. Открывая въ событіяхъ жизни нашей пути Провидѣнія, дѣйствія Его благости и правосудія, мы можемъ поучаться тому спасительному страху, который дѣлаетъ насъ лучшими. Разсматривая себя въ разныхъ періодахъ жизни нашей, въ разныхъ положеніяхъ, отношеніяхъ и обстоятельствахъ, мы приходимъ къ самопознанію, узнаемъ, чѣмъ были мы и чѣмъ быть должны. Исторія жизни нашей есть практическая нравоучительная книга, которая находится у всякаго предъ глазами, всякому доступна, всякому легка для чтенія, всякому понятна: она исписана фактами, извѣстными каждому, кто только захочетъ воспоминаніемъ обратиться къ своему прошедшему. Всякій легко припомнитъ, что съ нимъ было въ прожитое имъ время, какія у него были силы и способности, избытки и недостатки, какіе помыслы, желанія и страсти волновали его душу, къ чему онъ стремился и чего надѣялся, чего достигалъ и въ чемъ обманулся, въ чемъ находилъ покой душѣ, или разочарованіе, чѣмъ его сердце радовалось или сокрушалось, когда и отчего онъ наслаждался счастіемъ, или страдалъ въ жизни. Ему представится цѣлая картина случившихся съ нимъ превратностей житейскихъ, и изъ

обзора своего прошедшаго онъ можетъ извлечь для себя самые вѣрные выводы для своего настоящаго и будущаго. Отчего мы любимъ заниматься болѣе настоящимъ и будущимъ, чѣмъ нашимъ прошедшимъ? Не оттого ли только, что настоящее еще есть, будущее еще будетъ, а прошедшее уже прошло и не возвратится? Но настоящее непостоянно, измѣнчиво и невѣрно; будущее еще неизвѣстно, и, думая о немъ, мы только мечтаемъ; одно прошедшее никогда не измѣняется, оно есть самое вѣрное неотъемлемое достояніе наше.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы прошедшее къ намъ не возвращалось: оно возвращается къ намъ въ своихъ послѣдствіяхъ, которыя всегда соотвѣтствуютъ своему предыдущему. Когда мы не думаемъ о нашихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, то и не исправляемся, а не исправляясь, повторяемъ тѣ же заблужденія, иногда въ бо́льшихъ размѣрахъ. И не оттого ли мы бываемъ несчастны въ настоящемъ, что не хотѣли вразумляться прошедшимъ? Не самыя ли тяжкія душевныя страданія наши бываютъ тѣ, которыя отъ насъ самихъ происходятъ, какъ плоды порочныхъ нашихъ привычекъ, стремленій, когда мы не можемъ находить утѣшенія въ нашей совѣсти? Проводя жизнь въ разсѣянности и легкомыслiи, мы хотимъ только жить, не повѣряя хода нашей жизни, хотимъ быть счастливы, не пользуясь уроками прошедшаго. Если исторію человѣчества мы должны изучать для познанія жизни гражданской, то исторію собственной жизни каждый человѣкъ долженъ знать для частной своей цѣли нравственной, для практическихъ уроковъ Богопознанія и самопознанія.

Не могу сказать, чтобы съ этою цѣлью я часто обращался къ воспоминанію моего прошедшаго: къ этому воспоминанію меня располагали большею частью обстоятельства, сокрушавшія мое сердце, когда страдало мое неудовлетворенное самолюбіе. Въ жизни моей я не былъ избалованъ удачами и дарами счастія, все мнѣ давалось трудомъ и съ трудомъ, но я не терпѣлъ крайней нищеты, не испытывалъ и такихъ бѣдствій, какимъ подвергаются многіе, достойные, повидимому, лучшей участи. Когда пораженный скорбью я разсматривалъ себя въ прежнихъ

обстоятельствахъ моей жизни, всегда убѣждался въ томъ, что Богъ послалъ мнѣ долю по моимъ силамъ и способностямъ, что въ другомъ высшемъ состояніи я могъ бы забыться, могъ бы оказаться несостоятельнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, или не вынесъ бы борьбы съ препятствіями; что трудовая жизнь моя избавляла меня отъ праздности и ея гибельныхъ послѣдствій, сосредоточивала мои мысли, обращала мою дѣятельность на полезное, удаляла меня отъ соблазновъ, удерживала порывы характера, обуздывала волю; что въ критическихъ обстоятельствахъ, когда недоумѣніе и уныніе начинали овладѣвать моимъ духомъ, я, по милости Божіей, неожиданно получалъ откуда-нибудь или утѣшеніе, или защиту, или пособіе. При такихъ воспоминаніяхъ и соображеніяхъ самолюбіе мое смирялось, зависть во мнѣ утихала, и я успокаивался среди моей скорби. Мнѣ часто приходила мысль собрать и изложить для себя воспоминанія изъ моей прошедшей жизни, но разныя развлеченія и забвенія доселѣ отвлекали меня отъ этого занятія. Теперь, когда конецъ жизни моей приближается, когда съ утратою душевныхъ и тѣлесныхъ силъ я потерялъ моихъ родныхъ и присныхъ, когда ни страсти, ни заботы по прежнему уже не возмущаютъ моей души, когда настоящее меня уже не радуетъ, я ищу удовольствія въ воспоминаніи моего прошедшаго, которое часто мирило меня съ самимъ собою. Пишу эти воспоминанія собственно для себя, чтобы бесѣдою съ самимъ собою о быломъ развлекать скуку моего одиночества. Если оставшіеся у меня присные мнѣ когда-нибудь полюбопытствуютъ прочесть эти строки, они найдутъ въ нихъ кое-что такое, чего они обо мнѣ еще не знали. Если же воспоминанія эти случайно попадутъ въ руки человѣка посторонняго, предваряю его, что онъ не найдетъ въ нихъ ничего для себя занимательнаго, такъ какъ самая жизнь моя не представляетъ никакихъ особенностей для любопытнаго. Совѣтую однако-жъ всякому собрать воспоминанія изъ прошедшей своей жизни и увѣряю, что это принесетъ ему не только удовольствіе, но и пользу, когда онъ въ прошедшемъ захочетъ лучше узнать самого себя и дѣйствія благотворящаго ему Промысла Божія.

Мои воспоминанія.

... Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ. *Псал. 142, ст. 5.*
... Милость Твоя предваритъ мя вся дни живота моего.

Боговдохновенный царь и пророкъ Давидъ, потерпѣвшій въ жизни своей много превратностей и злоключеній, любилъ вспоминать о прежнихъ временахъ житія своего, поучался изъ нихъ путямъ Божія о немъ Промысла и находилъ, что, при всѣхъ испытанныхъ имъ несчастіяхъ, милость Божія сопровождала и не оставляла его во все прожитое имъ время. И каждый вѣрующій въ Провидѣніе Божіе въ воспоминаніяхъ своихъ о прожитомъ имъ времени можетъ находить для себя много поучительнаго, въ особенности касательно Божескаго о немъ попеченія.

Богъ всегда благъ и ко всѣмъ милостивъ.

Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, лишенный при томъ зрѣнія, я большую часть времени провожу самъ съ собою, въ моихъ размышленіяхъ; часто вспоминаю мое прошлое и въ этихъ воспоминаніяхъ нахожу, что Милосердный Богъ во всѣ времена и во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни посылалъ мнѣ часто неожиданную свою помощь въ лицахъ моихъ начальниковъ, наставниковъ, сотоварищей, сослужителей и добрыхъ пріятелей, мнѣ благотворившихъ своими внушеніями, совѣтами, предостереженіями и теплымъ участіемъ. Въ чувствѣ сердечной моей признательности къ этимъ моимъ благотворителямъ, я хочу сохранить въ моей памяти незабвенныя для меня имена ихъ и для того излагаю мои воспоминанія на бумагѣ посредствомъ чужой руки по моей диктовкѣ. Воспоминанія эти конечно не будутъ имѣть читателей, для которыхъ въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго; я желаю сохранить ихъ для себя самого и, можетъ быть, для немногихъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ.

I.

Мои родители. — Мое рожденіе и домашнее воспитаніе — Болѣзнь отца. — Поѣздка наша въ Петербургъ для опредѣленія меня въ Армейскую Семинарію.

Отецъ мой Іоакимъ Ѳеодоровичъ Самчевскій былъ уроженецъ черниговской губерніи конотопскаго уѣзда; обучался въ

бывшей Новгородъ-Сѣверской семинаріи, отлично зналъ латинскій языкъ, на которомъ свободно говорилъ и хорошо писалъ стихи; по окончаніи курса философіи онъ поступилъ на службу въ духовную Новгородъ-Сѣверскую дикастерію, гдѣ получилъ два первые чина, но, женившись на дочери священника села Лисконогъ (моей матери) Екатеринѣ Игнатьевнѣ Калиновской, впослѣдствіи поступилъ на мѣсто своего тестя. Первымъ сыномъ моихъ родителей былъ Степанъ, умершій въ отрочествѣ. Мое рожденіе случилось незадолго до смерти моего дѣда Калиновскаго, наканунѣ Рождества Христова, въ 1799 году. Я былъ рожденъ весьма слабымъ ребенкомъ, и своимъ безпрестаннымъ плачемъ сокрушалъ моихъ родителей.

Въ день похоронъ моего дѣда, мать моя, въ хлопотахъ по кухнѣ, оставила меня одного въ комнатѣ на кровати; вернувшись изъ кухни въ домъ и не слыша моего крика, она пришла въ мою комнату и что-же увидѣла! На кровати, гдѣ я лежалъ, наброшены были шубы пріѣхавшими на похороны священниками. Когда шубы были сняты, мать увидѣла меня посинѣвшимъ и едва могла привести въ чувство. Итакъ, вскорѣ послѣ явленія моего на свѣтъ Божій, мнѣ угрожала смерть, но Богу угодно было спасти меня отъ нея и при слабомъ моемъ сложеніи продлить вѣкъ мой до глубокой старости. Вотъ первое явленіе ко мнѣ милости Божіей, которая не оставляла меня во всю мою жизнь.

Когда я сталъ подростать, отецъ мой самъ началъ учить меня грамотѣ по-русски, по-латыни и пѣнію, къ которому видѣлъ во мнѣ способность, такъ какъ я имѣлъ хорошій голосъ дисканта. Учился я успѣшно, хотя иногда полѣнивался и пошаливалъ. Отецъ мой былъ ко мнѣ строгъ и взыскателенъ. Однажды, не выучивши заданнаго мнѣ урока и боясь наказанія, я скрылся въ конопляникъ, бывшій на огородѣ близъ дома. Посидѣвъ тамъ немалое время, я сталъ бродить въ конопляхъ и заблудился, такъ что не могъ уже выйти изъ нихъ. Родители обезпокоились; мать, долго искавшая меня на селѣ, пришла наконецъ въ огородъ, громко стала звать меня по имени, я отозвался, и мать вывела меня изъ моей засады. Это было уже вечеромъ. На

этотъ разъ я остался ненаказаннымъ. Въ другой разъ, какъ отецъ мой пошелъ со мной въ ближайшее село Роговку, гдѣ былъ наблюдающимъ въ приходѣ, я тамъ опять не выучилъ заданнаго мнѣ урока, и отецъ, занятый требами по приходу, не могши самъ наказать меня и не желая оставить безъ взысканія, поручилъ тамошнему дьячку дать мнѣ нѣсколько розогъ. Дьячекъ очень слабо наказалъ меня и, чтобы я не плакалъ, далъ мнѣ грушу.

Изъ шалостей моихъ помню двѣ слѣдующія: отецъ мой, очень любившій заниматься садомъ, обрадовался, когда на одной изъ посаженныхъ имъ яблонь показались первые плоды; я оборвалъ ихъ и роздалъ сельскимъ мальчишкамъ; за такую проказу отецъ высѣкъ меня подъ той самой яблонею, давъ мнѣ нѣсколько ударовъ по числу оборванныхъ плодовъ. Другая шалость была поважнѣе. Въ домѣ у него находилась, какъ обыкновенно бываетъ у священника, крестильница, на верху которой были образки святыхъ. Я отломалъ ихъ и также роздалъ мальчишкамъ. Наказанія тогда не послѣдовало, и я думалъ уже, что эта продѣлка моя сойдетъ для меня благополучно, но не тутъ-то было. Отецъ мой, имѣя надобность отправиться въ село Роговку по случаю требъ, взялъ и меня съ собой. Долго мы шли молча; когда дошли до одного лѣска, отецъ, отломивъ отъ березы прутъ, больно меня высѣкъ, приговаривая: „не шали, не ломай крестильницы“.

Въ чтеніи и пѣніи успѣхи мои были довольно быстры. Отецъ заставлялъ меня читать и пѣть на клиросѣ съ дьячкомъ и, когда гулялъ со мною по селу или въ полѣ, всегда пѣлъ со мною богослужебныя пѣсни. Лисконоговскій приходъ моего отца былъ очень скуденъ по доходамъ; между тѣмъ я пришелъ въ тотъ возрастъ, когда нужно было отдавать меня въ школу; семейство наше умножилось еще двумя моими братьями, Николаемъ и Львомъ, умершимъ въ младенчествѣ. Все это заставило моего отца подумать о перемѣнѣ мѣста своего служенія и онъ рѣшился проситься въ армейское духовенство. Просьба его имѣла успѣхъ, и онъ былъ назначенъ священникомъ въ 23-й егерскій полкъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, на походѣ

въ Финляндію. Собираясь въ Петербургъ, отецъ рѣшилъ взять и меня съ собою, чтобы опредѣлить въ семинарію, въ которой воспитывались дѣти полковыхъ священниковъ.

Заведеніе это учреждено подъ названіемъ армейской семинаріи Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Домъ для этой семинаріи сперва находился на Васильевскомъ островѣ въ 13-й линіи противъ морскаго кадетскаго корпуса. Императоръ Павелъ при учрежденіи ея повелѣлъ выдать въ церковь ея отъ двора богатую мальтійскую ризницу изъ серебряной бѣлой парчи съ малиновыми по ней крестами; онъ же прислалъ въ семинарію и свой прекрасный тканый портретъ въ богатой рамѣ. Первымъ главнымъ начальникомъ армейской семинаріи былъ любимецъ Императора Павла протопресвитеръ Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Говорили, что Императоръ Павелъ, думавшій учредить въ Россіи бѣлыхъ архіереевъ, тайно пожаловалъ Озерецковскому архіерейскую мантію, которою по смерти Озерецковскаго обитъ былъ его гробъ. Отецъ мой, получивъ казенные прогоны на проѣздъ въ Петербургъ, хотѣлъ немедленно выѣхать туда, но вдругъ опасно заболѣлъ. Я постоянно находился при немъ. На яву и даже въ бреду онъ выражалъ скорбь свою о томъ, что по смерти его семейство останется въ самомъ несчастномъ положеніи, и въ особенности о томъ, что я, любимый сынъ его, лишусь дальнѣйшаго образованія. Мать моя была въ отчаяніи и вмѣстѣ со мной рыдала надъ больнымъ отцомъ. Но Премилосердный Отецъ Небесный сохранилъ намъ отца земного; родитель мой сталъ поправляться и тѣмъ утѣшилъ скорбѣвшую семью нашу. По выздоровленіи, онъ поспѣшилъ отъѣздомъ нашимъ въ Петербургъ. Въ виду предстоящаго отцу похода въ Финляндію мать моя съ двумя меньшими братьями моими должна была оставаться въ Лисконогахъ. Помню я наше плачевное разставаніе: когда мы съ отцомъ сѣли въ повозку, рыдающая мать стояла передъ нами, держа на рукахъ меньшого моего брата Льва, а подлѣ нея стоялъ средній четырехлѣтній Николай. Я не плакалъ, находясь въ какомъ-то безчувствіи, и думалъ только о поѣздкѣ; но когда мы отъѣхали нѣсколько верстъ отъ Лисконогъ, грусть разлуки съ матерью и

братьями одолѣла меня, и я долго плакалъ. Въ дорогѣ отецъ былъ со мною очень нѣженъ, утѣшалъ меня въ моей скорби и старался объяснить, что онъ везетъ меня въ Петербургъ для того, чтобы я получилъ тамъ образованіе и не былъ такъ бѣденъ, какъ онъ; при видѣ хорошихъ строеній на пути нашемъ онъ говорилъ мнѣ: „учись, мой сынъ, учись, и ты будешь имѣть такой домъ“. Изъ случайностей на пути нашемъ помню одну непріятность. На одной станціи отецъ передалъ мнѣ подорожную, которую одинъ изъ ямщиковъ, незамѣтно для меня, взялъ и спряталъ. Отецъ былъ въ хлопотахъ по этому случаю; ямщикъ, взявшій подорожную, черезъ нѣсколько времени представилъ ее отцу, какъ будто гдѣ-то нашелъ, и требовалъ за то награды, которую отецъ и далъ ему. Путешествіе наше на почтовыхъ лошадяхъ было продолжительно по причинѣ остановокъ на станціяхъ за недостаткомъ лошадей; наконецъ, дней черезъ десять, мы добрались до Петербурга вечеромъ въ маѣ мѣсяцѣ 1809 года и остановились на квартирѣ на Ямской, у какого-то, кажется, мѣщанина.

II.

Принятіе меня въ Армейскую семинарію.—Разлука съ отцомъ.—Знакомство съ Пыльневымъ.—Насмѣшки товарищей.—Учитель Поляковъ.—Сочлены мои Трачевскій и Полковъ.—Поступленіе мое въ хоръ пѣвчихъ.—Мерцаловъ.—Желаніе поступить въ придворный хоръ.—Трудности пребыванія въ семинарскомъ хорѣ.—Митрополитъ Амвросій.—Злобинъ.—Комнатный старшій.—Наказаніе розгами и проказы учениковъ.

На другой день по прибытіи нашемъ въ Петербургъ отецъ пошелъ со мною къ оберъ-священнику арміи и флота. Эту должность занималъ тогда протопресвитеръ Иванъ Семеновичъ Державинъ, членъ Святѣйшаго Синода и коммисіи духовныхъ училищъ, имѣвшій митру и орденъ Анны 1-й степени. При самомъ нашемъ появленіи онъ объявилъ отцу моему, что 23-й егерскій полкъ уже ушелъ въ Финляндію и что отецъ мой долженъ спѣшить догнать его; на просьбы о принятіи меня въ семинарію онъ положилъ резолюцію: „принять“, и мы отъ него отправились въ домъ Семинаріи, гдѣ ректоръ ея протоіерей Гро

мовъ немедленно распорядился о зачисленіи меня въ 1-й классъ, конечно, на казенное содержаніе, которымъ пользовались всѣ воспитанники этой семинаріи. На другой день рано утромъ отецъ мой выѣхалъ изъ Петербурга. Я съ хозяиномъ нашей квартиры провожалъ его за Неву, на Выборгскую сторону. При прощаніи съ плакавшимъ отцомъ я рыдалъ безутѣшно, и, когда онъ скрылся изъ виду, хозяинъ нашей квартиры повелъ меня, плачущаго, въ свой домъ, а на другой день поутру отвелъ въ Семинарію. По окончаніи Финляндскаго похода отецъ мой былъ въ Петербургѣ, и это было уже послѣднее мое свиданіе съ нимъ. Въ Петербургѣ онъ заказывалъ иконостасъ для своей церкви живописцу Пыльневу, съ семействомъ котораго познакомилъ и меня, и я, въ продолженіе всего моего пребыванія въ Петербургѣ, находилъ себѣ отрадный пріютъ въ квартирѣ Пыльневыхъ, которыхъ мать старушка особенно меня ласкала.

По приходѣ моемъ въ Семинарію, товарищи по классу окружили меня, но я дичился ихъ, уходилъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и тамъ обливался слезами, какъ бы находя въ нихъ утѣшеніе. Къ увеличенію подавлявшаго меня горя новые товарищи мои преслѣдовали меня насмѣшками надъ моею плаксивостью и надъ моимъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. На испытаніи въ первомъ классѣ, я оказался настолько подготовленнымъ, что опередилъ въ предметахъ моихъ соучениковъ; я бойко читалъ и писалъ по-русски и по-латыни, и потому учитель нашъ Поляковъ обратилъ на меня особое вниманіе и сдѣлалъ меня авдиторомъ, что заставило моихъ товарищей прекратить свои насмѣшки. Въ числѣ товарищей былъ еще одинъ, незадолго до меня поступившій малороссіянинъ, Трачевскій, съ которымъ на первыхъ порахъ мнѣ пришлось подраться. Оба мы явились къ комнатному нашему старшему съ жалобами и обоихъ насъ поставили на колѣни. Ученики высшихъ классовъ водили меня по своимъ комнатамъ и, къ моей досадѣ, заставляли повторять исторію моей драки, потѣшаясь моимъ разсказомъ. „Трачевскій,—говорилъ я,—назвавъ мене Самча́, а я его Трача́; винъ мене вдарывъ по пыци, а я его въ морду“ и т. д. Впрочемъ,

насмѣшки надъ моимъ малороссійскимъ говоромъ заставили меня въ непродолжительномъ времени выучиться говорить по-русски.

И такъ, въ первомъ классѣ я обучался безъ всякихъ затрудненій. Но въ тоже время поступилъ въ нашъ классъ привезенный изъ Тобольска сынъ полковаго священника Полковъ, затмившій всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями и успѣхами. Товарищи мои вздумали было первое время поглумиться надъ новичкомъ, еще не подозрѣвая того, что онъ былъ и достаточно силенъ. Отколотивъ одного, другого, Полковъ заставилъ всѣхъ его бояться и даже уважать.—Съ удовольствіемъ продолжая ученіе мое въ первомъ классѣ, я сокрушался зачисленіемъ меня въ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ, въ который меня взяли при самомъ поступленіи моемъ въ семинарію, сокрушался потому, что видѣлъ суровое обращеніе регента съ другими малыми пѣвчими. Насъ учили методически, заставляя самихъ разбирать ноты и тоны; регентъ назначалъ уроки и неисправныхъ бивалъ, а иногда и сѣкъ. Хотя я и не подвергался самъ подобнымъ взысканіямъ, тѣмъ не менѣе, видя такое обращеніе съ пѣвчими, я старался испортить свой голосъ, пилъ конопляное масло, чтобы охрипнуть, но ничто не помогало,—голосъ очищался и отъ времени усиливался. Не зналъ я тогда, что пѣніе послужитъ мнѣ въ пользу, что успѣхи мои въ немъ обратятъ на меня вниманіе самого оберъ-священника, что пѣніе сдѣлается впослѣдствіи моею страстью и послужитъ мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ въ жизни; и теперь, въ глубокой старости моей, при моей слѣпотѣ, я очень часто, оставаясь самъ съ собою, молча, а иногда и голосомъ, повторяю мотивы изъ многихъ памятныхъ мнѣ церковныхъ пѣснопѣній. Когда я началъ хорошо понимать церковную музыку, регентъ былъ мною очень доволенъ и заставлялъ меня дирижировать хоромъ даже въ церкви. Я уже начиналъ пѣть соло, какъ поступилъ въ нашу семинарію изъ славившагося тогда тульскаго хора отличный солистъ Мерцаловъ. Первый опытъ его пѣнія въ нашей церкви обратилъ на него всеобщее вниманіе, всѣ превозносили его похвалами. Изъ зависти къ Мерцалову я плакалъ, но онъ, будучи гораздо старше меня лѣтами, скоро спалъ съ го-

лоса, и я занялъ его мѣсто. Мнѣ представлялся тогда удобный случай поступить въ придворный хоръ. Придворный протодіаконъ Мещерскій и придворный же теноръ Яновскій пришли къ намъ отыскивать для себя одну старинную херувимскую и просили при нихъ ее исполнить, послѣ чего придворный пѣвчій спросилъ меня, хочу ли я поступить въ придворный хоръ. Я изъявилъ свое на то желаніе, прельщаясь отличнымъ содержаніемъ мальчиковъ въ придворномъ хорѣ, особенно парадным ихъ костюмомъ изъ краснаго сукна съ золотыми кистями и позументами. Не знаю, было ли затѣмъ требованіе меня въ придворный хоръ, знаю только, что ректоръ нашъ Гротовъ воспротивился моему неразумному желанію, исполненіе котораго лишило бы меня дальнѣйшаго образованія, и было бы противно завѣтному желанію покойнаго моего отца. Участіе мое въ хорѣ меня радовало, но въ тоже время заставляло переносить такіе тяжелые труды, которые даже и теперь мнѣ кажутся невыносимыми по тогдашнему моему возрасту и силамъ. Оберъ-священникъ часто приглашался на выносы (такъ въ Петербургѣ называли похороны), а съ нимъ долженъ былъ находиться и хоръ его. Въ лѣтнее время эти выносы не только не затрудняли насъ, но даже доставляли пріятное развлеченіе, прогулку послѣ учебныхъ занятій; въ зимнее же время иногда, при большихъ морозахъ и сильномъ вѣтрѣ мы должны были совершать очень далекія путешествія, провожая покойниковъ на Смоленское или Волковское кладбище. Надо замѣтить, что такіе проводы мы совершали въ однихъ сюртукахъ, въ холодной обуви, безъ перчатокъ, съ открытыми при томъ головами и съ нотными книгами въ рукахъ, которыя обыкновенно носили дисканты и альты. Помню, какъ однажды въ такой процессіи, при приближеніи къ Невѣ во время ея ледохода, сильный холодный вѣтеръ помчалъ меня къ рѣкѣ, и какъ регентъ, взявши меня за руку, остановилъ мое стремленіе. Съ большимъ трудомъ мы переправлялись тогда въ катерахъ съ гробомъ покойника. Послѣ долгой и трудной переправы, предстоялъ намъ еще далекій путь до кладбища, въ церкви котораго мы пѣли обѣдню и отпѣваніе. На обратномъ пути насъ, обыкновенно, везли уже въ

каретахъ въ домъ покойника, гдѣ послѣ сытнаго угощенія мы забывали и морозъ, и вѣтеръ, и труды наши. Мнѣ теперь самому не вѣрится, чтобы я могъ переносить такіе походы, но память моя говоритъ мнѣ, что я ихъ переносилъ. Замѣчательно, что во время пребыванія моего въ Петербургѣ, я никогда ничего себѣ не отморозилъ. Звали нашъ хоръ нерѣдко и на свадьбы, но онѣ доставляли уже намъ баловство, а не труды. Въ рождественскіе и пасхальные праздники мы Христа славили. Когда, по приказанію оберъ-священника, мы поздравляли петербургскаго митрополита Амвросія концертомъ, онъ, преподавая намъ благословеніе, замѣтилъ, что мы, какъ семинаристы, должны были бы поздравить его рѣчами, или одами, какъ тогда водилось. Въ праздникъ Пасхи нашъ хоръ сошелся однажды съ митрополичьимъ хоромъ въ домѣ уважаемаго Державинымъ именитаго откупщика-богача Злобина. Сперва огромный митрополичій хоръ въ обширной залѣ превосходно исполнилъ трудный концертъ „Да воскреснетъ Богъ“ подъ управленіемъ самого Турчанинова. Злобинъ, съ тремя золотыми медалями на шеѣ, стоялъ и восхищался этимъ превосходнымъ пѣніемъ; съ удовольствіемъ онъ слушалъ потомъ и нашъ небольшой хоръ, отчетливо пропѣвшій концертъ „Сей нареченный“. Самъ Турчаниновъ и нѣкоторые изъ пѣвчихъ его спрашивали у нашего регента о дискантѣ, исполнявшемъ соло. Угощеніе обоихъ хоровъ у Злобина было обильное. Онъ наградилъ митрополичій хоръ 100 рублями, давъ Турчанинову что-то особо, а насъ 25 рублями,—сумма по тогдашнему времени значительная.

Вообще участіе мое въ хорѣ доставляло мнѣ одно только удовольствіе; меня ни разу не наказывали ни за пѣніе, ни за уроки въ классахъ, а за шалости во время нахожденія моего въ первомъ классѣ я иногда подвергался наказанію отъ комнатнаго старшаго, человѣка вспыльчиваго и раздражительнаго. Мы такъ его боялись, что въ присутствіи его говорили между собою не иначе, какъ шепотомъ; за то, когда онъ уходилъ изъ нашей комнаты, въ ней поднимались шумъ, гамъ, бѣготня и даже драка, при чемъ пыль наполняла всю комнату. Когда старшій заставалъ такой безпорядокъ, начиналась расправа розгою, вотъ тутъ-то

иногда испытывалъ ее и я, или за участіе въ шалости, или за то, что на вопросъ: „кто шумѣлъ?“ отвѣчалъ, что шумѣли всѣ, что въ дѣйствительности и было справедливо.

Заговоривъ о розгѣ, я долженъ при томъ сказать, что во время первыхъ трехъ лѣтъ обученія моего въ армейской семинаріи розга еще сильно въ ней господствовала. Сѣкли въ низшихъ классахъ учителя и комнатные старшіе; сѣкли и въ высшихъ классахъ, иногда даже учениковъ богословія, по распоряженію и въ присутствіи самого ректора. И гдѣ же ихъ сѣкли? въ столовой, во время обѣда, въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи! Это варварство приводило насъ малолѣтнихъ въ ужасъ и трепетъ. Надобно сказать правду, что и ученики съ своей стороны въ тогдашнее время дѣлали проказы, достойныя строгаго наказанія (конечно только не въ столовой же, гдѣ умѣстно было бы только посадить виновнаго за голодный столъ). Такъ, напримѣръ, ученикъ 3-го класса Чернышевъ, лѣнтяй, участникъ въ кулачныхъ бояхъ, дерзкій и на все отважный, вышедши однажды съ товарищами своими послѣ ужина на дворъ и увидѣвъ въ квартирѣ ректора жену его, сидѣвшую у окна, сказалъ товарищамъ: „хотите, братцы, я пущу въ нее камнемъ?“ и когда они сказали, что онъ этого не сдѣлаетъ, онъ, дѣйствительно, бросилъ въ окно камень, который, можетъ быть, попалъ въ сидѣвшую. На другой день его жестоко высѣкли въ столовой. Другой случай былъ поважнѣе. Я былъ боленъ и находился въ больницѣ. Когда ученики уже поужинали, послышался продолжительный звонъ класснаго колокольчика; этотъ необыкновенный по времени звонъ заставилъ больничнаго смотрителя выбѣжать на дворъ, и онъ, возвратившись, сказалъ, что ученики старшихъ классовъ бьютъ ректора, вышедшаго съ ними изъ столовой, а другіе въ это время звонятъ. Ректоръ Гротовъ на другой день донесъ о происшедшемъ оберъ-священнику, и послѣдній, пріѣхавъ въ семинарію, велѣлъ собрать всѣхъ старшихъ учениковъ и, послѣ разспросовъ, приказалъ сѣчь виновныхъ. Лучшій ученикъ богословія Аѳиминскій наказанъ былъ такъ больно, что его на рукахъ принесли въ больницу. Онъ, по окончаніи курса, сдѣлавшись полковымъ священникомъ,

чѣмъ-то отличился во время сраженій въ отечественную войну и возвратился послѣ нея съ орденомъ второй степени св. Анны, явился къ оберъ-священнику Державину и благодарилъ его за сдѣланное ему въ семинаріи примѣрное нравоученіе. Послѣ трехъ лѣтъ моего нахожденія въ семинаріи подобные поступки учащихся и учащихъ прекратились и болѣе не возобновлялись; посмирнѣли ли ученики послѣ наказаній, пришли ли начальники и учителя къ сознанію непригодности подобныхъ наказаній, произошла ли такая перемѣна къ лучшему отъ перемѣщенія армейской семинаріи съ Васильевскаго острова въ 3-ю роту Измайловскаго полка, въ болѣе обширный домъ, въ которомъ отведена была квартира и оберъ-священнику,—неизвѣстно. Можетъ быть причиной тому и самое время, котораго обстоятельства укротили учащихъ и учащихся въ семинаріи. Насталъ 1812 годъ.

III.

Двѣнадцатый годъ.—Комета.—Смятеніе въ городѣ.—Сперанскій.—Смерть Кутузова и его погребеніе.—Проводы войскъ.—Воодушевленіе семинаристовъ.—Вѣсть о взятіи Парижа.—Возвращеніе гвардіи.—Императоръ Александръ I.; моя съ нимъ встрѣча.—Торжества послѣ войны.—Слоны и Персидское посольство.—Снаряженіе миссіи къ дворамъ.

Кто не помнитъ достопамятнаго и незабвеннаго 1812 года? Живо помню его и я по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія произвели на меня происшествія этого года, все то, что я собственными глазами видѣлъ или слышалъ. Помню я ту страшную комету, которая своимъ огромнымъ ядромъ и длиннымъ раздвоеннымъ хвостомъ пугала насъ дѣтей, появляясь въ сумерки въ теченіе долгаго времени; помню, какъ приходившіе тогда въ нашу семинарію военные и гражданскіе чиновники поражали нашъ слухъ, называя неповиннаго Сперанскаго измѣнникомъ и предателемъ; помню то смятеніе всѣхъ петербургскихъ жителей, когда они услышали о занятіи Москвы французами; помню и видѣлъ то потрясающее зрѣлище, когда бѣжавшіе изъ Москвы жители въ экипажахъ и на повозкахъ мимо нашей семинаріи въѣзжали въ Петербургъ при плачѣ женщинъ и дѣ-

тей; помню, какъ во многихъ пунктахъ города происходили наборы рекрутъ и ополченцевъ, при прощальномъ рыданіи оставляемыхъ ими семействъ; помню, какъ устрашенные обитатели Петербурга выносили изъ домовъ своихъ шкафы, комоды, сундуки и прочее имущество, препровождая ихъ на баркахъ въ Кронштадтъ, Або и другіе города Имперіи; помню, какъ пустѣлъ нашъ Петербургъ, какъ рѣдко показывались на улицахъ кареты и какъ, по отбытіи Государя къ арміи, остававшіяся въ городѣ императрицы Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна пріѣзжали молиться въ Казанскій соборъ и со слезами на глазахъ кланялись толпившемуся около нихъ народу, который и самъ плакалъ. Это собраніе называли тогда парадомъ; гвардейцевъ въ столицѣ уже не оставалось, дворецъ охраняли гарнизонные солдаты въ своихъ сѣрыхъ мундирахъ. Уныніе было всеобщее. Радостная вѣсть о Тарутинской побѣдѣ и о выходѣ французовъ изъ Москвы ободрила петербуржцевъ; дальнѣйшіе успѣхи нашего оружія и бѣгство французской арміи еще болѣе ихъ обрадовали. Помню, наконецъ, и то, какъ зимою вели мимо нашей семинаріи плѣнныхъ непріятелей, худо одѣтыхъ и коченѣвшихъ отъ мороза, который бывалъ тогда такъ силенъ, что изъ Лѣтняго сада возами вывозили замерзшихъ воронъ; жители съ сожалѣніемъ смотрѣли на плѣнныхъ, дарили ихъ одеждами и деньгами. Ужасная вѣсть о смерти князя Кутузова снова поразила Петербургъ унынiемъ. Плакали объ этомъ спасителѣ отечества всѣ, плакали о немъ и мы, дѣти, думая, что безъ него уже некому будетъ поражать нашихъ враговъ, и что Наполеонъ снова вернется въ Россію и овладѣетъ Петербургомъ. Но новыя побѣды нашихъ войскъ и занятіе Парижа совершенно успокоили жителей столицы.

По полученіи извѣстія о смерти Кутузова во всѣхъ церквахъ Петербурга начали читать Псалтырь, а въ Казанскомъ Соборѣ, подъ куполомъ, устроилась огромная арка, на поверхности которой живописью были изображены его побѣды. Я самъ видѣлъ погребеніе Кутузова и самъ былъ участникомъ въ погребальной церемоніи. Когда тѣло его было привезено въ Сер-

гіевскую пустынь, оберъ-священникъ Державинъ съ хоромъ своимъ долженъ былъ сопровождать тѣло покойнаго героя отъ пустыни въ Петербургъ. Наканунѣ того дня, въ маѣ мѣсяцѣ, нашъ хоръ пѣшкомъ отправился по Петергофскому тракту и достигъ пустыни уже ночью. Въ Сергіевской церкви мы увидѣли на черномъ катафалкѣ большой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ золотыми позументами, и надъ нимъ такой же балдахинъ съ золотыми кистями. Его окружали армейскіе солдаты съ ружьями. Выносъ начался поутру, часовъ въ 8, послѣ литіи. Гробъ съ балдахиномъ поставленъ былъ на высокую колесницу, запряженную 8 лошадьми въ черныхъ покрывалахъ; въ такихъ же траурныхъ плащахъ шли слуги съ факелами, позади вели лошадей покойнаго, а по сторонамъ гроба военные несли на бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена его. Впереди шло духовенство съ архіереемъ во главѣ и хоръ пѣвчихъ, которые на пути слѣдованія поперемѣнно шли и садились для отдыха въ кареты; такимъ же образомъ перемѣнялись между собой въ шествіи архіерей и оберъ-священникъ. Погребальный кортежъ, сопровождаемый множествомъ стекшагося народа, такъ былъ длиненъ, что когда, бывало, выскочишь изъ рядовъ хора, чтобы взглянуть на него, то на весьма далекомъ разстояніи видишь только одинъ верхъ балдахина съ княжескою на немъ короною и съ зыблющимися по четыремъ угламъ его страусовыми перьями. Путь, по которому тянулось шествіе до Петербурга, былъ усыпанъ ельникомъ на протяженіи 16 верстъ. Когда кортежъ приблизился къ тріумфальнымъ воротамъ, митрополитъ Амвросій со всѣмъ столичнымъ духовенствомъ, въ присутствіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, при множествѣ собравшагося народа, встрѣтилъ его. По данному знаку мгновенно отпряжены были лошади отъ погребальной колесницы, и жители Петербурга на себѣ повезли ее, наперерывъ смѣняя другъ друга. Во время шествія улицы Петербурга были буквально запружены народомъ, въ окнахъ и на крыльцахъ всѣхъ домовъ видны были зрители. Когда погребальную колесницу подвезли къ Казанскому собору, военные чины сняли съ нея гробъ, внесли внутрь храма и поставили

подъ арку, устроенную подъ куполомъ. Въ церковь пускали немногихъ. Посредствомъ какого-то механизма, скрытаго въ бокахъ арки, гробъ, какъ будто самъ собою, сталъ подниматься, и, когда прошелъ въ верхнее отверстіе арки, доски тѣмъ же механизмомъ задвинули отверстіе, и на нихъ гробъ сталъ; надъ нимъ преклонились знамена и спустился съ купола восковой Архангелъ Михаилъ съ лавровымъ вѣнцомъ въ рукѣ. По совершеніи краткой литіи, четыре кавалергарда, съ касками на головахъ и съ обнаженными саблями, взошли на платформу арки и стали по четыремъ угламъ гроба. Псаломщикъ сталъ читать псалтирь, всѣ присутствующіе стали расходиться, съ ними ушелъ и нашъ хоръ. На третій день совершено было въ Казанскомъ соборѣ и самое погребеніе, при которомъ нашего хора уже не было.

Въ началѣ отечественной войны ученіе въ Армейской Семинаріи шло слабо и съ перерывами. Пѣвчіе въ особенности отвлекались отъ учебныхъ занятій. Они часто должны были ходить за оберъ-священникомъ на Семеновскій плацъ, гдѣ совершались напутственныя молебствія передъ отправленіемъ полковъ гвардіи въ походъ. Полки всегда выходили изъ города по Обуховскому проспекту мимо нашей семинаріи, и всѣ семинаристы выбѣгали за ворота смотрѣть на процессіи. Оберъ-священникъ благословлялъ полки иконами. Трогательно было это зрѣлище: генералы и полковые командиры со слезами принимали эти иконы и говорили: „батюшка, молитесь за насъ, идемъ умереть за отечество“. Настроеніе семинаристовъ было воинственное. Человѣкъ 15 изъ нихъ поступило тогда въ регулярные полки и въ ополченіе. Нѣкоторые изъ нихъ воротились офицерами, а ополченецъ Дудулкевичъ побывалъ даже въ самомъ Парижѣ и принесъ съ собою немалую деньгу. Мы, дѣти, большую часть времени проводили въ забавахъ, изучая воинскій артикулъ, маршировали съ палками въ рукахъ, подъ командою солдата, сторожа нашего Агаѳона. Намъ тогда было уже не до науки: всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ занимались вѣстями изъ арміи, читали продаваемыя на улицахъ реляціи, встрѣчали фельдъегерей, отъ которыхъ, конечно, ничего не узнавали; одинъ только

изъ нихъ, какъ я помню, скакавшій во весь опоръ, съ казакомъ позади его, мимо нашей семинаріи, громко прокричалъ: „мы побѣдили французовъ, выгнали изъ Москвы!“ Когда пришла въ Петербургъ радостная вѣсть о взятіи Парижа, восторгъ жителей былъ неописанный. Три ночи сряду продолжалась великолѣпнѣйшая, небывалая иллюминація. Насъ освободили тогда отъ ученія, и мы бродили въ тѣ ночи по иллюминованнымъ улицамъ, смотря на многочисленные картины и транспаранты, выставленные противъ домовъ, слушая игравшую повсюду музыку и радостный говоръ толпившагося народа, среди котораго проѣзжали Императрицы при восклицаніяхъ: „ура!“ Само собою разумѣется, что послѣ такихъ празднествъ уроки намъ не шли уже въ голову. Когда по окончаніи войны гвардія возвращалась въ Петербургъ, государь Александръ Павловичъ, прежде того ночью прибывшій въ Петербургъ и отказавшійся отъ предложенной ему торжественной встрѣчи, встрѣтилъ гвардію за новыми тріумфальными воротами, выстроенными для этого именно случая. Шествіе открылъ самъ государь верхомъ на бѣломъ конѣ, съ генералитетомъ позади его; затѣмъ ѣхали въ торжественной открытой колесницѣ великолѣпно одѣтыя Императрицы съ Великой Княжной Анной Павловной. Полки гвардіи приближались къ столицѣ торжественнымъ, тихимъ маршемъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ, а затѣмъ уже бѣжали, говоря: „такъ мы вступали въ Парижъ!“ Жены солдатъ врывались въ ряды ихъ и обнимали своихъ мужей. Я стоялъ у самой веревки, протянутой для удержанія толпившагося народа въ порядкѣ, и видѣлъ всю церемонію. Говорили, что, когда Государь подъѣзжалъ къ старымъ каменнымъ тріумфальнымъ воротамъ, мальчишки толпою вырвались за веревку и окружили Государя, который, запретивъ отгонять ихъ, самъ громкимъ голосомъ закричалъ: „ура!“ Мальчишки повторили это восклицаніе, и затѣмъ оно понеслось въ народѣ и въ войскѣ. Я, находясь вдали, не могъ этого видѣть и слышать. Можно считать этотъ разсказъ невѣроятнымъ, но надобно знать, какъ покойный Императоръ Александръ Павловичъ былъ благодушенъ, когда являлся передъ народомъ. Когда, бывало, зимою онъ про-

хаживался по набережнымъ, мальчишки, катавшіеся на конькахъ по рѣкѣ, увидѣвши его, громко кричали: „братцы, вонъ идетъ Государь!“ и толпою бѣжали къ нему. Квартальные не смѣли отгонять ихъ, но, по удаленіи Государя, задавали смѣльчакамъ таску.

Однажды и мнѣ случилось встрѣтиться съ покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ. На масляной недѣлѣ, когда ученики освобождаются отъ классовъ, я не могъ выходить изъ семинаріи, за ветхостью сапогъ. Выпросивъ сапоги у товарища, я пошелъ къ сапожнику, жившему на Васильевскомъ Островѣ. Получивъ у него новые сапоги, я возвращался ближайшею дорогой мимо голландской биржи по узкому безлюдному переулку; вдали я завидѣлъ сани, запряженныя въ одну сѣрую лошадь, и на козлахъ сидѣвшаго царскаго кучера Ильюшку, котораго всѣ въ Петербургѣ знали. Я догадался, что ѣдетъ самъ Государь. Когда сани подъѣхали близко, я сталъ въ сторону, снялъ шапку и низко поклонился, держа на лѣвой рукѣ связанные ремешкомъ сапоги. Государь, обратясь ко мнѣ, приложилъ руку свою къ шляпѣ и, смѣясь, что-то говорилъ своему кучеру,

За окончаніемъ войны въ Петербургѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ торжествъ. Помню, какъ мимо нашей семинаріи совершился торжественный въѣздъ невѣсты Великаго князя Николая Павловича Александры Ѳеодоровны, дочери прусскаго короля.— Прекрасная свѣтловолосая принцесса сидѣла въ золотой каретѣ съ Императрицами и привѣтливо кланялась на обѣ стороны народу и войску, шпалерами стоявшему на всемъ пути до дворца. Впереди ѣхалъ Государь съ генералитетомъ; подлѣ кареты слѣдовалъ верхомъ Августѣйшій женихъ. Шествіе это продолжалось при пушечныхъ выстрѣлахъ и восклицаніяхъ народа и войска.—Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, мимо нашей семинаріи прослѣдовала торжественная процессія по случаю въѣзда самого Прусскаго Короля. По этому же пути въ октябрѣ мѣсяцѣ вели двухъ огромнѣйшихъ слоновъ, присланныхъ Персидскимъ Шахомъ въ подарокъ Государю. Это было новое для насъ зрѣлище. Народъ толпился около слоновъ. По какому-то

знаку персіянина-провожатаго, самецъ слонъ, захвативъ хоботомъ изъ лужи воды, обдалъ ею публику, и всѣ смѣялись. Зимою, при торжественномъ въѣздѣ персидскаго посла, вели за нимъ этихъ слоновъ въ богатыхъ шелковыхъ попонахъ и медвѣжьихъ туфляхъ. На хребтахъ ихъ устроены были богатыя будки, въ которыхъ сидѣли члены посольства съ дарами Шаха, а сзади слоновъ персіяне вели прекраснѣйшихъ персидскихъ лошадей для двора. Говорили, что во время пребыванія персидскаго посольства въ Петербургѣ одинъ изъ членовъ его пронзилъ кинжаломъ одного русскаго. Когда оберъ-полиціймейстеръ донесъ объ этомъ посланнику, послѣдній просилъ перваго нѣсколько обождать, и чрезъ нѣсколько минутъ принесли на блюдѣ и показали оберъ-полиціймейстеру отрубленную голову убійцы.

Императоръ Александръ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, повелѣлъ директору пѣвческой капеллы Бортнянскому набрать лучшихъ псаломщиковъ для церкви при гробѣ любимѣйшей и несчастнѣйшей сестры Его Александры Павловны и представить ихъ Ему самому на испытаніе. Въ число набранныхъ псаломщиковъ попалъ басъ нашего хора Ульянскій, который разсказывалъ намъ слѣдующее. Въ четвергъ пасхальной недѣли князь А. Н. Голицынъ и Бортнянскій привели ихъ во дворецъ къ самому кабинету Государя въ десять часовъ утра. Вскорѣ Государь вышелъ къ нимъ въ военномъ сюртукѣ, безъ галстуха, въ ботфортахъ, на одной изъ которыхъ видна была заплата. Держа въ рукѣ книгу, онъ спросилъ: „Кто изъ васъ басъ?“ Ульянскій обозвался; Государь, подавъ ему развернутую книгу пасхальной службы, велѣлъ начинать пѣть. Ульянскій отъ робости не могъ начать; Государь самъ запѣлъ басомъ „аминь“ и затѣмъ пропѣлъ съ нами всю пасхальную всенощную, потомъ они пѣли съ нимъ и партесныя пьесы. Я,—говорилъ Ульянскій,—исполнялъ ихъ по своимъ нотамъ, а государь пѣлъ по своему и спросилъ Бортнянскаго: „Кто изъ насъ правъ?“ Бортнянскій отвѣчалъ: „можно пѣть такъ и такъ“. По окончаніи пѣнія Государь обратился къ намъ съ такими словами: „Я по-

сылаю васъ въ такое мѣсто, которое близко моему сердцу; служите тамъ вѣрно и усердно, я васъ буду имѣть въ виду".

IV.

Смерть отца.—Орловъ и Мансветовъ.—Священникъ Петровъ.—Прогулка въ Петергофъ.—Учитель Мансветовъ.—Архіепископъ Михаилъ.—Ревизоръ архимандритъ Иннокентій.—Студентъ Суворовъ.—Обученіе дѣтей Державина.—Закрытіе Семинаріи.

Въ 1815 году я поступилъ въ риторическій классъ. Въ началѣ этого курса меня поразило такое горе, какого я никогда не испытывалъ и никогда уже не испытаю. Замѣчательно, что на меня вдругъ и безъ всякой видимой причины напала неизъяснимая тоска, отъ которой я не зналъ, куда дѣваться; я удалялся отъ товарищей въ пустые классы и тамъ плакалъ. Мнѣ почему-то казалось, что товарищи враждебно смотрятъ на меня, а начальство и учителя за что-то на меня сердятся. Чрезъ нѣсколько дней, когда товарищи окружили меня плачущаго, пришелъ письмоводитель канцеляріи оберъ-священника, и тяжкое предчувствіе мое объяснилось. Письмоводитель, видя мои слезы, спросилъ: „кто же сказалъ ему, что отецъ его умеръ?" Слова эти какъ громомъ поразили меня, я едва устоялъ на ногахъ и залился горькими слезами. Въ канцеляріи я узналъ послѣ, что отецъ мой въ 1813 году, въ одномъ изъ сраженій въ Германіи, былъ раненъ осколкомъ ядра въ бокъ, и скоро умеръ. Уже по смерти его ему вышла награда—золотой крестъ. Матери моей назначена пенсія въ 100 рублей.—Время и классныя занятія облегчили скорбь мою, а милость Божія послала мнѣ тогда благотворителей, которые своимъ отеческимъ ко мнѣ благорасположеніемъ облегчили мое сиротство и самый ходъ моего ученія. Благотворители эти были: инспекторъ семинаріи Яковъ Васильевичъ Орловъ и учитель словесности—священникъ Мансветовъ. Риторическіе уроки меня не затрудняли. Даровитый Полковъ и въ этомъ классѣ превосходилъ всѣхъ насъ своими успѣхами. Еще въ 3-мъ классѣ, не зная правилъ риторики, онъ писалъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Мы часто обращались

къ нему за объясненіями по предметамъ нашихъ уроковъ, и онъ охотно помогалъ намъ. Но Орловъ и Мансветовъ, не знаю почему, особенно благоволили ко мнѣ.

Орловъ, занимая въ семинаріи нашей должность инспектора и преподавателя исторіи, въ то же время читалъ лекціи исторіи и въ петербургской академіи для воспитанниковъ перваго ея выпуска. Будучи слишкомъ занятъ своими сочиненіями и отлучками въ академію, онъ часто призывалъ меня къ себѣ и давалъ свои академическія лекціи для того, чтобы я, по его наставленію, сокращалъ ихъ и въ сокращенномъ уже видѣ передавалъ соученикамъ моимъ. Поэтому я много читалъ и полюбилъ исторію, что было мнѣ полезно и въ академіи.—По рекомендаціи Орлова я приглашенъ былъ на вакаціонное время конногвардейскимъ священникомъ Петровымъ приготовлять сына его къ поступленію въ семинарію. Петровъ давалъ мнѣ читать бывшія тогда въ печати сочиненія Карамзина, которыя я читалъ съ увлеченіемъ. Такимъ образомъ я проводилъ время у Петрова съ пользою для себя и съ удовольствіемъ. Но тогда же я испыталъ и неожиданную для меня непріятность, которую и теперь не забываю.

22-го іюля, когда въ Петергофѣ праздновалось тезоименитство императрицы Маріи Ѳеодоровны, на которое обыкновенно собиралась масса публики изъ Петербурга, пришелъ къ Петрову одинъ чиновникъ и между прочимъ сообщилъ, что онъ съ компаніей отправляется въ Петергофъ. Петровъ, желая доставить мнѣ удовольствіе, просилъ этого чиновника взять и меня съ собою, на что тотъ и согласился. Мы отправились по Финскому заливу на катерѣ и благополучно прибыли въ Петергофъ къ тому самому времени, когда, по окончаніи обѣдни, передъ дворцомъ происходилъ парадъ кавалергардскаго полка подъ командою Великаго Князя Константина Павловича. Тамъ собралась уже большая толпа народа, къ этой толпѣ присоединились и мы. Зазѣвавшись на парадъ, я какъ-то отсталъ отъ моихъ знакомыхъ и, отыскивая ихъ, сталъ бѣгать въ разныя стороны: не находя ихъ въ верхнемъ саду, я бѣгалъ въ нижній, возвращался нѣсколько разъ назадъ и опять въ нижній садъ,

но все безуспѣшно. Между тѣмъ толпа народа росла все больше, время приблизилось къ ночи, и стали зажигать иллюминацію. Бѣгая взадъ и впередъ по проспектамъ, я плакалъ. Какой-то человѣкъ подозрительнаго вида взялъ меня за руку и повелъ по аллеямъ, какъ вдругъ, къ моему утѣшенію, встрѣтили меня два моихъ товарища и взяли съ собой. Долго бродили мы по Петергофскимъ аллеямъ, любуясь блестящею иллюминаціей, фонтанами и проѣзжавшими среди народа придворными линейками, на которыхъ сидѣли члены царской фамиліи и нѣкоторые изъ ея свиты. Утомившись отъ ходьбы и проголодавшись, мы сѣли подлѣ одного балагана, въ которомъ товарищи мои купили булокъ и покормили ими и меня, не имѣвшаго ни копейки. Поспавши немного, мы рано отправились пѣшкомъ въ обратный путь по петергофскому шоссе. Утомленные походомъ нашимъ, мы смотрѣли на многочисленные возвращавшіеся въ Петербургъ экипажи; видя пустыя запятки у одной коляски, мы съ товарищемъ сѣли на нихъ. Но не долго мы такъ ѣхали: неожиданно изъ коляски послѣдовалъ ударъ плетью прямо по моему лицу; мы тотчасъ же соскочили и посрамленные кое-какъ пѣшкомъ доплелись до Петербурга. Вскорѣ пришелъ къ Петрову упомянутый выше чиновникъ и, обрадовавшись моему возвращенію, говорилъ, что я потерялся въ Петергофѣ къ моему счастью, потому что на обратномъ пути на Финскомъ заливѣ была страшная буря, угрожавшая пасссажирамъ гибелью, и что будто бы одинъ изъ катеровъ перевернулся. Вотъ каково было мое путешествіе въ Петергофъ, отъ котораго я ожидалъ себѣ удовольствія. Тогда же кончилась наша ваканція, и я возвратился въ семинарію.

Другой мой доброжелатель Мансветовъ, съ отличнымъ успѣхомъ обучавшійся въ петербургской академіи, еще до ея преобразованія, бывшій потомъ превосходнымъ учителемъ словесности въ ярославской семинаріи и выбывшій изъ нея вслѣдствіе непріятностей съ архіереемъ, поступилъ священникомъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прославился своими прекрасными напечатанными поученіями воинамъ. Оберъ-священникъ вызвалъ его въ армейскую семинарію на каѳедру русской словесности и греческаго языка. Разумное его препо-

даваніе пріобрѣло ему общее уваженіе учащихся. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его лекціи, особенно когда онъ въ собраніи трехъ высшихъ классовъ читалъ и разбиралъ рѣчи Цицерона, сочиненія Державина и проповѣди Филарета, входившаго тогда въ славу. Мы, ученики-риторики, не могли еще усвоить себѣ этихъ лекцій, но я хорошо помню, какъ онъ, превознося Филарета, говорилъ, что никто еще изъ духовныхъ писателей, до него бывшихъ, не пользовался такъ хорошо герменевтикою и никто не объяснялъ св. писанія такъ вразумительно. Въ нашемъ риторическомъ классѣ онъ занимался съ нами болѣе практически: читалъ намъ образцовыя по словесности сочиненія, объясняя ихъ, часто заставлялъ насъ и самихъ сочинять, исправлялъ эти сочиненія, заставляя по нѣсколько разъ передѣлывать ихъ. Онъ преподавалъ намъ также поэзію и училъ писать стихи. Когда преподаны были намъ правила всѣхъ родовъ сочиненій, Мансветовъ посовѣтовалъ мнѣ написать оду на Рождество Христово для поднесенія черниговскому архіепископу Михаилу, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и знавшему моего отца по епархіи. Я ее написалъ, а Мансветовъ поправилъ. Въ первый день праздника я предсталъ предъ владыкой съ моимъ произведеніемъ и получилъ отъ него въ награду 25 рублей ассигнаціями. Въ день Пасхи я поднесъ преосвященному сочиненную и поправленную Мансветовымъ рѣчь мою, за которую онъ тогда не далъ мнѣ денегъ, но будучи уже въ санѣ петербургскаго митрополита, оказалъ мнѣ болѣе существенное благодѣяніе.

При окончаніи риторическаго курса нашего назначенъ былъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ ревизоромъ нашей семинаріи славившійся тогда своею ученостію архимандритъ Иннокентій, ректоръ петербургской семинаріи, докторъ богословія. Мы ревностно и съ нѣкоторымъ страхомъ готовились къ экзамену. Иннокентій вмѣстѣ съ оберъ-священникомъ Державинымъ пришелъ въ нашу залу, гдѣ собраны были ученики высшихъ трехъ классовъ семинаріи, которыхъ число, считая въ немъ и учениковъ уѣзднаго училища, называвшихся тогда семинаристами, было не болѣе 70-ти. Иннокентій началъ испытанія съ

богословскаго класса, въ которомъ тогда, за выбытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ въ военную службу, было только два, а ученикамъ философіи и риторики назначилъ писать сочиненія; намъ далъ тему: „De praestantia litterarum“. Преподаватель богословія магистръ Маловъ отличался своею бойкостью, спрашивая учениковъ и отвѣчая иногда за нихъ предъ ревизоромъ. Когда очередь дошла до насъ, Мансветовъ представилъ Иннокентію написанныя на заданныя темы наши сочиненія и много другихъ классныхъ нашихъ упражненій. Иннокентій, окончивъ ревизію, просилъ оберъ - священника представить Мансветова къ наградѣ. Послѣ экзамена я, въ числѣ прочихъ сочениковъ моихъ, былъ переведенъ въ классъ философіи, а нѣкоторые изъ нихъ, уже великовозрастные, остались въ томъ же классѣ. Философію намъ преподавалъ Суворовъ, студентъ, обучавшійся въ академіи съ первымъ выпускомъ, но не получившій академической степени. Вѣроятно, въ то время не было еще достаточнаго числа магистровъ и кандидатовъ для всѣхъ семинарій. О достоинствѣ преподаванія Суворова мы еще судить не могли.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ классъ философіи, по рекомендаціи инспектора Орлова, меня назначили учить маленькихъ дѣтей оберъ-священника, который съ этого времени сталъ еще болѣе благоволить ко мнѣ. Жизнь моя въ это время была весьма счастлива. Я думалъ, что въ армейской семинаріи благополучно кончу полный курсъ, но надеждѣ моей не суждено было исполниться. Стали носиться слухи, что семинарію нашу закроютъ, и этотъ слухъ насъ всѣхъ сильно встревожилъ. Мы сердечно любили наше заведеніе, пользуясь въ немъ хорошимъ содержаніемъ: комнаты наши были чистыя, свѣтлыя, даже расписанныя; одежду намъ давали приличную; кормили насъ удовлетворительно; начальствующіе обходились съ нами въ послѣднее время гуманнѣе прежняго. Къ концу года нахожденія моего въ классѣ философіи тревожные слухи исполнились. Синодъ положилъ: армейскую семинарію, по малочисленности ея, закрыть, а воспитанниковъ ея разослать по тѣмъ епархіямъ, въ которыхъ находились ихъ родные; отпускаемую на семинарію

сумму предоставлено оберъ-священнику ежегодно разсылать епархіальнымъ архіереямъ для содержанія армейскихъ воспитанниковъ въ мѣстныхъ семинаріяхъ. Грустно намъ было видѣть, какъ стали выѣзжать наши однокашники. Наконецъ дѣло дошло и до остававшихся еще въ домѣ учениковъ, состоявшихъ въ петербургской губерніи. Куда меня дѣнутъ, я еще не зналъ. Оберъ-священникъ объявилъ мнѣ, что я поступлю въ петербургскую Александро-Невскую семинарію. Слова эти, съ одной стороны, утѣшили меня тѣмъ, что я не удалюсь отъ любимаго семейства Державиныхъ, съ другой же стороны—огорчали меня тѣмъ, что я долженъ поступить въ нелюбимую нами Невскую семинарію, съ которою наша находилась въ какомъ-то антагонизмѣ. Невскіе семинаристы называли насъ солдатами, а мы ихъ *пучками*, потому что они незадолго до окончанія курса отращивали у себя и заплетали косы.

Настало время нашего выхода изъ дома. Когда мы (въ числѣ 16 душъ) собрались на дворѣ, оберъ-священникъ, съ грустнымъ видомъ, изъ окна благословилъ насъ,—и повели насъ плачущихъ за обозомъ нашимъ въ плѣненіе вавилонское, какъ мы тогда называли несчастное перемѣщеніе наше подъ начальство монаховъ, которыхъ мы не любили и боялись. Я скорбѣлъ еще и потому, что въ числѣ переселенцевъ былъ одинъ только я изъ философскаго класса.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Прозою или стихами написано „Слово о полку Игоревѣ“?

Вопросъ о формѣ „Слова о полку Игоревѣ“—не маловаженъ въ ряду другихъ вопросовъ о „Словѣ“. Далеко не безразлично: читать ли извѣстное художественно-литературное произведеніе какъ стихи, или какъ прозу. При прозаическомъ чтеніи стиховъ совершенно теряется весьма значительная доля художественнаго обаянія произведенія. Съ этимъ согласится каждый, кому доводилось слышать неумѣлое чтеніе стихотворныхъ произведеній.

Ставя своей задачей попытаться рѣшить вопросъ о формѣ „Слова“ и именно доказать стихотворный ея характеръ,—считаю полезнымъ дать критическій обзоръ сдѣланнаго по данному вопросу.

Въ спискѣ, которымъ пользовались первые издатели (въ Пушкинскомъ Сборникѣ), слово о полку Игоревѣ писано было въ сплошную строку и даже безъ красныхъ строкъ: безъ дѣленія на какіе бы то ни было отдѣлы—части [1]). Такимъ образомъ, формой своего написанія въ Пушкинскомъ спискѣ „Слово“ какъ бы указывало на прозаическій свой характеръ (точнѣе: *не* указывало на стихотворный).—Но вмѣстѣ съ тѣмъ, уже при первомъ знакомствѣ съ „Словомъ“, не могла не бросаться въ глаза и художественная образность его языка. Видно было, что по содержанію и языку—это не проза, а поэзія.

---

[1]) Доказательства: а) письмо М.—Пушкина къ Калайдовичу отъ 31 декабря 1813 г. (напеч. въ Зап. и Тр. Общ. Ист. и Др. Рос., ч. II, 1824 г. стр. 36. Ср. Барсова II, 36 и Смирнова I, 5). б) Екатерининская копія „Слова“ (писана вовсе безъ красныхъ строкъ) и 1-е изданіе его—1800 г. (всего 7-мь красныхъ строкъ).

Такою же двойственностью отличались, казалось, и тѣ немногія выраженія, въ которыхъ авторъ самъ, какъ будто, характеризовалъ свое произведеніе. Оно называлось здѣсь то „Словомъ“, то „пѣснью“, то „повѣстью“ или „трудными повѣстьми“. Говорилъ авторъ о какихъ то „старыхъ словесахъ“, обѣщалъ пѣсню „по былинамъ сего времени“, а не по замышленію Бояню“. Какъ все это понять и какъ примирить?—являлся вопросъ.

И изслѣдователи обращали вниманіе: то на форму написанія „Слова“ въ Пушкинской рукописи, то на образность его языка, то на то или другое выраженіе въ самомъ „Словѣ“, толкуя послѣднія нерѣдко различно; и приходили къ выводамъ, естественно тоже различнымъ до противоположности.

Въ первомъ печатномъ извѣстіи объ открытіи „Слова“ оно названо было „отрывкомъ поэмы“—“пѣснью“ Игоревыхъ воиновъ („Fragment d'un poëme“—„le Chant des guerriers d' Jgor“) [1]. „Поэмой“ (с. VI)—„отрывкомъ“ (с. VIII) въ предисловіи, а „Ироической пѣснью“ въ заглавіи называли „Слово“ и первые его издатели. О внѣшней формѣ произведенія (проза или стихи) было такимъ образомъ умолчано. Но уже въ слѣдующемъ году Шлецеръ сказалъ, что „Слово“ написано „піитическою прозою“. Съ тѣхъ поръ и до-нынѣ это—господствующее мнѣніе о формѣ „Слова“.— Но такой взглядъ не мѣшалъ инымъ изъ лицъ, считавшихъ его прозаическимъ произведеніемъ, называть „Слово“ „историческою поэмою“ или просто „пѣснью“; а подчасъ даже называть автора „Слова“ „стихотворцемъ“ (Грамматинъ). Прозу „Слова“ нерѣдко называли „гармоническою“, „размѣренною“, „благозвучною“, „мѣрной прозою, въ родѣ арабской“. Грамматинъ, считавшій „Слово“ поэмой въ прозѣ, говорилъ между прочимъ о складѣ „Слова“: „періоды его кратки и заключаютъ въ себѣ не только сами, но и части ихъ, отдѣльный смыслъ; отъ *этаго* происходитъ гармонія, *похожая на нѣкоторый размѣръ*“. Въ „прозѣ“ „Слова“ „слышны, по мнѣнію Грамматина, разные роды звучныхъ кадансовъ, или размѣровъ“ [2].

[1] Въ октябрьской кн. гамбурскаго журнала „Spectateur du Nord, p. 55, См. Барс.: I, 31; Смирн.: I, 4; Петрушевичъ: 32.

[2] „Сл. о П. Игор.“, М. 1823 г., с. 31—32; (сперва въ „Вѣстн. Евр.“ 1822 г., ч. V, № 18, с. 138—9. Ср. Смирн: I, 40).

Но если Грамматинъ, убѣжденный въ прозаическомъ характерѣ „Слова“, тѣмъ не менѣе замѣчалъ въ немъ „гармонію, похожую на нѣкоторый размѣръ“,—то на другихъ лицъ языкъ „Слова“—художественный, образный, мѣрный—производилъ впечатлѣніе гораздо болѣе сильное. Не стихи ли это, невольно напрашивался вопросъ. И *непосредственное впечатлѣніе* отъ чтенія „Слова“ нерѣдко подсказывало утвердительный отвѣтъ: да, стихи,—стихи отъ начала до конца.—Эту мысль допускалъ уже Востоковъ, положительно утверждалъ Н. Полевой, считалъ вѣроятной Максимовичъ; ею увлеклись Павскій и Жуковскій. Къ ней склонялись позже: въ 50-хъ годахъ Бѣляевъ [1]) и Гербель, въ 70-хъ—Малашевъ, въ 80-хъ—Барсовъ и Петрушевичъ.

„Есть ли какой размѣръ въ словѣ о полку Игоревѣ“, уже въ 1812—17 г. ставилъ вопросъ А. Востоковъ [2]); „въ стихахъ или прозѣ“ написано оно? Допуская и то, и другое рѣшеніе, авторъ склоненъ былъ считать вопросъ едва ли разрѣшимымъ. Если бы размѣръ XII-го вѣка, разсуждалъ онъ, и сохранился „чрезъ столько вѣковъ“ „въ настоящемъ своемъ видѣ“, мы все таки „не только судить объ немъ, но даже примѣтить его теперь не могли бы за его древностью, ибо чрезъ 600 лѣтъ, вѣрно, сколько нибудь перемѣнилась и прозодія языка Русскаго?“ Текстъ „Слова“ Востоковъ пробовалъ все таки раздѣлить „на стихи подобные библейскимъ“. „Признаюсь, говорилъ онъ, что я испытывалъ сію операцію надъ всей поэмой: она у меня раздѣлилась, безъ всякой принужденной разтяжки и безъ всякой перестановки словъ, на... довольно равные и мѣрные періоды или стихи“. Приведенный Востоковымъ образчикъ его дѣленія „Слова“, (11-ть стиховъ: 1. Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе... 11. Шизымъ орломъ подъ облакы“), обнаруживая въ авторѣ глубокую чуткость къ размѣру „Слова“, заставляетъ пожалѣть, что онъ не обнародовалъ тогда же результатовъ своей операціи“ надъ „Сло-

[1]) Отрывокъ (начало) изъ опыта Бѣляева разложить „Слово“ на стихи изданъ А. Бычковымъ въ 1887 г. (у Барсова, т. II, „дополненія“, с. 3—4], по черновымъ бумагамъ автора, сохранившимся въ отрывкахъ.

[2]) Въ „Опытѣ о рус. стихосложеніи“: 1-е изд. въ „Спб. Вѣстн.“ за 1812 г., 2-е. Спб. 1817 г., с. 159—61. Ср. Смирн.: I, 24—25; Барс.: I, 168—9.

вомъ". Но и тѣ 3 печатныхъ странички, которыя удѣлилъ вопросу о размѣрѣ „Слова" Востоковъ, оставили замѣтный слѣдъ въ литературѣ „Слова". Свѣтлая мысль о стихотворной (*можетъ быть*) формѣ „Слова", пущенная впервые имъ, была замѣчена и, хотя медленно и нетвердо, все же стала пробивать себѣ дорогу.

Первые шаги по пути Востокова (20-хъ годовъ) были неудачны. Бѣда была въ томъ, что хотѣли найти въ „Словѣ" одинъ *опредѣленный*, притомъ *литературный*, стихотворный размѣръ. Пасторъ Зедергольмъ, при своемъ нѣмецкомъ переводѣ „Слова", сдѣлалъ открытіе, что „Слово" писано хореями и амфибрахіями [1]). Спустя три года Дубенскому почудилось, что оно сложено шестистопнымъ дактилохореическимъ стихомъ или гекзаметромъ [2]). Къ счастью попытки въ этомъ направленіи были немногочисленны. Лишь въ 80-хъ годахъ Ом. Партыцкій издалъ цѣлое изслѣдованіе, въ которомъ доказывалъ, что „Слово" писано ямбами и трохеями [3]).

Къ какому искаженію „Слова" вели эти попытки, можно видѣть изъ слѣдующаго образчика дѣленія его на стихи Дубенскимъ:

Святъславъ грозный Великый Кіевскый... Бяшетъ грозою
Притрепеталъ плъки своими сильными и харалужными
Мечи; наступи на Половецкую землю;
. . . . . .
Русскаго злата насыпаша. Ту князь высѣдѣ Игорь
Изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево, уныша
Бо градомъ забралы, а веселье пониче.

Довольно. Слова переставлены, мысли разбиты на клочки. Желая облечь „Слово" въ гекзаметрическую форму, авторъ достигъ неожиданныхъ результатовъ: глубоко поэтическое мѣсто превратилъ въ прозу.

---

[1]) М. 1825 г. См. Сахаровъ, пѣсни ч. V (1839 г.), с. 28.

[2]) Въ „опытѣ о народн. Рус. стихосложеніи". М. 1828 г. и См. Барс. т. I, с. 170 и 7; Сахаровъ, Пѣсни, ч. I. Ср. Д. Дубенскій „Сл. о П. Иг." въ „Рус. Достопам.", изд. О. И. и др. Р., ч. III. М. 1844 г., с. с. II—III.

[3]) „Сл. о П. Иг." Въ Львовѣ, 1884. (сперва въ журналѣ „Зоря" 1884 г. №№ 9—16, 18—21). См. Огоновскій, Истор. литерат. руской, ч. I, (Л. 1887 г.), с. 74 и 76.

Прямыми продолжателями Востокова въ дѣлѣ изученія размѣра „Слова“ были Н. Полевой [1]) и М. Максимовичъ [2]). Востоковъ готовъ былъ смотрѣть на этотъ размѣръ, какъ на древне-русскій. Такъ же склонны были смотрѣть на него и Полевой и Максимовичъ. Полевой, какъ великороссъ, высказывалъ предположеніе, (считая его принадлежащимъ Востокову), что „Слово“ писано метромъ, изъ коего образовались метръ былинъ и метръ пѣсенъ (великорусскихъ). Максимовичъ, какъ малороссъ, предполагалъ въ немъ зачаточную (недоразвившуюся) форму нынѣ извѣстныхъ размѣровъ украинской и великорусской поэзіи, а особенно—малорусской Думы. Точнѣе указать этотъ размѣръ Максимовичъ рѣшался лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выдавала его рифма; зато Полевой шелъ по болѣе вѣрному пути. „Въ Словѣ о полку Игоревомъ, говорилъ онъ, *размѣръ явенъ*, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, (и) вы тотчасъ поймете его разнообразную, пѣвучую музыкальность:

А встона (бо), братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми;
Тоска разліяся по Русской землѣ [и]
Печаль жирна тече средь земли русскія;
(А) князи сами на себя (е) крамолу коваху,
А поганіи, сами (побѣдами) нарыщуще на Русскую землю,
Емляху дань по бѣлѣ отъ двора...

Вотъ еще другой мелодическій переходъ его:

О Днѣпре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы, сквозѣ землю Половецкую;
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до полку Кобякова!
Взлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ,
А быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!...

Къ 30-мъ же, можно думать, годамъ (а, можетъ быть, и ко времени болѣе раннему [3]), относятся попытки Жуковскаго и

---

[1]) Рец. на изд. „Слова“ Вельтманомъ Москов. Телегр. 1833 г., ч. V, кн. II, № 7, с. 419—42. Перепеч. въ „Очеркахъ рус. литерат.“ (1839 г.). т. 2, с. 132—50 (собств. на с. 143—4-й) Ср. Смирн. I, 47, 46; Сахаровъ, Пѣсни, ч. I, с. CLVII—IX; Барс. I, 169.

[2]) Въ Ж. М. Н. Пр. 1836—7 гг. и отд. оттискахъ: Спб. 1837 г., с. 81—84. Перепеч. въ Собр. Сочин., т. III, с. 560—3.

[3]) Ив. Бычковъ относитъ переводъ Жуковскаго къ гг. 1817—19; Н. Барсовъ и Е. Барсовъ—переводъ Павскаго къ 20 годамъ.

Павскаго перевести „Слово“ *размѣромъ подлинника*, (угадавъ этотъ размѣръ). Къ сожалѣнію оба перевода долго оставались въ рукописи и выглянули на свѣтъ Божій лишь въ 80-тыхъ годахъ [1]).

Востоковъ, Жуковскій разбили на стихи подлинникъ „Слова“; Жуковскій и Павскій перевели его размѣромъ подлинника,—но ни одинъ изъ нихъ своихъ трудовъ не обнародовалъ. Лишь спустя еще лѣтъ 20 Гербель первый рѣшился не только попытаться угадать размѣръ „Слова“ и подѣлить его на стихи, *но и издать* текстъ „Слова“ въ такомъ реставрированномъ видѣ [2]). Исходной точкой попытки Гербеля послужило мнѣніе Максимовича, и Гербель разбилъ „Слово“ и на стихи, подобные стариннымъ украинскимъ“. Оригинальная попытка не могла не обратить вниманія критики. Большинство хвалило, иные порицали. Критики-малороссы находили попытку удачной, хотя и не вполнѣ. „Г. Гербель первый изъ переводчиковъ разбилъ текстъ на стихи, писалъ Афанасьевъ), и, какъ мнѣ кажется исполнилъ это дѣло удачно“. „Стихи, на которые онъ раздѣлилъ Пѣснь Игорю, замѣчалъ Максимовичъ [4]), *иногда слишкомъ уже дробны*; но во всякомъ случаѣ эта работа г. Гербеля составляетъ памятную услугу его въ отношеніи къ подлиннику Пѣсни“.

Замѣчаніе Максимовича объ излишней дробности дѣленія Гербеля было вполнѣ справедливо. Стихи предшественниковъ

---

[1]) Переводъ Жуковскаго изданъ П. Бычковымъ въ „Отчетѣ И. П. Б—ки“ за 1884 г. Спб. 1887. Прилож. I. Бумаги В. А. Жуковскаго. с. 182—99. О немъ тамъ же с. 80 и 199-я. (Раньше отрывки у Барс. II, с. 1—3 „дополненій“). По списку Рум. муз. тотъ же переводъ, какъ переводъ Пушкина, былъ изданъ Е. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ О. И. и Др.“. 1882 г., кн. 2, отд. III и отдѣльнымъ оттискомъ.— Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился и опытъ его разбить на стихи *подлинникъ* „Слова“.

Переводъ Павскаго изданъ Н. Барсовымъ въ „Рус. Стар.“ 1880 г. № 7, т. XXVIII, с. 485—500; а выдержки изъ него и раньше: въ № 5, на с. 106—12). Начало перевода утеряно).

[2]) „Игорь князь Сѣверскій“. Текстъ и переводъ. Спб. 1-е изд. 1854 г.; въ 1881 г.—6 е.

[3]) Въ Пантеонѣ Литературы 1854 г. См. изд. Гербеля 1881 г., с. 135-ю.

[4]) См. Собр. Сочин., т. III, с. 566—7.

нерѣдко разбиты у него на 2 и даже на 3 стиха. Эта дробность имѣла, правда, и свою выгодную сторону: она оттѣняла логическія ударенія; но зато размѣръ совершенно скрадывался.

Извѣстные ужс намъ, наприм., стихи въ дѣленіи Полеваго, Гербель дѣлилъ слѣдующимъ образомъ:

О, Днепре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
Сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ
Святославли носады
До плъку Кобякова:
Возлелѣй, господине,
Мою ладу ко мнѣ
А быхъ не слала къ нему
Слезъ на море рано.

Къ сожалѣнію лица, пытавшіяся угадать размѣръ „Слова", на замѣчаніе Максимовича совсѣмъ не обратили вниманія. У Малашева [1]), въ переводѣ Барсова [2]), у Петрушевича [3])—стихи еще болѣе дробны. У Гербеля стиховъ 719-ть, у Малашева ихъ 780, въ переводѣ Барсова около 742-хъ, у Петрушевича 745.—Но изученіе и опредѣленіе размѣра „Слова" тѣмъ не менѣе шло впередъ. Сравненіе дѣленія Петрушевича съ дѣленіемъ Гербеля доказываетъ существованіе прогресса въ разработкѣ и этой стороны „Слова".

Для всѣхъ лицъ, считавшихъ форму „Слова" стихотворной, рѣшающее значеніе имѣло то *непосредственное впечатлѣніе*, какое производило „Слово" при чтеніи. Тѣ или другія выраженія въ „Словѣ", намѣренное исканіе размѣра, играли совершенно второстепенную роль. Въ этомъ была и сила, и вмѣстѣ слабость даннаго мнѣнія".

Нельзя было, конечно, отрицать важнаго значенія въ данномъ вопросѣ „непосредственнаго впечатлѣнія". Вѣдь любые стихи или пѣсни мы принимаемъ за стихи, а не за прозу, какъ не въ силу теоретическихъ познаній законовъ стихосложенія, такъ и не потому, что надъ ними надписано: „стихотвореніе", „пѣсня". Мы читаемъ ихъ, какъ стихи въ силу необходимости.

---

[1]) М. 1871. См. Смирн.: I, 168. Перепечатанъ текстъ при малорусскомъ переводѣ Кендзерскаго (1875 г.). Ср. Барс. I, 186.

[2]) Т. II, (1887 г.), с. 1—81. Барсовъ, хотя и „не принималъ на себя задачи опредѣлить поэтическій размѣръ „Слова", старался перевести его однако размѣромъ подлинника.

[3]) Сл. о П. Иг. Львовъ. 1887. (Литерат. Сборн. Матицы на г. 1887-й).

Читать иначе, не рискуя исказить ихъ, мы не можемъ. Но съ другой стороны „непосредственное впечатлѣніе", какъ явленіе чисто субъективное, было почвой не совсѣмъ устойчивой. Скептикъ былъ вполнѣ вправѣ сказать: если ты чувствуешь въ „Словѣ о П. Иг." стихотворный складъ, то я совершенно его не чувствую. Для меня—это проза. Не основаны ли твои выводы на простой иллюзіи?

Недовѣріемъ и отрицаніемъ и были дѣйствительно встрѣчены попытки опредѣлить размѣръ „Слова". Вылилось это отрицаніе въ двѣ формы: умѣренную и крайнюю. Умѣренные допускали существованіе стиха лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ „Слова", а именно въ тѣхъ, гдѣ стихотворный складъ былъ тождественъ съ извѣстными имъ стихотворными складами. Разбились они естественно на двѣ группы: великорусскую и малорусскую. Великороссы считали стихотворными лишь мѣста съ опредѣленнымъ количествомъ (1, 2, 3-мя) логическихъ ударенiй въ нѣсколькихъ стихахъ подъ рядъ, (при приблизительно одинаковомъ числѣ слоговъ); малороссы—лишь тѣ, гдѣ слышались риѳмы. Они искали такимъ образомъ въ размѣрѣ „Слова" непремѣнно того, что казалось имъ существеннымъ въ родной народной поэзіи. Направленіе это зародилось и усиливалось подъ вліяніемъ начавшагося изученія „Слова" въ связи съ народной поэзіей. Къ нему примыкаетъ и сербъ Хаджичь, считавшій въ „Словѣ" стихотворными 2 мѣста въ стилѣ Бояна.—Но чѣмъ же объяснить пѣсенныя мѣста въ „Словѣ"? Если это „повѣсть", то откуда же въ ней мѣста стихотворныя? Пришлось прибѣгнуть къ гипотезамъ. Смотрѣли на „Слово" то какъ на передѣлку народныхъ пѣсенъ монахомъ XII в. (Хаджичь), то какъ на искаженіе малорусской дружинной Думы какимъ-нибудь Владимірцемъ, добивавшимся отъ поэмы лѣтописнаго интереса (Кулишъ), то какъ на передѣлку самимъ авторомъ Думы въ лѣтописную замѣтку (П. Житецкій). Объясняли, наконецъ, вліяніемъ пѣсенъ Бояна, вообще—предшествовавшей литературной школы (Смирновъ, Барсовъ въ 1876 г., Вс. Миллеръ).

Нельзя сказать, чтобы объясненія эти были удачны. Значительная часть ихъ, видѣвшая въ „Словѣ“ передѣлку, способна была скорѣе подорвать довѣріе и къ самой теоріи „пѣсенныхъ мѣстъ“ въ „Словѣ“. Притомъ, отъ признанія *нѣсколькихъ* пѣсенныхъ мѣстъ было не далеко до полнаго ихъ отрицанія. Легко было заподозрить ихъ существованіе: считать ихъ „пѣсенность“ простою случайностью; видѣть въ нихъ лишь „размѣренныя предложенія“ (Вс. Миллеръ).

Но въ этихъ попыткахъ были и здравыя стороны. Сближеніе размѣровъ „Слова“ и народной поэзіи, при всѣхъ ошибкахъ на этомъ пути, привело въ концѣ концовъ, какъ увидимъ ниже, къ возможности не только „чувствовать“ стихотворный складъ въ „Словѣ“, но и *доказывать* его. Въ народной *малорусской* поэзіи нашелся однородный размѣръ,—размѣръ Думъ. Да и »стихотворныя мѣста“ въ „Словѣ“ указывались различными лицами не однѣ и тѣ же. Въ совокупности ихъ набралось все-таки довольно много, что должно было поддерживать мысль о стихотворномъ складѣ всего „Слова“.

Перейдемъ теперь къ обзору сдѣланнаго по сравненію—со стороны ихъ размѣра“ —„Слова“ и народныхъ пѣсенъ. Воспользуемся при этомъ замѣчаніями какъ лицъ, признававшихъ въ „Словѣ“ лишь отдѣльныя стихотворныя мѣста (Вяземскій, Смирновъ, Кулишъ, Житецкій), такъ и считавшихъ стихотворнымъ произведеніемъ все „Слово“ (Востоковъ, Барсовъ, Максимовичъ, Антоновичъ и Драгомановъ).

Уже Востоковъ искалъ въ „Словѣ“ великорусскаго эпическаго или «сказочнаго“ размѣра, но пришелъ къ выводу отрицательному. „Въ Словѣ о плъку Игоревѣ, говорилъ онъ, не слыхать никакого подобнаго размѣра“. Отрицательный отвѣтъ Востокова не остался, вѣроятно, безъ вліянія на то, что попытки въ томъ же направленіи возобновились лишь въ 70-хъ —80-хъ годахъ.—Вяземскій отмѣтилъ въ „Словѣ“ аллитерацію т. е. преобладаніе въ сосѣднихъ стихахъ однихъ и тѣхъ же или однородныхъ звуковъ [1]). Смирновъ [2]) указалъ „строки“ съ

[1]) “Сл. о П. Иг.“ Изслѣдованіе о варіантахъ. Спб. 1877 г., с. 29—30. См. Смирн. II, 233, Барс. I, 172.

[2]) Т. II, с. 232—7.

2-мя основными ударенiями, Барсовъ [1]) кромѣ того—„стихи“ съ 1-мъ, 3-мя и нѣсколькими. Оба изслѣдователя соглашались съ замѣчанiемъ Вяземскаго объ аллитерацiи и сверхъ того указывали: Барсовъ на „созвучiя въ глагольныхъ окончанiяхъ„ (риѳму), Смирновъ—на постановку глаголовъ въ нѣсколькихъ предложенiяхъ сряду въ концѣ или въ началѣ и на „начатiе предложенiя тѣмъ же словомъ, какимъ оканчивается предыдущее“.

Большинство этихъ замѣчанiй относилось, какъ видимъ, къ вопросу не столько о размѣрѣ, сколько о стилистикѣ „Слова“. Признанiе обоими изслѣдователями болѣе или менѣе однообразнаго воспроизведенiя опредѣленное число разъ повышенiй и пониженiй голоса необходимымъ условiемъ „правильнаво“ „стихотворнаго размѣра“ не выдерживало критики. Выходя изъ такого взгляда, стихотворный размѣръ въ малорусскихъ Думахъ придется отрицать. Также не выдерживало критики и желанiе (Смирнова и Барсова) видѣть въ сосѣднихъ стихахъ „одинаковость стопъ“ или „опредѣленное количество слоговъ“. Правда, Барсовъ ограничивалъ нѣсколько это послѣднее требованiе, находя, что отрицанiе „не“, начинающее стихъ, можетъ не приниматься въ расчетъ, и даже „нѣсколько слоговъ, ускоряемыхъ при пѣнiи“, въ силу требованiй музыкальности, могутъ „какъ бы сливаться“; но ограничивалъ онъ это требованiе слишкомъ мало, сильно суживая предѣлы „слитiя“ и допуская его, повидимому, лишь въ отношенiи къ одному—двумъ—тремъ лишнимъ слогамъ. Замѣчанiе о слитiи слоговъ было вполнѣ справедливо, но д. б. допускаемо въ „Словѣ“, какъ и въ Думахъ, въ широкихъ размѣрахъ. Полнаго вниманiя заслуживало лишь требованiе Барсова при разложенiи „Слова“ на стихи непремѣнно наблюдать логическiя ударенiя: не насиловать смысла.

Болѣе удачны были попытки малорусской группы изслѣдователей изучать размѣръ „Слова“ параллельно съ размѣромъ малорусскихъ думъ. Но и ими допущена была одна крупная ошибка: однимъ изъ существенныхъ условiй размѣра Думы, (если даже

[1]) Т. I, с. 168—73, 182.

не главнымъ), едва ли не всѣ они считали *риѳму*. Полное почти отсутствіе въ „Словѣ" риѳмъ вело ихъ либо къ признанію формы „Слова" недоразвившеюся—зачаточною (Максимовичъ), либо къ мысли, что форма „Слова" совершенно искажена (Кулишъ, Житецкій).

Первый началъ сближать размѣръ „Слова" и Думъ Максимовичъ. Вполнѣ развитыми, „настоящими стихами" онъ считалъ въ „Словѣ" лишь стихи риѳмованные и отмѣтилъ въ немъ 10-ть такихъ мѣстъ. (Послѣдующіе изслѣдователи, говоря о риѳмѣ въ „Словѣ", почти исключительно ссылались на примѣры, приведенные Максимовичемъ). Болѣе важнымъ было замѣчаніе Максимовича, что любая изъ Думъ „сложена изъ стиховъ разной величины и разнообразнаго размѣра", что число стопъ въ стихахъ сосѣднихъ часто совершенно различно.—Кулиша [1]) отсутствіе риѳмъ въ „Словѣ" привело къ признанію его искаженнымъ; но за то авторъ весьма удачно объяснялъ утрату народною памятью дружиннаго эпоса аналогичнымъ фактомъ—вымираніемъ козацкихъ Думъ на нашихъ глазахъ,—вымираніемъ, обусловленнымъ тѣмъ, что „новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ".

Но всестороннему разсмотрѣнію подвергъ вопросъ лишь П. Житецкій [2]). Его статья представляетъ прекрасное и оригинальное изслѣдованіе о глубокомъ, внутреннемъ и внѣшнемъ родствѣ „Слова" съ малорусскими Думами,—родствѣ по содержанію, тону и формѣ. Особенно цѣнна данная имъ характеристика Думы.

Предметомъ „Слова", какъ и малорусскихъ Думъ, служатъ, по взгляду Житецкаго, „трудныя повѣсти" о борьбѣ со степью, „съ старинными врагами Руси—разбойническими степными ордами"; (въ Думахъ—также и съ другими врагами малорусскаго народа).

---

[1]) Записки о Южной Руси, I, с. 194—8.

[2]) Критическая статья на изданіе „Слова" Ом. Огоновскимъ (Львовъ 1876): Archiv fur Slavische Philologie, т. II, вып. 3, Berlin 1877, с. 642—60 Ср. его же прекрасныя „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ". Кіевъ 1893, особенно с. 1—7 ю).

Отличительный внутренній признакъ Думы—„лирическій-страстный тонъ, сообщающій музыкальному исполненію Думы особенную прелесть". Это не просто разсказъ, а разсказъ выстраданный, продуманный" (отсюда и „Дума"). „Страстныя размышленія" проходятъ и чрезъ все „Слово"—въ разнообразныхъ замѣткахъ, оборотахъ, воспоминаніяхъ поэта. Въ творцѣ „Слова" „подлѣ истиннаго поэта, а также знатока исторіи мы находимъ самосознательнаго человѣка, въ устахъ котораго слова объ отечествѣ, раздираемомъ домашними княжескими распрями и опустошаемомъ иноземными набѣгами, не были пустымъ звукомъ".

Центръ тяжести въ Думѣ—возбужденная *мысль*, стремящаяся возможно ясно и полно выразить себя. Мысль въ Думѣ вполнѣ подчиняетъ себѣ и мелодію, и размѣръ. Они для нея простыя орудія. Отсюда въ музыкальномъ исполненіи Думы—чрезвычайная подвижность и измѣнчивость мелодіи. Такою же подвижностью и измѣнчивостью отличается и размѣръ Думы. Конецъ стиха обусловливается лишь перерывомъ мысли „каждый стихъ по возможности долженъ заканчивать мысль, или по крайней мѣрѣ прерываться на естественномъ расчленени мысли". Результатъ—неравенство стиховъ: одна мысль стоитъ въ сознаніи пѣвца отчетливо, со всѣми подробностями, другая—нѣтъ; самыя мысли не могутъ быть равны по своему объему. И такъ: количество слоговъ, число стопъ не играетъ въ думѣ рѣшающей роли. Въ ней замѣтны быстрые переходы отъ стиховъ длинныхъ къ совершенно короткимъ. Длинные стихи—нерѣдки, такъ какъ мысль стремится выразить себя полно; но для избѣжанія чрезмѣрной длинноты, подробности относятся къ концу и присоединяются въ видѣ отдѣльныхъ, краткихъ стиховъ.

Однообразную ритмическую опредѣленность придаетъ Думѣ лишь то, что „каждый стихъ ея, каковъ бы ни былъ онъ по своему объему, заключаетъ въ себѣ *одно риторическое удареніе*". („Мысли о думахъ", с. 6.). Получается какъ бы *ритмическая проза*.

Риѳмы въ Думѣ—большею частью глагольныя.

Тѣ же черты находимъ, по взгляду Житецкаго, и въ „Словѣ". Риѳма въ немъ б. ч. глагольная. Краткій стихъ смѣняется дол-

гимъ. Замѣчается наростъ словъ то внутри, то въ концѣ стиха и даже въ формѣ стиха короткаго—добавочнаго. Каждый стихъ оттѣняется лишь однимъ риторическимъ удареніемъ.

Свои взгляды авторъ подтверждалъ примѣрами изъ „Слова“ и „Думъ“ параллельно.

Размѣръ думъ Житецкій находилъ однако не во всемъ „Словѣ“, а лишь въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ, и считалъ „Слово“ намѣренною передѣлкою „Думы“, самимъ же авторомъ ея, въ историческую замѣтку. Главнымъ препятствіемъ признать стихотворный размѣръ во всемъ „Словѣ“ служила для автора, (какъ кажется), бѣдность „Слова“ риѳмами, хотя онъ и не стѣснялся послѣднимъ обстоятельствомъ въ той степени, какъ Максимовичъ и Кулишъ. Но вполнѣ справедливымъ и точнымъ можно считать взглядъ на „Слово“, высказанный за 3 года до появленія статьи Житецкаго, въ предисловіи къ I-му тому „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа“ [1]). Хотя „Слово“ произведеніе литературное, но его можно назвать, по мнѣнію авторовъ предисловія, *„южнорусскою думою XII в., не имѣющей только риѳмы новѣйшей украинской думы“*. Взглядъ этотъ, какъ необоснованный, не могъ однако возбуждать особеннаго довѣрія. Къ обоснованію его теперь и приступимъ.

Нѣкоторые издатели дѣлятъ Думы на очень дробные стихи, другіе—на стихи крупные, напримѣръ Н. Лысенко [2]). Дѣло въ томъ, что одинъ принимаетъ за стихъ то, что другой за два и даже за три. Вообще, предѣлы отдѣльныхъ стиховъ въ любой изъ Думъ, не установлены и повидимому—часто указываются неправильно. Какъ кажется, рѣшающее значеніе должно имѣть въ данномъ вопросѣ музыкальное исполненіе думы: конецъ стиха долженъ совпадать съ концемъ мелодіи (и вмѣстѣ—мысли). Съ

---

[1]) „Съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова“ (Кіевъ, 1874), с. Сч. и XV.

[2]) Ср., напр., думу про Хмельницкаго и Барабаша въ раздѣленіи на стихи у Лысенка (Кіев. Стар. 1888 г., т. XXII, № 9, приложеніе, с. 18—23) и въ изданіи Антоновича и Драгоманова (т. II, в. 1, с. 3—15).

этой точки зрѣнія раздѣленіе Лысенка можно считать болѣе правильнымъ [1]).

Причина дѣленія на стихи очень дробные лежитъ, можно думать, въ увлеченіи риѳмой. Каждую „часть", оканчивавшуюся риѳмой, считали „стихомъ". Но играетъ ли риѳма въ Думахъ рѣшающую роль? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Хотя и не часто, но попадаются въ Думахъ и стихи безъ риѳмъ; риѳма же довольно часто не заканчиваетъ стихъ, а лишь дѣлитъ его на части. „Риѳма, замѣтилъ еще А. Метлинскій [2]), не всегда служитъ указателемъ окончанія стиховъ; она попадается и среди стиха".

Т. обр., риѳма въ Думѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Это не существенный признакъ, обусловливающій размѣръ, а лишь простое украшеніе. А потому и неудивительно, что въ „Словѣ о П. Иг." риѳмы почти отсутствуютъ. Въ этой чертѣ и заключается *единственное отличіе* размѣра „Слова" отъ размѣра „Думъ". Вмѣсто „размѣ*ра*" для точности слѣдовало бы сказать" размѣ*ровъ:* „Слово", какъ и Думы, написано не однимъ какимъ либо размѣромъ, а самыми разнообразными. Различными размѣрами написаны въ немъ нерѣдко даже стихи сосѣдніе, принадлежащіе къ одному и тому же предложенію, къ одной и той же мысли. Умѣнію автора „Слова" подбирать размѣръ, подходящій къ данному настроенію, можно позавидовать.

Великій князь старикъ—Святославъ передаетъ боярамъ свой вѣщій—мутный сонъ. Тяжелыя мысли гнетутъ душу князя, и стихъ становится длиннымъ, тяжелымъ:

А Святъславъ | мутенъ сонъ видѣ: {въ Кіевѣ на горахъ}
Си ночь съ вечера | одѣвахъте [=одѣвахуть?] мя, рече, | чрѣною паполомою | на кровати тисовѣ.
Чрѣпахуть ми | синее вино | съ трудомъ смѣшено...

Плѣнный Игорь рѣшилъ бѣжать. Онъ ждетъ не дождется ночи. Настанетъ ночь, и онъ—свободенъ. Нетерпѣніемъ горитъ

---

[1]) Приводимыя ниже мѣста изъ „Слова" и „Думъ," раздѣлены *на длинные* стихи, причемъ предѣлы короткихъ стиховъ—(а вмѣстѣ и перерывы голоса при произношеніи)—отмѣчены вертикальною чертою.—Настоящее замѣчаніе, во избѣжаніе недоразумѣній, *необходимо* постоянно *имѣть въ виду.*

[2]) Народн. южнорус. пѣсни Кіевъ 1854, с. XIII.

его сердце, и стихъ „Слова" становится краткимъ, отрывистымъ, сжатымъ:

Игорь спитъ, | Игорь бдитъ,
Игорь мыслію | поля мѣритъ
Отъ великаго Дону | до малаго Донца...

Новая картина. Въ Путивлѣ—на забралѣ плачетъ-причитываетъ Ярославна, и этотъ плачъ слышится не только въ словахъ, но и въ самомъ размѣрѣ. Размѣръ плавенъ, протяженъ, мелодиченъ, какъ и самая причеть:

Ярославна рано плачетъ | въ Путивлѣ на забралѣ, | а˘ркучи:
о вѣтрѣ, вѣтрило! | чему Господине | насильно вѣеши.
Чему мычеши | Хиновскія стрѣлы | на своего не трудною
крилцю, | на моея лады вои?
Мало˘ ли ти бяшетъ | горъ подъ облаки вѣяти, | лелѣючи
корабли | на синѣ море?
Чему Господине | мое веселіе | по ковылію развѣя?

Предъ нами поле бытвы. Яръ-Туръ Всеволодъ бьется, не чуя ранъ. Стиль размашистый и могучій:

Камо Туръ поскочяше, | своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ | поганыя головы Половецкыя;
поскепаны саблями каленымы | шеломы оварьскыя |
отъ тебѣ Яръ Туре Всеволоде.

Въ „Словѣ" какъ и въ Думахъ, мы встрѣчаемъ стихи: о трехъ и даже четырехъ удареніяхъ, чередующіеся со стихами о двухъ; то о двухъ удареніяхъ, чередующіеся со стихами о трехъ и даже объ одномъ. Но количествомъ удареній размѣръ не обусловливается. Оно можетъ оставаться неизмѣннымъ, а характеръ размѣра совершенно измѣниться.

Вотъ образцы размѣровъ „Слова" въ сравненіи съ размѣрами Думъ [1]),—образцы, расположенные болѣе или менѣе систематически:

1. въ „Словѣ":

Великій Княже Всеволоде! | не мыслію ти прелетѣти издалеча. |
отня злата | стола поблюсти?

Въ Думѣ:

Чи не лучче намъ із Ляхами, | мостивими панами, | з упокоэм
хліб-сіль | по вік вічный | уживати? (II, 4)

---

[1]) При примѣрахъ изъ „Думъ" сдѣланы ссылки на изданіе Антоновича и Драгоманова: „Историч. пѣсни малорус. народа", т. I и т. II. в. 1. Кіевъ 1874—5 г.

Въ словѣ:

Ты бо можеши Волгу | веслы раскропити, | а Донъ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ, | то была бы Чага по ногатѣ, | а Кощей по резанѣ.

Въ Думѣ:

Правда, на козакові | шаты дорогиі— | три семирязі лихіи:
Одна не добра, | друга негожа, | а третя й на хлів незгожа. (II, 168).

2. *Въ Словѣ:*

Не мало ти величія, | лелѣявшу Князя на влънахъ,
Стлавшу ему зелѣну траву | на своихъ сребреныхъ брезѣхъ...

Въ Думѣ:

У святу неділю | не сизі орли заклекотали...
Як то бідни невольники | у тяжкій неволі заплакали.

Ср. въ Словѣ: (I, 88).

Уже бо, братіе, | не веселая година въстала,
Уже пустыни | силу прикрыла.

3. *Въ Словѣ:*

Тогда врани не граахуть, | галици помлъкоша,
сороки не троскоташа, | полозію ползоша...

Ср.: Дълго. | Ночь мркнетъ, | заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла, | щекотъ славій успе...

Въ Думѣ:

На святому небі | усі звізди потьмарило,
Половина місяця | у тьму уступило,—
На чорному морі | не гаразд починає—
Изо дна моря | сильно хвиля встає. (I, 194)

4. *Въ Словѣ:*

Другаго дни | велми рано
кровавыя зори | свѣтъ повѣдаютъ...

Ср: Что ми шумить, | что ми звенить
давечя рано | предъ зорями?

Въ Думѣ:

Що ти зо мною | будеш гадати—
Чи будеш биться, | чи будеш мириться;
Чи на примирьє | будеш приймати? (II, 103)

5. *Въ Словѣ:*

Полечю, рече, | зегзицею | по Дунаеви;
омочю | бебрянъ рукавъ | въ Каялѣ рѣцѣ,
утру Князю | кровавыя его раны | на жестоцѣмъ его тѣлѣ [1].

---

[1]) Послѣдній стихъ можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какъ слоги въ стихѣ какъ бы сливаются, и стихъ длинный уравнивается такимъ образомъ съ короткимъ.

Въ Думѣ:

Полинь ти, соколе ясний, | брате мій рідний, | у города християньсьвиі... (I, 95)

Ср: Ти земле турецька, | віро бусурманська, | ти розлуко християньска! (I, 95)

6. Конецъ Слова:

Пѣти слава [„слава“] | Игорю Святъславлича.
Буй Туру Всеволодѣ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи ¦ и дружина,
побарая ¦ за христьяны
на поганыя плъки...

Въ Думѣ:

Визволь, Господи! | всіх бідних невольників
З тяжкої неволи турецької, | з каторги бусурманскої
На тихі води, | на ясні горі,
У край веселый, | у мір хрещеный,
В города християньскі (I, 90).

Но характерную черту размѣра „Слова“, какъ и Думъ, составляетъ, какъ сказано выше, *чередованіе размѣровъ*, отсутствіе одного опредѣленнаго размѣра даже въ смежныхъ стихахъ:

7. Въ Словѣ:

О моя сыновця | Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала | Половецкую землю | мечи цвѣлити, | а себѣ славы искати.
Нъ нечестно одолѣсте:
нечестно бо ¦ кровь поганую проліясте.
Ваю храбрая сердца | въ жестоцемъ харалѫзѣ скована, | а въ буести закалена.
Се ли створисте ¦ моей сребреней сѣдинѣ.

Въ думѣ:

Ей не з горя-біди—моему нану Барбашу |
схотілося на славній Україні | з кумомъ своім Хмельницкимъ | великі бенкети вчинати!
На що б ім кролевські листи ¦ у двох читати?
Не луччеб ім із Ляхами | мостивими панами |
з упокоем хліб-сіль | вічні часи уживати? (II, 5).

Подъ приведенные образцы размѣровъ подходитъ *все* „Слово“. Т. обр. мы видимъ, что любому мѣсту изъ „Слова“ можно найти аналогичное по размѣру въ малорусскихъ Думахъ. А слѣдовательно: *нѣтъ препятствій думать, что все „Слово“ отъ начала до конца писано стихами и притомъ размѣромъ „Думъ“.*

Здѣсь мѣсто остановиться на возраженіяхъ противъ стихотворной формы „Слова“ Вс. Миллера [1]). Авторъ допускалъ существованіе „quasi стиха“, или вѣрнѣе размѣренныхъ предложеній“, лишь въ „двухъ-трехъ“ мѣстахъ. Съ своей стороны защитники стихотворной формы въ „Словѣ“ могутъ быть только искренно благодарны автору, что онъ подробно и ясно изложилъ свой взглядъ на форму „Слова“ *и его основанія*. Миллеръ совершенно несправедливо связалъ вопросъ о формѣ „Слова“ (проза или стихи) съ вопросомъ о его происхожденіи (простонародности или книжности). „Слово“—произведеніе книжное, т. е. литературное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стихотворное. Послѣднее, какъ нельзя лучше, доказываютъ и тѣ строки изъ „Слова“, которыя Миллеръ привелъ какъ образецъ невозможнаго стиха. „Главный мотивъ разбираемой гипотезы, писалъ авторъ,—желаніе объяснить существованіе пѣсенныхъ мѣстъ, въ которыхъ *подозрѣваютъ* метрическій складъ. И вотъ, на основаніи двухъ-трехъ подобныхъ мѣстъ, нѣкоторые издатели (Гербель, Малашевъ) дѣлятъ *произвольно* все „Слово„ на строфы и *получаютъ стихи въ родѣ*:

Боянъ же, братіе,
Не десять соколовъ
На стадо лебедѣй пущаше,
Къ своя вѣщіа пръсты
На живая струны въскладаше:
Они же сами
Княземъ славу рокотаху“.

Но въ предложенномъ Гербелемъ дѣленіи даннаго мѣста нѣтъ никакой натяжки и ничего неблагозвучнаго, хотя и лучше дѣлить его на стихи нѣсколько иначе: [2]).

Боянъ же, братіе, | не десять соколовъ | на стадо лебедѣй | пущаше.
Къ своя вѣщіа | пръсты | на живая струны | въскладаше;
они же сами | княземъ славу рокотаху.

Такъ,—въ „Словѣ“. А вотъ *однородные по размѣру* [3]) стихи изъ малорусской Думы о „Побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“:

---

[1]) „Взглядъ на Слово о П. Игор.“ М. 1887, с. 4—8, 11.

[2]) Дѣленіе это не ново. Предложено еще Максимовичемъ. (См. „Украин. народн. пѣсни“, ч. I. М. 1834. с. I-я) и принято Житецкимъ (упомянутая статья, с. 655-я).

[3]) Вся разница въ томъ, что послѣдній стихъ въ Думѣ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ въ „Словѣ“. Чтобы были эти стихи тождественны и по количеству слоговъ—(что излишне)—можно въ Думѣ сократить такимъ образомъ:.

Своему брату | на признаку | покидати.

Братіку рідненькій, | голубоньку сивенькій!—і ну думати—гадати,
Зпід червоного | каптана | чорни китиці видирати,—
Своему брату найменьшому | пішій піпаниці,— | на признаку покидати..
(I, 108).

И такъ, повторяю, любому мѣсту изъ „Слова“ можно найти аналогичное по размѣру въ малорусскихъ Думахъ. Можно сказать: Если малорусскія Думы сложены стихами, а не прозой—(а въ этомъ никто не сомнѣвается)—, то написано стихами и „Слово“. Отрицаніе стихотворнаго размѣра въ „Словѣ“ будетъ равносильно косвенному отрицанію его и въ малорусскихъ Думахъ. Нужно не забывать вѣрнаго замѣчанія о размѣрѣ Думъ Житецкаго: „Давно уже называютъ этотъ размѣръ *мѣрною прозою*, и дѣйствительно, отсутствіе въ немъ мелкихъ единицъ обыкновеннаго стихотворнаго размѣра и полная свобода въ построеніи приближаютъ его къ одушевленной рѣчи оратора, который незамѣтно для самого себя почувствовалъ въ своемъ произношеніи мѣрное теченіе рѣчи“ [1]). Какъ видимъ, „стихи Думъ, такъ же какъ и „прозу“ „Слова“, характеризуютъ одними и тѣми же словами „мѣрная проза“. Но въ Думахъ стихотворный характеръ этой—повидимому—„мѣрной прозы“ *дѣлаетъ очевиднымъ риѳма*. Въ „Словѣ“ риѳмъ почти нѣтъ, отсюда и размѣръ его не очевиденъ. И можно утверждать, что если бы и въ Думахъ риѳма отсутствовала и не было свидѣтельствъ о пѣсенномъ ихъ исполненіи,—то многіе стали бы отрицать ихъ стихотворный характеръ, а то и не догадывались бы о существованіи въ нихъ размѣра.

Что было бы такъ, легко доказать примѣрами. Очевиденъ ли, напримѣръ, размѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. „Ой із города із Трапезонта виступала галера, трема цвітами процвітана, малевена. Ой первым цвітом процвітана—златосніми киндяками побивана; а другимъ цвітом процвітана—гарматами арештована; третім цвітом процвітана—турецькою білою габою покровена“. (I, с. 208).

2. „Поклоняється бідний невольник із земли Турецькоі, із віри бусурманськоі у города Християнськиі,—до отця, до ма-

[1]) „Мысли о Малорусскихъ Думахъ“, с. 6.

тусі. Що не может він ім поклонитися,—тілько поклоняється голубонькомъ сивеньким: „Ой ти голубонько сивеньки! Ти далеко летаєш, ти далеко буваєш; полени ти в города Християнськиі до отця моего до матусі“.... (I, с. 93—4).

Въ только что приведенныхъ мѣстахъ—очевиденъ ли размѣръ? Большинство отвѣтитъ отрицательно. А между тѣмъ—это мѣсто изъ общеизвѣстныхъ малороссійскихъ Думъ: про Кішку Самійла и изъ такъ называемаго „Плача невольницького“. Въ чемъ же причина этой неочевидности въ данныхъ мѣстахъ размѣра? Прежде всего въ нашемъ неумѣломъ—прозаическомъ чтеніи ихъ, а затѣмъ—въ отсутствіи риѳмы. Читаемъ мы данныя—несомнѣнно стихотворныя—мѣста такъ, какъ читаютъ почти всѣ „Слово о полку Игоревѣ“,—и въ результатѣ: вмѣсто того, чтобы сознаться въ неумѣлости своего чтенія и начать читать, какъ слѣдуетъ, начинаемъ отрицать ихъ стихотворный складъ.

„Три столѣтія, говорилъ Житецкій въ 1877 г. въ концѣ своего изслѣдованія (с. 651), отдѣляютъ „Сл. о П. Игор.“ отъ Думъ, насколько можно съ нѣкоторою вѣроятностью судить о времени появленія послѣднихъ,—и однакожъ поэтическій стиль, разъ выработанный подъ вліяніемъ опредѣленныхъ жизненныхъ условій, не исчезъ у послѣдующихъ поколѣній; ибо и позже не прекращается борьба съ старинными врагами Руси—разбойническими степными ордами. Хотя и нельзя сказать, чтобы въ жизни южно-русскаго народа не произошло между тѣмъ никакихъ перемѣнъ....; но сущность борьбы осталась та же: тѣмъ же путемъ шли козаки противъ своихъ враговъ, что и древне-русскія княжескія дружины. И въ XV—XVII вѣкахъ встрѣчали они ихъ на тѣхъ же степяхъ, что и въ вѣкѣ XII-мъ. И тѣ же „трудныя повѣсти“ о великой борьбѣ на Украйнѣ звучали по прежнему въ Южной Руси. И слагались они въ томъ же духѣ и тонѣ *и тѣмъ же размѣромъ*, что и въ XII-мъ вѣкѣ“. „Природа южно-русскихъ степей, говорилъ Житецкій выше (с. 654), неизмѣримыми равнинами разстилавшаяся предъ глазами поэта, оставалась неизмѣнною. И она должна была настроить автора „Слова“ столь же меланхолически, какъ и творцовъ Думъ.

Степной холмъ, степная птица, хищное животное—вызывали тѣ же образы, возбуждали тѣ же чувства“.

Житецкій прекрасно объясняетъ *возможность* и естественность сохраненія стиля и размѣра въ теченіе ряда столѣтій. Къ его замѣчаніямъ не мѣшаетъ присоединить ссылку на устойчивость размѣра народныхъ пѣсенъ вообще, а особенно—на тѣ немногія лѣтописныя данныя, изъ которыхъ видно, что дружинный эпосъ дѣйствительно продолжалъ развиваться, и притомъ въ томъ же направленіи.

„Слово о полку Игоревѣ“ создано около 1185 г. Въ Волынской лѣтописи сохранились слѣды другаго подобнаго произведенія, созданнаго лѣтъ 15 спустя. Подъ 1201 годомъ внесены въ лѣтопись обрывки „Слова“ о Романѣ Волынскомъ—(*а м. б., ихъ пересказъ*), стоящіе въ тѣсной связи съ Сл. о П. Иг.“, между проч. и по размѣру.

„По смерти же великаго князя Романа, (говорится здѣсь [1]) приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемь Божиимъ..... Велику мятежю во(з)ставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его, единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ“.—Въ эту лѣтописную замѣтку, въ мѣстѣ, обозначенномъ точками, вставленъ поэтическій отрывокъ:

„Устремилбося бяше на поганыя | яко и левъ,
Сердитъ же бысть | яко и рысь,
И губяше | яко и коркодилъ,
И прехожаше землю ихъ | яко и орелъ,
Храборъ бо бѣ | яко и туръ.
Ревноваше бо дѣду своему Мономаху | погубившему поганыя Измаилтяны | рекомыя Половци,
Изгнавшю Отрока во Обезы | за Желѣзныя врата,
Сърчанови же оставшю у Дону | рыбою оживъшю;
*) тогда Володимеръ Мономахъ | пилъ золотомъ шоломомъ Донъ,
и приемшю землю ихъ всю, | и загнавшю оканьныя Агаряны.
По смерти же Володимерѣ | оставъшю у Сырьчана единому | гудьцю же Ореви,
посла в во Обезы, | река:

[1]) „Лѣтопись по Ипатскому списку“. Спб. 1871 г., с. 479—80.

*) Слова „тогда... Агаряны“ добавлены, вѣроятно, лѣтописцемъ.

„Володимеръ умерлъ есть, | а воротися, брате, | пойди вземлю свою“;
Молви же ему моя словеса, | пой же ему пѣсни Половѣцкия;
оже ти не восхочетъ, | дай ему поухати зелья, | именемъ евшанъ (емшанъ)
Овому же не восхотѣвшю | обратитися, ни послушати, | и дасть ему зелье;
оному же обухавшю | и восплакавшю, | рче:
„да луче есть въ своей землѣ | костью лечи,
и нели на чюже | славну быти“.
И приде | во свою землю.
Отъ него родившюся Концаку, | иже снесе Сулу,
Пѣшь ходя, | котелъ нося, | на плечеву;
*) Роману же князю | ревновавшю за то,
и тщашеся погубити | иноплеменьникы.

Отрывокъ писанъ тѣмъ же размѣромъ: „Слова“ и „Думъ“. Въ немъ тѣ же, что и въ „Словѣ“ и образы. Романъ „храборъ бѣ яко и туръ“; въ „Сл. о П. Иг.“: „Яръ туре Всеволодѣ!“ Въ „Сл. о П. Иг.“ Игорь страстно желаетъ „испити шеломомъ Дону“; въ отрывкѣ: „Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ“... Связаны, они другъ съ другомъ и по характеру замысла. Пѣвецъ въ обоихъ случаяхъ не ограничивается даннымъ временемъ, а разсматриваетъ его въ связи съ предшествующей эпохой. Въ данномъ отрывкѣ мы находимъ кромѣ того отвѣтъ на вопросъ—чѣмъ дорогъ былъ для творца „Сл. о П. Игор.“ Владиміръ Мономахъ. Замѣтки пѣвца:

„О! стонати Руской земли, | помянувше пръвую годину, | и пръвыхъ князей.
Того стараго Владиміра | не льзѣ бѣ пригвоздити | къ горамъ Кіевскимъ“,—

замѣтка эта—не мотивирована и потому не совсѣмъ понятна и и даже какъ будто странна. Чего жалѣть за временемъ Владиміра Мономаха, когда по изображенію самого пѣвца, оно полно было усобицъ, а самъ Владиміръ

„по вся утра | уши закладаше въ Черниговѣ“?

Но мысль и горесть пѣвца становятся вполнѣ понятны, когда знаемъ, что этотъ князь „погубилъ“ „поганыя Измаилтяны рекомыя Половци“ и „приялъ“ „землю ихъ всю“.

Въ этомъ поэтическомъ отрывкѣ есть еще одна черта оригинальная и симпатичная. Въ „Сл. о П. Игор.“ мы напрасно

*) Послѣдніе два стиха принадлежатъ м. б. лѣтописцу.

стали бы искать сочувствія къ «поганымъ» кочевникамъ. А здѣсь Половчинъ обрисованъ не только какъ «поганый», но и какъ человѣкъ, горячо любящій «землю свою». Изгнанный изъ родной земли Владиміромъ Мономахомъ, половецкій князь потерялъ вѣру въ свои силы. Не только вѣсть о смерти Владиміра, но и родныя половецкія пѣсни не въ силахъ побудить его попытаться воротиться. Но лишь почуялъ онъ запахъ степной травы, родная—широкая степь, какъ живая, стала передъ нимъ; страстная любовь къ родинѣ проснулась съ неудержимой силой и разрѣшилась слезами. Заплакалъ князь и сказалъ: «Лучше же въ родной землѣ костьми лечь, чѣмъ быть славнымъ на чужбинѣ». И пошелъ «въ землю свою».

Отъ XIII-го вѣка не уцѣлѣло болѣе отрывковъ поэтическихъ произведеній, но сохранилось еще указаніе на существованіе дружиннаго эпоса. Подъ 1251 г. въ той же Волынской лѣтописи [1]) записано:

«В та же лѣта седе Самовитъ въ Мазовши. Посла къ нему Данило и Василко, рекша ему, яко «добро видѣлъ еси отъ наю, и из(ъ)иди с нами на Ятвезѣ»; и у Болеслава помочь пояста, Суда воеводу и Сигнѣва, и сняшася въ Дорогычинѣ и поидоша; и преидоша болота и наидоша на страну ихъ... и многи крестьяны отъ пленения избавлета, *и пѣснь славну пояху има*, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго (князя) Романа, *иже бѣ изоострился на поганыя яко левъ, им же Половци дѣти страшаху*“.

Отъ самой «пѣсни» не уцѣлѣло ни строчки, но и блѣдная лѣтописная замѣтка позволяетъ видѣть тѣсную связь между этою «пѣснью», «Словомъ о П. Иг.» и поэтическимъ отрывкомъ о Романѣ Волынскомъ. Стоитъ лишь сравнить выраженіе: «пѣснь славну пояху има» съ словами: «Пѣти «слава» Игорю Святославличю»; да обратить вниманіе на то, что самъ авторъ лѣтописной замѣтки пользуется выраженіями поэтическаго отрывка о Романѣ Волынскомъ:

о Ром. Волын.: „Ревноваше бо дѣду своему Мономаху“.]
лѣтоп. зам. 1251 г.: „наслѣдивши путь отца своего... Романа“.

[1]) „Лѣтопись по Ипат. списку“, Сыб. 1871, с. 537—8, 540.

о Ром. Волын.: „устремилбося бяше на поганыя яко и левъ".
лѣтоп. зам. 1251 г.: „иже бѣ изострился на поганыя яко левъ".

Лѣтописная замѣтка подъ 1251 г. даетъ объясненіе и популярности имени Романа на Руси: «им, говоритъ онъ, Половци дѣти страшаху».

Подъ конецъ XIII-го вѣка южно-русскія лѣтописи замираютъ и возрождаются лишь въ XIV-мъ въ видѣ лѣтописей т. наз. Литовскихъ». Нѣтъ ничего удивительнаго, что до насъ не дошло указаній на дружинный эпосъ въ эту эпоху. Но любопытно, что слѣды этого эпоса, или по крайней мѣрѣ вліяніе его, видны и въ «Литовскихъ лѣтописяхъ. Въ т. наз. «Кіев. сокращен. лѣтописи», принадлежащей къ ихъ числу, подъ 1515 г. помѣщено сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой съ похвалой кн. Острожскому [1]). Разсказъ въ немъ—съ поэтическими замашками, напримѣръ:

„тых збитых плоти | звѣри и птици ядять, | по земли кости волочачи а стопленых водами | рыбы клюють". (с. 152-я).

Но особенно интересно заключеніе, однородное по мысли съ заключеніемъ «Слова о П. Иг.»; написанное притомъ стихами однороднаго размѣра,—размѣромъ «Слова» и «Думъ»:

„Великосл.вному гсдрю | королю Жикгимонту Козимировичу | буди честь и слава на вѣки:
побѣдившему недруга своего | великого князя | Василіа Московского.
а гетману его вдатному | князю Костянтину Ивановичу Остроз кому | дай, Боже, здоровье и щастье вперед лѣпшее,
как нынѣ побил силу великую Московскую | абы так побивал сильную рать Татарскую,
проливаючи кровъ ихъ бессурменьскую". (с. 154-я).

Ср. конецъ Сл. о П. Игор.":

„Пѣти слава („славы") | Игорю Святославича.
Буй туру Всеволодѣ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи и дружина,
Побарая за христьяны
На поганыя плъки.
Княземъ слава | а дружинѣ".

Такимъ образ. еще въ 1515 г. слышатся отголоски дружинной художественно-литературной школы XI-го—XII-го вѣковъ, а

[1]) „Супрасльская рукопись" издан. кн. М. Оболенскимъ. М. 1836, с. 149—54.

между тѣмъ еще 9-ю годами раньше польскій историкъ Сарницкій отмѣтилъ въ своихъ «лѣтописяхъ» (Annales) существованіе малорусскихъ Думъ [1]),—народныхъ лирико-эпическихъ произведеній, созданныхъ новой дружиной—казачествомъ, но стоящихъ въ тѣсной связи съ старымъ дружиннымъ эпосомъ по содержанію, тону и формѣ, (да и по самому, можно думать, происхожденію.

Въ ту пору, когда продолжалось еще пѣніе «славы» князьямъ—господарю, козачество уже начало пѣть другую «славу»—казацкую:

„А слава не вмре, не поляже | одинии до вика!
А вамъ на многая лѣта!
(I, с. 120: дума о бѣгствѣ 3-хъ братьевъ изъ Азова)
или: „Славе не вире, | не поляже!
Буде слава славна | помиж козаками,
Помижъ друзями, | помижъ рицарями, | помижъ добрыми молодцами.
Утверди, Боже, | люду царського—| народу христіянського,
Війська Запорозьского, | Донсь ого
З сиею чернью | Днипровою, Низовою
На многая лита | до конца вика!

(I, с. 219—20: дума про Самійла Кішку, заключеніе нѣсколько подновлено, напримѣръ, «царського»).

Для полученія стихотворнаго размѣра въ «Словѣ» и для опредѣленія предѣловъ стиха въ немъ, можно предложить такое правило: читайте возможно естественнѣе, дѣлайте логическія ударенія и остановки тамъ, гдѣ требуетъ того смыслъ,—и получите стихи. Возможность и законность такого правила обусловливается—тѣмъ, что въ «Словѣ», какъ и въ «Думахъ», не стихъ стѣсняетъ—связываетъ мысль, а мысль вполнѣ подчиняетъ себѣ стихъ, управляетъ размѣромъ.—Отсюда понятно, что чѣмъ больше будетъ уясняться текстъ «Слова»—теченіе въ немъ мыслей,—тѣмъ точнѣе будетъ опредѣляться и размѣръ его. И будетъ

---

[1]) Подъ 1506 г.: о думахъ въ честь братьевъ Струцовъ (Strussii), убитыхъ Волохами. См. у Антонов. и Драгоман., т. II, с. IX—X, въ примѣчаніи. Ср. „Мысли о малорус. думахъ", Житецкаго, с. 128, 163, 174—5.

можно думать, время, когда не только существованіе размѣра въ «Словѣ» будетъ для всѣхъ очевиднымъ, но и предѣлы отдѣльныхъ стиховъ въ немъ будутъ болѣе или менѣе точно установлены. «Болѣе или менѣе» точно, такъ какъ установить стихъ „Слова“, (какъ и стихъ Думъ), вполнѣ точно—невозможно. Стоитъ лишь читающему оттѣнить не то выраженіе, не ту черту мысли,—и стихъ передвинется.

Предлагаемъ опытъ разложенія всего „Слова“ на стихи [1]).

Ю. Тиховскій.

10—13 апрѣля 1893 г.

[1]) См. въ приложеніяхъ.

Археологическій съѣздъ въ Вильнѣ.

25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по почину Московскаго археологическаго общества, при ближайшемъ участіи графа А. С. Уварова, былъ организованъ первый археологическій съѣздъ. Современное широкое развитіе археологіи, живая дѣятельность въ этомъ направленіи провинціи, наконецъ, интересъ публики къ археологіи, обязаны въ большей или меньшей степени археологическимъ съѣздамъ. Все болѣе и болѣе увеличивающійся успѣхъ съѣздовъ, носившихъ преимущественно областной характеръ, показалъ, что наше общество, не смотря на наружную пассивность, не лишено элементовъ, способныхъ къ общественной дѣятельности, и даже такой сухой, по общепринятому мнѣнію, предметъ, какъ археологія, привлекъ вниманіе общества, нашелъ въ немъ работниковъ. Успѣхъ археологическихъ съѣздовъ объясняется также почти полнымъ отсутствіемъ въ Россіи спеціальныхъ съѣздовъ по другимъ областямъ науки; вотъ почему въ археологическихъ съѣздахъ нашли себѣ мѣсто и принимали въ нихъ дѣятельное участіе также исторія, филологія, этнографія и др. такъ или иначе соприкасающіяся науки. Это послѣднее обстоятельство для цѣлей областной разработки нашего прошлаго имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ и пріѣзжимъ ученымъ разныхъ спеціальностей дается возможность ознакомиться на мѣстѣ съ существующимъ матеріаломъ, и мѣстныя силы получаютъ толчекъ и направляются къ болѣе разнообразной дѣятельности. Правда, съ другой стороны, вслѣдствіе такого разнообразія содержанія съѣздовъ, не всегда научный характеръ ихъ строго выдержанъ, чему также способствуетъ участіе въ съѣздахъ любителей и вообще неспеціалистовъ,

такъ что въ этомъ отношеніи русскіе арх. съѣзды разнятся, напримѣръ, отъ германскихъ періодическихъ съѣздовъ ученыхъ, преслѣдующихъ чисто научныя цѣли. Но это нисколько не умаляетъ значенія арх. съѣздовъ; при сравнительной новизнѣ науки въ Россіи, задача русскихъ арх. съѣздовъ и заключалась главнымъ образомъ въ популяризаціи науки, въ уничтоженіи предразсудковъ къ ней, въ возбужденіи интереса со стороны большой публики. И теперь, по прошествіи 25 лѣтъ, можно съ увѣренностію сказать, что цѣль достигнута, археологическіе съѣзды стали на твердую почву, являются общимъ дѣломъ. Кромѣ того, помимо цѣлей популяризаціи, на съѣздахъ было поднято и рѣшено много чисто научныхъ вопросовъ, собрана на мѣстѣ масса научнаго матеріала, сохранено, путемъ привлеченія вниманія общества, огромное число памятниковъ старины.

Археологическіе съѣзды устраивались подъ руководствомъ Московскаго Археологическаго Общества; покойный предсѣдатель общества графъ А. С. Уваровъ былъ иниціаторомъ и главнымъ работникомъ этого дѣла; теперешній предсѣдатель общества, графиня П. С. Уварова, съ неутомимой энергіей продолжаетъ начатое дѣло, и можно по справедливости сказать, что упрочившееся положеніе археологическихъ съѣздовъ, ихъ возрастающій успѣхъ, въ большой степени обязаны дѣятельности графа и графини Уваровыхъ.

Состоявшійся въ Вильнѣ съ 1 по 14 августа археологическій съѣздъ, девятый по числу, начался при неблагопріятныхъ условіяхъ: недостатокъ вначалѣ матеріальныхъ средствъ, затѣмъ—чисто формальныя препятствія, обусловленныя выборомъ мѣста, внушали опасенія, что съѣздъ пройдетъ вяло;—случилось наоборотъ, съѣздъ вышелъ очень оживленнымъ, возбудилъ интересъ мѣстнаго общества и въ научномъ отношеніи далъ много цѣннаго, такъ какъ, помимо многочисленныхъ рефератовъ, касающихся мѣстной исторіи и мѣстныхъ древностей, на съѣздѣ было сдѣлано нѣсколько докладовъ, носившихъ или обобщающій характеръ, или интересныхъ въ смыслѣ техники научной работы, т. е. именно такихъ докладовъ, какіе и должны

въ будущемъ занять первое мѣсто въ ученыхъ съѣздахъ. Нужно также замѣтить, что благодаря усиліямъ предсѣдателя съѣзда, гр. П. С. Уваровой, тенденціи какого бы то ни было рода на съѣздѣ отсутствовали,—онъ былъ вполнѣ научнымъ.

Во все время съѣзда подъ предсѣдательствомъ Ѳ. И. Успенскаго засѣдалъ ученый комитетъ, распредѣлявшій рефераты по отдѣламъ и опредѣлявшій порядокъ засѣданій.

Всѣхъ записавшихся на съѣздъ членовъ было до 400, изъ нихъ пріѣхало болѣе 160, въ томъ числѣ много депутатовъ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ; засѣданій по разнымъ отдѣламъ состоялось 25; на нихъ было прочитано около 80 рефератовъ [1]); почти каждый изъ рефератовъ возбуждалъ пренія, и нужно сознаться, не всегда дебаты носили научный характеръ и имѣли прямое отношеніе къ поднятымъ вопросамъ; времени, между тѣмъ, отнимали много; намъ кажется, на будущихъ съѣздахъ, на эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить вниманіе.

Съ внѣшней стороны членамъ съѣзда были предоставлены разнаго рода удобства; время между научными засѣданіями проходило въ ознакомленіи съ городомъ и мѣстными древностями; кромѣ того, членами съѣзда было совершенно нѣсколько экскурсій: въ Верки—имѣніе кн. Гогенлое, въ Троки для осмотра трокскаго замка, и въ г. Ковно, откуда была предпринята поѣздка по Нѣману, во время которой осмотрѣны Пожайскій монастырь и древній костелъ въ с. Сапѣжишкахъ.

Переходя къ изложенію содержанія рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ, мы ограничимся только тѣми, какіе имѣютъ отношеніе къ Южной Руси; затѣмъ, имѣя въ виду тѣсную связь исторіи южной Руси съ исторіей Литвы, упомянемъ о болѣе выдающихся сообщеніяхъ, касавшихся прошлаго послѣдней. Благодаря присутствію многихъ ученыхъ изъ южной Россіи, и число рефератовъ, посвященныхъ ей, было значительно. Засѣданія съ-

---

[1]) На обсужденіе съѣзда предполагалось представить еще много другихъ, иногда очень интересныхъ, вопросовъ, но за неприбытіемъ лицъ, ихъ предложившихъ, они остались безъ разрѣшенія.

ѣзда происходили по секціямъ или отдѣламъ, и здѣсь мы будемъ держаться такого же порядка. Но прежде чѣмъ перейти къ спеціальнымъ отдѣламъ, скажемъ нѣсколько словъ о рефератахъ, носившихъ общій характеръ; такихъ рефератовъ было доложено съѣзду, къ сожалѣнію, немного. *Проф. Бѣляевъ* сдѣлалъ докладъ „*объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ*"; основная мысль реферата—параллельное распредѣленіе въ музеяхъ археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, хотя самъ референтъ замѣтилъ, что его проектъ носитъ лишь теоретическій характеръ и практическаго примѣненія онъ не имѣлъ въ виду; затѣмъ, на съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи разграбленія извѣстнаго Ольвійскаго городища, и, наконецъ, Н. Ф. Бѣляшевскій обратился къ членамъ съѣзда отъ имени Московскаго Нумизматическаго Общества съ просьбой доставлять въ означенное общество свѣдѣнія о находимыхъ монетныхъ кладахъ; въ виду важности такого рода свѣдѣній, Нумизматическое Общ. задалось цѣлью сгруппировать ихъ въ одномъ мѣстѣ и сдѣлать, такимъ образомъ, удобнымъ для пользованія уже накопившійся, но еще не приведенный въ систему, громадный матеріалъ; членамъ съѣзда были при этомъ розданы карточки для занесенія подобнаго рода свѣдѣній.

По отдѣлу *первобытныхъ древностей* доложены слѣдующіе рефераты, касающіеся прошлаго южной Россіи. *Е. Н. Мельникъ* „*О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра*"; здѣсь сообщены свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыя распредѣляются на 3 большія географическія группы; первая группа западно-волынская, характерной представительницей ея является мастерская у с. Мощаницы (Дубенскаго у.), приготовлялись въ мастерской отбивныя кремневыя и полированныя орудія; вторую группу составляютъ мастерскія преимущественно кремневыхъ орудій по берегамъ р. Уши и Норини; типичная мастерская этой группы расположена между селами Збранки и Папирня. Изъ орудій производства здѣсь обращаютъ на себя вниманіе отбойники, достигающіе иногда большихъ размѣровъ; къ этой же группѣ географически примыкаетъ нѣсколько мастерскихъ съ производствомъ шиферныхъ пряслицъ; третья группа распо-

ложена, главнымъ образомъ, близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Переходъ отъ волынскихъ мастерскихъ къ этой группѣ составляютъ мастерскія Кіевской губ., изъ которыхъ болѣе выдающаяся обнаружена на городищѣ Княжей Горы; въ послѣдней группѣ, какъ наиболѣе типичная, охарактеризована мастерская у с. Волошскаго; тутъ сосредоточивались четыре производства: отбивныхъ кремневыхъ орудій, каменныхъ полированныхъ, костяныхъ и гончарныхъ издѣлій. Рефератъ Е. Н. Мельникъ сопровождался демонстрированіемъ типичныхъ предметовъ. *С. В. Люба-Радзиминскій*: „*Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни*“. Референтомъ раскопано около 20 кургановъ, расположенныхъ при имѣніи Радзиминъ-Сивки, острожск. у. Результаты раскопокъ слѣдующіе: 1) изслѣдованные курганы принадлежатъ каменному вѣку, 2) данная область въ старину была мѣстомъ приготовленія кремневыхъ и каменныхъ орудій, каковы: топоры—молоты, пилы, ножи, между которыми особенно интересны закривленные ножи скандинавскаго типа, 3) курганное племя принадлежитъ къ типу долихоцефаловъ, 4) покойники погребались на поверхности земли и придавливались сверху 6-ью „валиками“ изъ бѣлой глины, которые клались поперекъ покойника параллельно одинъ другому; 5) кромѣ каменныхъ, у головы ставились сосуды (2—3) изъ разноцвѣтной глины. Каменныя орудія такого-же типа встрѣчаются въ городищѣ с. Матвіевицы, кременецкаго у., и у с. Б. Мощаница дубенск. у.; отступленіе отъ описаннаго типа составляютъ курганы съ трупосожженіемъ, обнаруженные близъ селъ Корытное и Плужное, острожск. у. Въ заключеніе референтъ познакомилъ собраніе съ каменной могилой („плитовой гробъ“), открытой въ 1878 г. въ Радзиминѣ. Большимъ оживленіемъ сопровождался рефератъ *проф. В. Б. Антоновича* „*О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра*“, интересный какъ по выбору темы, такъ и по тѣмъ общимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ референтъ. Пр. Антоновичъ прежде всего указалъ на то, что классификація доисторическаго времени, выработанная скандинавскими учеными съ подраздѣленіемъ на три періода—каменный, бронзовый и желѣзный, не всегда пригодна въ цѣломъ видѣ, такъ какъ есть страны, въ

которыхъ какого нибудь изъ періодовъ не достаетъ. При обозрѣніи доисторическихъ памятниковъ Россіи оказывается, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ, и что желѣзная культура прямо наслоилась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такими признаками, по мнѣнію референта, являются слѣдующіе три: во первыхъ, нахожденіе такихъ бронзовыхъ предметовъ, какіе быстро исчезли при появленіи желѣза, это—оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія (топоры, ножи, серпы, бритвы), но признакъ этотъ не вполнѣ прочный,—если указанные предметы находятся единично и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка, или къ случайнымъ иммиграціямъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ; другой, болѣе прочный признакъ, составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла; третій признакъ, очень прочный—это присутствіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка. Что касается Европ. Россіи, то бронзовая культура, отвѣчающая всѣмъ тремъ признакамъ, надвигалась на ея территорію съ двухъ сторонъ: съ востока—культура центрально-азіатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала; перешедши Уралъ, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла. Другая бронзовая культура—передне-азіатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ Европы, и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ; предѣлами ея можно пока считать Днѣстръ, его притокъ Смотричъ и Западный Бугъ. На всемъ же промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немночисленные спорадически разсѣянные бронзо-

вые предметы; такъ напр., въ 5 губерніяхъ бассейна средняго Днѣпра можно констатировать только 30 типичныхъ бронзовыхъ предметовъ, мастерскія же и гробницы бронзоваго вѣка совершенно отсутствуютъ. Исключеніе составляетъ Новороссійскій край, гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, хотя невозможно опредѣлить ея происхожденіе за отсутствіемъ предметовъ, которые могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависитъ также и отъ того, что область Дона, въ которой могли бы быть найдены переходныя формы, остается пока совсѣмъ неизслѣдованною въ археологическомъ отношеніи. По поводу этого реферата оппонентомъ выступилъ проф. Анучинъ. Замѣтивъ, что въ настоящее время нѣкоторые германскіе ученые вообще отрицаютъ существованіе бронзоваго вѣка, какъ самостоятельнаго періода, проф. Анучинъ сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ реферату; между прочимъ, оппонентъ не соглашается съ названіемъ западной бронзовой культуры финикійской, такъ какъ въ распространеніи культуры въ Европѣ гораздо большую роль играли греки и этруски, затѣмъ, кромѣ двухъ указанныхъ центровъ, былъ еще третій,—это Кавказъ съ его оригинальными бронзами; что же касается распространенія бронзы съ востока, то оно шло дальше указанныхъ референтомъ границъ, обнимало среднюю Россію и даже заходило въ южную. На это проф. Антоновичъ возразилъ, что слово „финикійская культура“ онъ употребляетъ лишь для обобщенія западной культуры; говорить же о вліяніи Кавказа онъ воздержался, такъ какъ слѣдовъ такого вліянія очень мало. Проф. Кочубинскій обратилъ вниманіе на важность данныхъ языка въ такого рода вопросахъ, а они, повидимому, говорятъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго референтомъ. Другой рефератъ *проф. Антоновича „Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ“*, касается также одного изъ нерѣшенныхъ вопросовъ доисторической археологіи; курганы съ окрашенными костяками встрѣчены уже въ значительномъ количествѣ на весьма обширномъ пространствѣ, именно—въ Бессарабіи, Новороссіи, Кубанской области, Кіевской и Полтавской губерніяхъ. Курганы такого рода бѣдны находками, въ нихъ встрѣчаются лишь гли-

нные горшки, каменныя орудія и слѣды бронзы; скелеты лежатъ на спинѣ, и часто также на боку, съ нѣсколько поджатыми ногами; окрашенъ бываетъ не весь костякъ, а лишь черепъ, первые шейные позвонки и частью ключицы, а также кости рукъ и ногъ. Мнѣніе, что кости окрашивались уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, проф. Антоновичъ считаетъ несостоятельнымъ и высказываетъ предположеніе что при погребеніи трупъ покрывался толстымъ слоемъ охры, которой и окрашивались кости послѣ того какъ сгнивали всѣ другія части тѣла. Проф. Анучинъ, съ своей стороны, для окончательнаго рѣшенія вопроса предложилъ сдѣлать опытъ на какомъ нибудь животномъ. *Проф. Анучинъ* сдѣлалъ сообщеніе „*О слѣдахъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи*“; трепанація состоитъ въ продѣлываніи въ черепѣ болѣе или менѣе значительнаго отверстія; операція эта практиковалась въ доисторическое время какъ надъ живыми, такъ и надъ мертвыми; въ первомъ случаѣ, какъ это можно полагать по аналогіи съ нѣкоторыми племенами, практикующими такой обычай и теперь, трепанація производилась для излѣченія отъ падучей болѣзни и другихъ формъ истеріи, объясняемыхъ присутствіемъ особаго духа, для выхода котораго и продѣлывалось отверстіе въ черепѣ; надъ мертвыми же трепанація совершалась для полученія кусковъ черепа, которые употреблялись затѣмъ какъ амулеты, и имъ придавалась особая предохранительная сила. Въ западной Европѣ, особенно во Франціи, находки трепанированныхъ череповъ, относящихся къ доисторическому времени, не рѣдки, въ Россіи же, до послѣдняго времени, слѣдовъ трепанаціи констатировано не было. Референтъ сообщилъ о двухъ такого рода находкахъ; одна изъ нихъ заключается въ привѣскѣ съ сквознымъ отверстіемъ, сдѣланной изъ части теменной и лобной кости, найденной на городищѣ неолитическаго вѣка на р. Ветлугѣ костромской губ., а другая—въ черепѣ, добытомъ при раскопкахъ на „Княжей горѣ“ (близъ Канева на Днѣпрѣ) Н. Ф. Бѣляшевскимъ; на черепѣ этомъ имѣется неправильно округлое отверстіе на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ,

и притомъ, не посредствомъ удара, а помощью вырѣзыванія ножемъ или подобнымъ ему инструментомъ. Съ опредѣленіемъ этого отверстія, какъ произведеннаго грубымъ пріемомъ трепанаціи, согласились видѣвшіе этотъ черепъ проф. Штида и докторъ Юндзиллъ. Рефератъ проф. Анучина вызвалъ замѣчаніе со стороны Н. Ф. Бѣляшевскаго, замѣтившаго, что демонстрированный черепъ, по нѣкоторымъ условіямъ его нахожденія, относится къ великокняжеской эпохѣ, и со стороны барона де-Бая, который также выразилъ мнѣніе, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ неолитическій періодъ каменнаго вѣка. Въ доложенномъ съѣзду рефератѣ *С. С. Слуцкаго:* „*Къ вопросу о каменныхъ бабахъ*“, намѣчены четыре типа ихъ: 1) типъ, преобладающій на югѣ Россіи, но извѣстный и въ другихъ мѣстахъ; онъ характеризуется такъ: отдѣлка со всѣхъ сторонъ, помочи на мужскихъ бабахъ, полныя статуи держатъ обѣими руками подъ животомъ сосудъ вродѣ стакана; у мужчинъ три косы, есть усы, но бороды нѣтъ, на головѣ шапка полушаромъ; у женщинъ остроконечная широкополая шляпа, на спинѣ платокъ, встрѣчаются богатые кафтаны, щиколотки весьма тонкія, а бедра очень толстыя; это типъ половецкій; 2) типъ по преимуществу сибирскій (Алтай и Киргизская степь) и весьма рѣдкій въ европейской Россіи; его характерныя черты: полурельефъ (изображеніе только спереди, а сзади и съ боковъ плоскій камень); одна рука у груди держитъ рогъ, другая лежитъ ниже, часто придерживая у пояса кинжалъ; 3) полурельефныя плиты съ рельефнымъ изображеніемъ человѣка, который окруженъ бываетъ другими изображеніями; 4) осетинскій истуканъ. Кромѣ этихъ основныхъ типовъ, г. Слуцкій указываетъ еще разновидности, требующія внимательнаго изученія. Э. Г. Штернъ добавилъ, что районъ распространенія каменныхъ бабъ въ направленіи къ западу значительно расширяется и доходитъ до Бамберга.

Много рефератовъ было посвящено доисторическому прошлому славянъ. Укажемъ на рефераты: *проф. Антоновича*— „*Похоронный типъ въ землѣ Радимичей*“, гдѣ изложены результаты раскопокъ, произведенныхъ проф. Антоновичемъ лѣ-

томъ 1893 г. по берегу р. Сожи, возлѣ Гомеля и Чечерска, въ мѣстности, еще почти совсѣмъ не изслѣдованной, гдѣ, по указаніямъ лѣтописи, хотя довольно глухимъ, жили радимичи; *М. В. Фурсова*—„*Раскопки въ могилевской губерніи*“; раскопки происходили въ 5 уѣздахъ по берегамъ рѣкъ Днѣпра, Сожи, Друти, Прони, Остра и Бесѣды; *проф. Завитневича*—„*Формы погребальнаго обряда въ курганахъ мозырскаго, рѣчицкаго и бобруйскаго уѣздовъ минской губ.*“. Референтомъ было раскопано 627 кургановъ, принадлежавшихъ 70 болѣе или менѣе отдѣльнымъ могильникамъ; *Г. Х. Татура*—„*О курганахъ минской губерніи*“; *Л. К. Житинскаго*—„*Языческое кладбище въ селѣ Б. Рискань, дубенскаго уѣзда*“; покойники здѣсь были погребены въ неглубокихъ ямахъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ямы обставлялись деревянными бревнами, въ каждой могилѣ найдено по одному костяку, костяки лежали головою на западъ; въ мужскихъ могилахъ ничего не найдено; въ женскихъ, найдены разнаго рода украшенія; найдены, между прочимъ, еще слѣдующіе предметы: кусокъ золотаго позумента, медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери и стекляный внутри пустой шарикъ; референтъ полагалъ, что это кладбище образовалось въ теченіе ряда столѣтій; *проф. Линниченко*—„*О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ*“. Референтъ далъ характеристику кургановъ, расположенныхъ около Глинска; эти курганы по типу ближе всего подходятъ къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ; по предметамъ, найденнымъ при раскопкѣ, пр. Линниченко считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что они принадлежатъ не славянамъ, а какому-то кочевому племени, быть можетъ, половцамъ. Возражая на такое заключеніе А. А. Спицынъ утверждалъ, что предметы, указанные докладчикомъ, какъ присущіе только курганамъ этой мѣстности, именно—мѣдныя спирали и головные обручи, встрѣчены какъ въ курганахъ несомнѣнно славянскихъ, такъ и въ кладахъ съ славянскими вещами. Обобщающій характеръ имѣлъ рефератъ *А. А. Спицына*—„*Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей*“, въ которомъ, на основаніи новыхъ данныхъ и матеріала, уже извѣстнаго въ литературѣ, референтъ сдѣ-

лалъ характеристику погребальнаго обряда и находимыхъ предметовъ въ каменныхъ могилахъ западнаго края и въ курганахъ древлянъ, дреговичей, кривичей, полочанъ, новгородскихъ славянъ, вятичей, радимичей и сѣверянъ.

По отдѣлу *древностей историко-географическихъ и этнографическихъ* были доложены рефераты. *проф. Павинскимъ*:— „*О подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статическомъ отношеніяхъ*". Вначалѣ референтъ разъяснилъ значеніе географическаго элемента въ воспроизведеніи прошлаго и современное состояніе этого вопроса въ наукѣ, пробѣлы и недостатки географической программы. Далѣе, говоря о способахъ исчисленія площади геометрической фигуры территоріи по географической картѣ, референтъ подробно объяснилъ и демонстрировалъ употребленіе планиметра Амслера, которымъ онъ пользовался при своихъ работахъ. Для нанесенія политическихъ границъ Подляшскаго воеводства въ XVI стол. ему служили главнымъ источникомъ подымные списки. Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи Подляшскаго воеводства. Разъяснивъ значеніе статистическаго метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи Подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведши числовыя данныя. Среднее число народонаселенія Подляшья въ XVI в. простиралось до 164,000 душъ. Въ заключеніе референтъ сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя между прочимъ методъ географическій и статистическій, историческая наука съумѣетъ отстоять за собой значеніе науки точной. Рефератъ пр. Павинскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній о способахъ измѣренія площади. *Проф. Филевичъ* доложилъ рефератъ—«*Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные*»; рефератъ этотъ вызвалъ существенныя возраженія со стороны проф. Соболевскаго. *Проф. Соболевскій* сообщилъ замѣтку— „*О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи*". Главное положеніе референта заключается въ томъ, что наука, пользуясь названіями населенныхъ мѣстъ для выводовъ историко-этнографическихъ, не всегда обращаетъ

должное вниманіе на различіе названій по ихъ этимологическому строенію. Очень важны, конечно, названія поселеній, тожественныя съ названіями племенъ, въ родѣ: меря, поляки, нѣмцы; очень вѣроятно, что подъ такими названіями разумѣется населеніе, отличное отъ коренного русскаго. Важны въ томъ же смыслѣ названія съ окончаніями на *ское, ская*: чудское, мещерское и т. п. Но не имѣютъ значенія этнографическія названія на *ово, овка, ино*, напр. Мериново, Литвиново и проч Такія названія произошли просто отъ именъ владѣльцевъ того или другого поселка въ позднѣйшее время. Древней топографіи г. Вильны касались два реферата: *Ю. Ѳ. Крачковскаго—„Къ исторіи старой Вильны“ и акад. Васильевскаго—„Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ?“* Въ докладѣ *Е. Ф. Орловскаго—„О началѣ города Гродны“* референтъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы извѣстія кіевской лѣтописи XII-го в. о Городнѣ относятся къ нынѣшнему губернскому городу этого имени, а не къ Гроднѣ, что теперь въ пинскомъ уѣздѣ минской губ. Основаніе Гродны на Нѣманѣ было вызвано стратегическими и религіозными соображеніями; основаніе ея должно быть отнесено или къ 983 г. во время похода св. Владиміра на ятвяговъ, или же къ 1038 г., къ походу на тѣхъ же ятвяговъ Ярослава. Старый вопросъ затронулъ *Г. А. Виссендорфъ* въ рефератѣ *„О мѣстоположеніи варяжской Руси“*; на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмарта Мерзебургскаго и Анналовъ Кведлинбургскихъ, докладчикъ полагаетъ, что первоначальное мѣстожительство варяжской Руси было на берегахъ рѣки Руси, притокѣ Нѣмана. Возражая референту, проф. Успенскій замѣтилъ, что при рѣшеніи даннаго вопроса надо обращаться къ источникамъ болѣе древнимъ, а такими являются источники византійскіе. *Проф. Маркевичъ* въ докладѣ *„Къ вопросу о народахъ, живших въ древнее время въ Черноморьи“*, основываясь на изображеніяхъ людей, помѣщенныхъ на трехъ памятникахъ изъ восточнаго Черноморья, пытался путемъ различныхъ соображеній пріурочить эти изображенія племени, жившему въ Черноморьи въ эпоху подчиненія его римлянамъ; племя это, по мнѣнію референта,—Ѳракійское. Проф. Кочубинскій не

согласился съ этимъ мнѣніемъ и замѣтилъ, что національность ѳракійцевъ въ наукѣ точно не опредѣлена.

Что касается этнографіи, то на съѣздѣ она была представлена мало; изъ рефератовъ отмѣтимъ—„*Паденіе народной пѣсни*“ *П. И. Тиховскаго;* референтъ высказалъ мнѣніе, что пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ, причемъ здѣсь является разница въ зависимости отъ характера пѣсни, именно: пѣсня историческая падаетъ ничѣмъ не замѣняясь, такъ какъ народъ отсталъ отъ политической жизни; пѣсня бытовая стоитъ тверже, хотя вытѣсняется новыми—солдатскими, городскими, фабричными. Пѣсня этого рода падаетъ качественно, старая искажается, такъ какъ разрушается патріархальный бытъ деревни; лучше всего сохраняются пѣсни субъективно-лирическія. Помочь въ этомъ случаѣ могутъ школа и общество, напр. изданіемъ пѣсенниковъ, составленныхъ этнографами. Изъ возраженій укажемъ на замѣчаніе проф. Соболевскаго, полагающаго, что наоборотъ—народная пѣсня не падаетъ, основная старая пѣсня продолжаетъ жить, пошлыя же пѣсни представляютъ временное наслоеніе.

Х. Н. Ящуржинскій сдѣлалъ докладъ «*О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ*». Докладчикъ поставилъ два тезиса: 1) что къ превращеніямъ способны миѳическія существа и 2) что этой же силой обладаютъ существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ докладчикъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъи обратилъ вниманіе на ихъ близость къ природѣ и на свѣжесть чувства въ нихъ.

По отдѣлу—*Памятники искусствъ и художествъ, проф. Петровъ* доложилъ съѣзду «*О монетахъ великаго кіевскаго князя Изяслава Ярославича*». Монеты эти долго приписывались Ярославу I. Это мнѣніе поддержалъ графъ И. И. Толстой въ своей книгѣ ‹Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго›, Спб., 1882 г. Графъ Толстой читалъ надписи на этихъ монетахъ въ смыслѣ имени Георгія, а Георгіемъ назывался въ крещеніи Ярославъ I; Н. П. Черневъ въ 1888 году на одной изъ этихъ монетъ прочелъ имя не Георгій, а Петръ. Референтъ въ 1890 году на той же монетѣ и на нѣсколькихъ другихъ 1-го и 2-го типа прочелъ имя Димитрій, вырѣзанное на штемпелѣ

неумѣло, отчего надпись вышла наоборотъ. Но графъ Толстой въ брошюрѣ, вышедшей въ настоящемъ году, настаиваетъ на своемъ чтеніи, приписывая ихъ по прежнему Ярославу I, такъ какъ другихъ-де именъ въ русской исторіи этого времени, кромѣ имени Георгія, или Юрія—Ярослава, нельзя и пріурочить къ разсматриваемымъ монетамъ. Отвѣчая графу Толстому, референтъ указывалъ на ближайшаго преемника Ярослава I великаго князя Кіевскаго Изяслава Ярославича, въ крещеніи Димитрія, и на сына его Ярополка, въ крещеніи Петра, коимъ могутъ быть приписаны монеты съ именами Димитрія и Петра. *Н. П. Авенаріусъ* сообщилъ *«О дрогичинскихъ пломбахъ»*; изложивъ исторію ихъ открытія, референтъ не соглашается съ мнѣніями, высказанными по поводу этихъ загадочныхъ знаковъ, въ частности не соглашается съ мнѣніемъ проф. Лучицкаго, считающаго ихъ торговыми пломбами ганзейскаго союза; имѣя въ виду помѣщенныя на пломбахъ славянскія буквы, референтъ признаетъ за ними мѣстное происхожденіе и считаетъ ихъ вислыми печатями, подвѣшивавшимися къ документамъ коммерческаго характера.

По отдѣлу—*Бытъ домашній, общественный, юридическій и военный* большой заслуженный интересъ вызвалъ рефератъ *А. Я. Ефименко „О копныхъ судахъ“*, въ которомъ почтенная изслѣдовательница нашего обычнаго права возстанавливаетъ картину древняго судебнаго процесса юго-западной Руси и проводитъ новый взглядъ на отношеніе народнаго суда къ княжескому. Сущность реферата г-жи Ефименко заключается въ слѣдующемъ. Въ предисловіи къ 18-му тому Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи разработанъ матеріалъ о копныхъ судахъ, заключающійся въ этомъ томѣ; но не обращено вниманія на судебный процессъ. А между тѣмъ матеріалъ о копныхъ судахъ даетъ возможность воспроизвесть архаическій судебный процессъ въ его характерныхъ особенностяхъ. Судебный процессъ по копному праву представляетъ собою три момента, которымъ соотвѣтствуютъ три особыхъ копы: предварительное дознаніе—копа горячая; судебное слѣдствіе—копа великая, вольная, судебное рѣшеніе съ приведеніемъ его во исполненіе—копа завитая. Самая любопытная особенность горячей копы—ея

обязанность „гнать слѣдъ“. Если горячая копа ничего не достигала, то ея цѣль переносилась на великую копу, которая сама дѣлала необходимое дознаніе. На великой копѣ сосредоточивался центръ тяжести копнаго процесса, и она обставлялась особой торжественностью; только по отношенію къ этой копѣ существовало обязательство выхода на нее всѣхъ членовъ копнаго округа, мужей—копниковъ. Судебное слѣдствіе состояло изъ „вольнаго правнаго мовенья“ (состязательства) сторонъ и представленія судебныхъ доказательствъ. Въ числѣ судебныхъ доказательствъ „лице“ (поличное) не играетъ почти никакой роли въ соотвѣтствіи съ духомъ архаическаго суднаго процесса; большее относительно значеніе имѣютъ „свѣтки“ (свидѣтели). Но съ совсѣмъ особымъ и самостоятельнымъ значеніемъ является присяга — обвинительная и очистительная въ связи съ такъ наз. соприсяжничествомъ: присяга здѣсь является несомнѣнно видоизмѣненіемъ Божьяго Суда. Отъ великой копы зависѣло дать тотъ или иной оборотъ дѣлу: взглянуть ли на правонарушеніе, какъ на шкоду, допускающую простое матеріальное ея возмѣщеніе, или какъ на злодѣйство, т. е. преступленіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Квалифицированіе шкоды въ злодѣйствѣ зависѣло, повидимому, главнымъ образомъ отъ личности преступника: былъ ли это добрый мужъ, ни въ чемъ не заподозрѣнный членъ копнаго округа, или человѣкъ подозрительный, пришелецъ изъ чужой стороны—„летный“. Если правонарушеніе опредѣлялось какъ злодѣйство, дѣло переходило на завитую копу. Так. обр. завитая копа собиралась только для преступника, и дѣло почти всегда кончалось висѣлицей. Завитая копа представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что она объясняетъ намъ генезисъ преступленія въ его общественномъ значеніи. По особенностямъ архаическихъ воззрѣній, всякій правонарушитель находится въ частно-правовомъ отношеніи къ обиженному. Такое отношеніе сохраняется въ копномъ правѣ не только по отношенію къ шкоднику, но и къ злодію. Обиженный имѣетъ извѣстныя права на злодія; но навстрѣчу его притязаніямъ выростаютъ притязанія всѣхъ членовъ копнаго округа. Они всѣ имѣютъ право „пытать“ преступника „о свои шкоды“,

т. е., если они страдали отъ какого-нибудь правонарушенія и не нашли въ свое время виновника, то теперь имѣютъ право пытать преступника, добиваясь отъ него сознанія. Копные суды даютъ намъ совершенно исключительную по полнотѣ деталей картину архаическаго суднаго процесса. Правда, есть на архаическихъ чертахъ уже и новѣйшія наслоенія, но опытной рукой ученаго историка права не трудно реставрировать эту картину. Отмѣтивъ то обстоятельство, что исторія права не всегда предоставляетъ народному суду настоящее мѣсто, отодвигая его роль куда-то за предѣлы исторіи, г-жа Ефименко полагаетъ, что многія историческія свидѣтельства о великокняжескомъ судѣ могутъ быть толкуемы лишь въ смыслѣ взысканія въ пользу князя судебныхъ пошлинъ при допущеніи народнаго суда. Не отвергая впрочемъ велико-княжескаго суда, г-жа Ефименко полагаетъ, что онъ имѣлъ до извѣстной эпохи характеръ суда полюбовнаго, къ которому обращались по соглашенію, что видно еще и въ уставныхъ грамотахъ Литовской Руси, гдѣ постоянно говорится о „выдачѣ". Общій выводъ таковъ, что было два основныхъ типа суда (народный и полюбовный) въ связи съ двоякимъ, параллельно идущимъ, развитіемъ идеи о правѣ (правда внутри родовой группы и правда для между-групповыхъ отношеній).

Другой рефератъ *г-жи Ефименко*—„*Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ*"; вотъ вкратцѣ содержаніе его. Въ основаніи того комплекса явленій, который носитъ названіе феодализма, лежитъ феодализація земельной собственности. Сущность этого процесса въ слѣдующемъ. Земледѣльческіе народы Европы, особенно германскіе и славянскіе, осѣли на свою территорію земледѣльческими клѣточками, извѣстными на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ подъ именемъ mansus, германское названіе huoba, западно-славянское łan, восточно-славянское село, деревня, дворище. Эта клѣточка заключала въ себѣ союзъ свободныхъ людей, связанныхъ родствомъ, и имѣла опредѣленный размѣръ воздѣланной земли съ неопредѣленнымъ, тянущимъ къ нему, количествомъ дикой земли, угодьевъ. Опредѣленность размѣра этой клѣточки констатируется точными

свидѣтельствами и находится въ зависимости отъ естественныхъ условій роста этой клѣточки, отъ неудобствъ и невыгодъ, заключающихся въ чрезмѣрномъ расширеніи ея периферіи. Союзы, обнимаемые этими клѣточками, и есть до относительно позднихъ историческихъ временъ единственные безусловные или аллодіальные земельные собственники. Всякая иная земельная собственность есть собственность условная, имѣющая источникъ въ jus publicum, а не въ jus privatum, состоящая въ правѣ пользованія продуктомъ труда этихъ аллодіальныхъ собственниковъ. Она вытекаетъ изъ потребностей складывающагося государства, которому необходимъ большой классъ лицъ, могущихъ служить органамъ государства, главн. обр. по отношенію къ организаціи военной защиты. Эта условная собственность постепенно всасываетъ въ себя всѣ атрибуты собственности безусловной и становится на ея мѣсто. Есть и другой путь образованія условной собственности—это передача первоначальными собственниками своей земли безземельнымъ. Весь этотъ процессъ феодализаціи земельной собственности можно наблюдать и въ Литовской Руси; процессъ шелъ вполнѣ самостоятельно. Но наряду съ нимъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодальнаго строя. Слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственно Литовской Руси.

Проф. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе: „*Общины на Валашскомъ правѣ въ Юго-Западной Руси*“. По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностью предполагать, что онѣ возникли еще въ XIII ст. Референтъ готовъ считать загадочныхъ Болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той-же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы.

Значеніе крайника мало выясняется актами; онъ присутствуетъ въ судѣ съ оффиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждаго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе княжества скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Княжества обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наслѣдственную собственность; князь въ княжествѣ являлся только какъ usufructor, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ—дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціальнаго занятія Валаховъ скотоводовъ. Первыя поселенія на валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ—Валаховъ, но съ теченіемъ времени и многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ Западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

Проф. Платоновъ, въ рефератѣ *„объ огнищанахъ“*, сообщивъ всѣ лѣтописныя извѣстія, касающіяся даннаго вопроса, и различныя толкованія слова огнищанинъ,—какъ домовладыка, землевладѣлецъ, рабовладѣлецъ,—съ своей стороны высказываетъ мнѣніе, что подъ „тіуномъ огнищнымъ“ и „огнищаниномъ“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „огнищане“ охватывало этимъ словомъ

большій кругъ лицъ, именно—всѣхъ людей, принадлежавшихъ ко княжескому двору, и, такимъ образомъ, отождествляло это слово со словомъ дворяне.

По отдѣлу *церковныхъ древностей проф. Петровъ* сообщилъ „*О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами*; референтъ сначала изложилъ сказаніе о явленіи иконы въ с. Купятичахъ, минской губ., затѣмъ перешелъ ко разсмотрѣнію ея съ точки церковно-археологической; икона эта, находящаяся теперь въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, представляетъ не что иное, какъ часть древняго креста-складня (энколпіона); такого рода кресты, относящіеся по большей части къ эпохѣ до-татарской встрѣчаются въ большомъ числѣ въ предѣлахъ Кіевской земли.

Фрески кіевскихъ церквей также были предметомъ докладовъ на съѣздѣ. *Пр. Н. И. Петровъ* въ рефератѣ „*О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора*“ представилъ описаніе фресокъ, обнаруженныхъ въ этомъ году на арочныхъ столбахъ алтаря; фрески эти древнія, мѣсто ихъ указываетъ на то, что въ древности иконостасъ былъ гораздо ниже теперешняго; другія фрески, сравнительно болѣе позднія, открыты въ аркахъ притвора, облекавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ т. н. крещальнѣ, находящейся направо отъ главнаго западнаго входа въ соборъ.

Въ этомъ же рефератѣ пр. Петровъ коснулся остатковъ древней кладки изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей, случайно открытой на Большой Владимірской улицѣ при выемкѣ земли для канализаціи. Со поставляя мѣсто находки съ планомъ Кіева XVII вѣка, на которомъ здѣсь обозначены ворота крѣпостнаго вала, пр. Петровъ высказалъ предположеніе, что эти остатки кирпичной кладки принадлежатъ древнему городу св. Владиміра.

Докладъ *М. П. Истомина*—„*Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи*“ касается росписанія великой лаврской церкви въ 1772—76 г.г. Основываясь на документахъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и въ архивѣ Кіево-печерской лавры, г. Истоминъ полагаетъ, что росписаніемъ

церкви завѣдывалъ итальянскій художникъ Веніаминъ Фридериче. Опредѣляя затѣмъ значеніе Кіево-печерской лавры, какъ разсадника на всю западную Россію иконописнаго искусства, референтъ замѣчаетъ, что не всегда искусство это въ лаврѣ стояло на должной высотѣ, и такъ какъ потребность въ немъ сказывалась довольно сильно, то необходимо было устроить школу церковной живописи; такая школа и была открыта при лаврѣ въ 1763 г., до того же времени обученіе происходило приватно, по келіямъ монаховъ-иконописцевъ. Результаты устройства школы обнаружились скоро—въ работахъ по роспискѣ церкви въ 1772—76 г.г. принимали участіе исключительно ученики недавно открытой школы. Въ заключеніе референтъ выразилъ пожеланіе параллельнаго изученія живописи въ православныхъ церквахъ Западной Руси и костелахъ для уясненія вопроса о заимствованіяхъ.

По отдѣлу—*Памятники языка и письма* отмѣтимъ рефератъ *проф. Богородицкаго*—*„Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ“*, рефератъ, открывающій новые пути для лингвистическихъ изслѣдованій. Въ виду этнографическаго разнообразія состава населенія Россіи, являются самыя благопріятныя условія для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Основныя положенія референта слѣдующія. При соприкосновеніи языковъ получаются два явленія: заимствованныя слова и смѣшанныя нарѣчія; послѣднія подраздѣляются на три класса: 1) смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, родственныхъ между собою (русскій и нѣмецкій), или же не родственныхъ (русскій и чувашскій), 2) смѣшанныя нарѣчія изъ соприкосновенія двухъ близко родственныхъ языковъ (русскій и польскій), и 3) смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка (таковы переходы напр. отъ малорусскаго къ бѣлорусскому или къ великорусскому). Что касается характера смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступать мѣсто другому; 2) ни одно изъ нарѣчій не проявляетъ особенной наклонности къ ассимиляціи. Процессъ образованія смѣшанныхъ нарѣчій наблюдается въ случаяхъ изученія чужого языка, при

этомъ представляется два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи съ тѣмъ, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ, и 2) ошибочныя образованія по аналогіи съ тѣмъ, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ. Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ. Матеріалъ для изученія долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій.

Е. Ѳ. Карскій прочелъ рефератъ—„*Что такое древнее западнорусское нарѣчіе?*“ Сущность реферата заключается въ слѣдующемъ. Старое западно-русское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, выдѣляющія его, какъ самостоятельный органъ; черты эти не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западнорусскаго языка; особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ нарѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV в.; вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, изученіе стараго западнорусскаго нарѣчія такъ-же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того времени.

Проф. Созоновичъ въ докладѣ—„*Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ*“ является противникомъ получившей въ послѣднее время оживленіе теоріи восточнаго происхожденія русскихъ былинъ. Для примѣра референтомъ былъ разобранъ эпизодъ изъ былины про Добрыню Никитича, о томъ, какъ другъ Добрыни Алеша Поповичъ въ отсутствіе Добрыни принуждалъ жену его Настасью Микуличну выйти за него замужъ; основу этого сюжета референтъ находитъ не на востокѣ, но въ классическомъ разсказѣ, прошедшемъ чрезъ западно-европейскую средне-вѣковую литературу.

Проф. Соболевскій въ рефератѣ—„*Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода*“ указалъ на извѣстіе лѣтописи, что Ярославъ собралъ переводчиковъ, дающее возможность предполагать, что нѣкоторыя сочиненія были переведены на церковно-славянскій языкъ въ Россіи до-монгольскаго періода, устанавливаетъ нѣкоторыя лексическія особенности, по которымъ можно отличить переводы, сдѣланные на Руси отъ сдѣланныхъ

на славянскомъ югѣ. Наиболѣе важны три группы словъ, не встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія, это—1) слова славянскія по происхожденію со спеціальными значеніями—названія должностныхъ лицъ, монетъ, мѣръ вѣса, одеждъ и т. п. (посадникъ, гривна, кожухъ), 2) слова, заимствованныя русскимъ языкомъ изъ другихъ языковъ (тіунъ, шелкъ, обезьяна); 3) названія городовъ и народовъ, хорошо извѣстныхъ древней Руси, но неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, отличныя отъ названій греческихъ (Сурожъ, Мурманинъ). На основаніи лексическихъ данныхъ, можно считать переведенными въ древней Руси житія свв. Андрея Юродиваго, Ѳеодора Студита, Стефана Сурожскаго, Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая Чудотворца въ Баръ, Монастырскій Студійскій уставъ, Пандекты Никона Черногорца, Исторію іудейской войны Флавія, Александрію, Топографію Козмы Индикоплона, нѣсколько апокрифовъ и др. Сверхъ того, рядъ сочиненій, переведенныхъ на славянскомъ югѣ, былъ исправленъ въ древней Руси по греческимъ оригиналамъ, между прочимъ: Чудеса св. Николая чудотворца, Пчела, Хронографъ Георгія Амартола.

Проф. Владиміровъ въ рефератѣ *„Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. Курбскаго“* указалъ на неизвѣстные доселѣ переводы кн. Курбскаго, заключающіеся въ одномъ изъ сборниковъ XVI в. Моск. Синод. библ. По поводу этого реферата проф. Соболевскій замѣтилъ, что въ южной Руси существовала цѣлая группа великороссіянъ, занимавшихся переводами, и что переводы, приписываемые Курбскому, могли быть сдѣланы не имъ, а другими лицами, и лишь редакція могла принадлежать Курбскому.

По отдѣлу *древностей литовскихъ, славянскихъ и восточныхъ* (предсѣдатель проф. Флоринскій) большими научными достоинствами отличался рефератъ *проф. Мѣржинскаго—„О Криве“*. Путемъ строгой критики источниковъ референтъ пришелъ къ выводамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ доселѣ принятыми: проф. Мѣржинскій отрицаетъ обширное распространеніе власти Криве, затѣмъ названіе „Криве“ признаетъ собственнымъ именемъ по-

слѣдняго жреца огня въ надровскомъ Ромове, а не названіемъ должности. *Проф. Кочубинскій* въ рефератѣ—*„Литовскій языкъ и наша старина“* указалъ на важность изученія этого языка, остановился главнымъ обр. на выясненіи происхожденія слова „druska“—соль по литовски; референтъ склоняется къ производству его отъ города Truso (вблизи нынѣшняго Эльбинга).

По отдѣлу *археологическому Д. Я. Самоквасовъ* въ докладѣ—*„Объ организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ“* изложилъ тѣ заключенія, къ которымъ пришла Высочайше утвержденная при министерствѣ народнаго просвѣщенія коммиссія 1892 г. по преобразованію центральныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ. Не смотря на то, что означенные архивы, заключая въ себѣ огромное количество историко-юридическихъ документовъ, имѣютъ важное и научное, и практическое значеніе, содержаніе архивовъ до сихъ поръ не приведено въ должный порядокъ; для улучшенія архивнаго дѣла и предложенъ рядъ мѣръ; именно,—увеличеніе числа служащихъ, привлеченіе, на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, увеличеніе окладовъ получаемаго жалованья, предоставленіе нѣкоторыхъ льготъ по службѣ, а для охраны и удобства пользованія документами—составленіе инвентарныхъ описей. Въ возникшихъ по поводу доклада Д. Н. Самоквасова дебатахъ, между прочимъ, г. Истоминъ высказался противъ составленія инвентарныхъ описаній, такъ какъ онѣ мало пригодны для научныхъ цѣлей и требуютъ для составленія такъ-же много времени, какъ и подробные систематическіе указатели; въ частности, для архивовъ Кіевскаго и Виленскаго, какъ имѣющихъ мѣстное значеніе, г. Истоминъ предложилъ составленіе фактическихъ указателей актамъ, въ которыхъ извѣстные факты распредѣлялись бы по группамъ. *А. Н. Львовъ* въ рефератѣ—*„Архивъ грекоуніатскихъ митрополитовъ“* далъ общую характеристику содержанія этого архива, уже приведеннаго въ порядокъ и заключающаго въ себѣ интересные документы, восходящіе къ XV в. *В. М. Площанскій* сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго архива, именно—о градскихъ книгахъ города Холма, съ XV до половины XVII в.

В. Н. Сторожевъ, на основаніи архивнаго матеріала, въ рефератѣ—„*Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка*“ съ разныхъ сторонъ очертилъ дѣятельность кн. Шаховскаго, бывшаго воеводой въ Вильнѣ во время непродолжительнаго пребыванія ея въ рукахъ Московскаго государства.

По отдѣлу *древностей классическихъ и византійскихъ* проф. *Успенскій* сдѣлалъ сообщеніе—„*Вопросъ о Готахъ*“, въ которомъ отмѣтилъ, прежде всего, замѣчающійся въ послѣднее время интересъ къ этому важному для прошлаго южной Руси вопросу; указавъ затѣмъ въ краткихъ чертахъ на историческое значеніе Готовъ, референтъ остановился на роли Готовъ въ учрежденіяхъ Византійской имперіи, особенно въ военномъ дѣлѣ, и далъ характеристику готской дружины; въ заключеніе референтъ привелъ рядъ пунктовъ, которые показываютъ, что разработка готскаго вопроса можетъ оказать вліяніе и на русскую исторію. *Проф. Штернъ* прочелъ докладъ „*Замѣтки по исторіи Ольвіи*“; указавъ на печальное положеніе, въ которомъ находится древнее ольвійское городище, и на эксплоатацію темными промышленниками древностей, референтъ сообщилъ о трехъ вновь найденныхъ надписяхъ, относящихся къ разнымъ періодамъ исторіи города и дающихъ возможность возстановить нѣкоторые интересные факты изъ жизни ольвіополитовъ. *Проф. Кулаковскій* въ сообщеніи—„*О керченскихъ катакомбахъ съ фресками*“, далъ опредѣленіе того типа погребальныхъ сооруженій, который извѣстенъ подъ именемъ „катакомбъ“; упомянувъ о катакомбахъ съ фресками, найденныхъ въ прежнее время, референтъ остановился на двухъ сооруженіяхъ такого рода, открытыхъ въ 1890 и 1891 гг. сопровождая свой докладъ демонстраціей рисунковъ.

При съѣздѣ была устроена *археологическая выставка*; вслѣдствіе того, что многіе изъ мѣстныхъ собирателей старины не выставили своихъ коллекцій, выставка не давала полнаго представленія о мѣстныхъ древностяхъ, которыми такъ богатъ этотъ край, хотя все-таки количество выставленныхъ отдѣльныхъ собраній (23) и заключающихся въ нихъ предметовъ было довольно значительно.

Какъ на одно изъ важныхъ послѣдствій съѣзда, укажемъ на предполагающееся изданіе подробныхъ описаній мѣстныхъ древностей, причемъ будутъ изданы и рисунки послѣднихъ.

Изъ изданій, вызванныхъ съѣздомъ, большой томъ составляютъ „*Труды Виленскаго отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда*“. „Труды“ распадаются на три отдѣла; въ первомъ помѣщены протоколы виленскаго отдѣленія предварительнаго комитета; изъ нихъ мы узнаемъ, какую массу подготовительной работы потребовалъ съѣздъ отъ комитета, бывшаго сначала подъ предсѣдательствомъ генер.-лейтен. А. П. Тыртова, а послѣ его смерти—подъ предсѣдательствомъ Ю. Ѳ. Крачковскаго; во второмъ отдѣлѣ помѣщены изслѣдованія, между которыми цѣнный трудъ составляетъ археологическая карта виленской губерніи Ѳ. В. Покровскаго; третій отдѣлъ занятъ матеріалами для библіографическаго указателя сочиненій, относящихся къ западной Россіи.

Съѣзду посвященъ также прекрасно изданный *каталогъ коллегіи Поля*, находящейся въ Екатеринославѣ, составленный Е. Н. Мельникъ.

Слѣдующій ареологическій съѣздъ соберется въ Ригѣ, въ 1896 году.

Н. Б.

Памяти И. И. Манжуры.

Въ маѣ текущаго (1893) года въ екатеринославской земской больницѣ скончался извѣстный этнографъ и поэтъ И. И. Манжура. Въ статьѣ о современной малор. этнографіи (гл. 3) я сообщилъ краткія о немъ біографическія свѣдѣнія и сдѣлалъ общую оцѣнку его этнографическихъ сборниковъ. Теперь добавимъ лишь нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній объ этомъ весьма даровитомъ, но глубоко несчастномъ человѣкѣ. И. И. Манжура страдалъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его пріѣзда въ Харьковъ въ 1885 г., когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно больной и потерянный человѣкъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ и крупное поэтичное дарованіе.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6 іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣто провожу въ своемъ хуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: „Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; разскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто въ родѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слыхали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки-москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкралъ и привелъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревицкой, скоро попалъ въ часть,

въ тогдашнюю яму въ общество всякого отребья. Былъ я въ это время и не помнящимъ родства, ѣлъ изъ арестантскаго котла, былъ и пріемнымъ сыномъ у какого-то пожарнаго или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцемъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ прошелъ съ отцемъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалялся отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмачки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патеръ мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромлѣ я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе, но мой маршрутъ лежалъ черезъ Харьковъ, другого я не зналъ. Буду разсказывать по порядку. Въ Боромлѣ отецъ запилъ; обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь, чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ въ шинкѣ мы прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минутъ я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой то боромленки. Отправляясь въ лавку—я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и разсказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрашиваній—она согласилась, даже показала и разсказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ; бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ѣвши, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая то рѣка [1]). Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чу-

[1]) Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

чумаки меня приняли, и благодаря моей бойкости, даже поручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокалывалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда сами ѣхали. Но на утро видно раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой то боръ. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорогой обувь), вышелъ на какіе-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, распросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему плелъ), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отправить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сошелся съ партіей какихъ-то, очевидно профессіональныхъ, богомолокъ, которыя велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, поводивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я пошелъ съ ними, не знаю за чьего то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними, скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъ ѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: „Ваня, Ваня“, или что-то въ родѣ этого. Оказалось—что это ѣхалъ на богомолье мой Бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросившись—что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заштатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія.

Не правда ли,—что просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего patera не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣритъ.

Въ 1889 г. вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры, „Степовы спивы та думы“. Въ Кіевской Старинѣ и въ Зорѣ были неблагосклонные отзывы, съ которыми я не могу согласиться. Въ настоящее время малорусской литературы почти не существуетъ и потому неудивительно, что совсѣмъ нѣтъ и литературной критики. Манжурѣ ставили въ укоръ, особенно въ „Зорѣ“, незнаніе малорусскаго языка, человѣку, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему пѣшкомъ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсенъ и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же послѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ „Зорѣ“ упрекали Манжуру въ незнаніи малорусскаго языка, глубокій лингвистъ и общепризнанный знатокъ малорусскаго языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именно за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ.

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаетъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Лирическія стихотворенія можно распредѣлить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) крестьянски—бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическими стихотвореніями я считаю „Маты“, въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, „Весна“, „Споминъ“, „По весни“, NN (Самъ не знаю), „Мынуле“, „Переспивъ“ (Мени цвила...), въ которыхъ выразились воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости,

первое вступительное стихотвореніе „Не треба мини“, въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи („любовь къ людыни“), и въ особенности „До товарыща“, „Писня“ (въ лычкахъ вьязовыхъ), „Босяцька писня“, „Старый музыка“, „Бурлака“, „Бурлакова могыла“ и „Незвычайный“. Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный“ и „До товарыща“.

Нема сылы, нема воли,
Нема и небуде,
Бо ще змалку повылы
Все чужіи люде.
Не такъ людо въ чужихъ хатахъ,
Якъ ридный той батько;
Нехай ему Богъ прощае,
Мени жъ—а ни гадку.
Тилько инколы въ куточку
Пожурыться стыха,
Та гирькою (не слёзою...)
Зальешъ свое лыхо.
Якъ зальешъ— мовъ позабудешъ,
Пишовъ шкандыбати;
Заразъ люде и видзорять
Та й ну дорикаты.
„Хвылозопію“ видпустять,
„Нравственность“ якусь то..
А бодай имъ божевильнымъ
Симъ разъ на день пусто!
Воны певно, бачъ, обашни!
Имъ про те байдуже,
Що тутъ серце въ грудяхъ плаче
Зникечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно „шкандыбалъ“.

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ василечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхе горе та бидонька
Мовъ гирька та лобидонька
Его змалку проросло.
. . . . . .
. . . . . .
И теперь ось даремнее
Життя наше никчемнее
Соби марно доеклива—
Мовъ огонькъ въ дороженьци
На попасномъ обложенци
Де забутый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполнѣ народными, частью лично-субъективными, вполнѣ оригинальными. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительнаго сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелесть этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи „попасный облогъ“, т. е. поросшія спорынемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссійскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей „забутый огонькъ“. Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественнаго созерцанія природы.

Соціально-экономическія стихотворенія посвящены тому, что составляетъ въ Малороссіи „власть земли"—земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ „хлиборобскихъ" стихотвореніяхъ на первый планъ выступаютъ заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостачъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картинами живительнаго лѣтняго дождя и губительнаго града. Таковы: „Дума", „На степу и у хати", „Зъ заробитковъ", На добрій ниви", „Грядъ". „Сонъ", „Роскишъ-доля". Здѣсь выступаютъ все „темни сиріи люде", для которыхъ хлѣбъ—„святый", которые при хорошемъ урожаѣ говорятъ „гарнее житце, помножъ его Боже". Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ „радіе", когда дождь ороситъ истомленную засухой ниву; съ нимъ „турбуется", когда нива лежитъ „стомлена, спечена, пыломъ прибыта; этимъ доброжелательствомъ внушены два молитвенныхъ стихотворенія „Зъ охрестамы" и „Страсты". Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія На пасици" и „Бжолы". Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всей обстановкой малороссійскаго пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотвореніе баллада „Ренегатъ", затѣмъ „Нечесна", „Веснянка", „Нехай", „Переспивъ", (Зиронька ясна), „Въ раньци"—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описаніе тумана я нахожу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстникѣ 1893 г.) и „Лыліи". А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малоизвѣстной поэзіи И. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошны лыліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
На втыху соби завезлы.
Любуютъ ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ,
На нихъ якъ погляне, нудьга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать.
Оттакъ воны пышни, усякому втишни
Мыръ въ сердце людське подаютъ,
А люде не знаютъ и гадки не мають,
Якъ слезы въ ночи воны лькютъ.
Чого жъ то имъ шкода? Аджежъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ е...
Нелюба имъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ краще у бідній кранини ихъ ридній
За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и вихорь летючый,
Що ихъ опалялы колысь....

Далѣе слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтическаго образа къ дѣвушкѣ, заѣхавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Неначе лыліи мои:
Сдаеться й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясненькый, твій смихъ веселенькый
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ вытають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай бо ни въ року!)
Та й скажешъ: „житія тоби рай“;
А вся жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ „Лиліяхъ“ Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно—и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнанныхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О „байкахъ“ не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большею частью подслушанные у народа. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Мои личныя сношенія съ Манжурой были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по вопросу о редактированіи приготовляемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсенъ. Такъ какъ сборникъ написанъ „кулишевкой“, то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чему его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: „всѣ свои“ позорящія качества“ я отринулъ и исправился; но это „исправленіе“ было непродолжительное, и въ февралѣ 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: „Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.)—можно было бы пріодѣться и устроиться, а то я—

яко благъ, яко нагъ, перебиваюсь по пригороднимъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку".

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой матеріальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгоношествомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки „Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ", а въ 1886 г. передѣлку другой сказки „Лыха годына". Прославъ мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: „Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелыкивъ, я замѣтилъ, что симпатичные разска́зы, напр., Мордовцева „Дзвонарь" и „Салдатка", а также оповиданія Марка Вовчка и другіе подобные—наводятъ на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ разсказы Стороженка и Квитки одушевляютъ слушателей, заставляютъ смѣяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни—она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей".

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспонденціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: „Не везетъ мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту.

Въ послѣдніе годы И. И. помѣстилъ въ Этногр. Обозр. и Кіев. Стар. нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ и продолжалъ свои записи изъ народныхъ устъ.

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ этнографич. записей; я ихъ и не бросаю. Не знаю писалъ ли я Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ,

московскому обществу любителей антропологіи и этнографіи [1]), №№ болѣе полусотни, да и теперь кое-что имѣю.

Кромѣ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ „у въ одно око". Вѣдь это, сколько помнится, приключеніе Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ „у въ одно око",—сандаліи, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и переплю для Общества; можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ „Декамерона" и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ".—Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: „Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ *улешныхъ* пѣсенъ въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоятъ особенно и темъ общепѣсенныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ".

При письмахъ И. П. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографическаго ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задушевности выдается „Велыкдень".

---

[1]) Манжура с стоялъ членомъ этого общества.

На зразокъ зъ Я. Полонського.

Я свитло погасивъ, дримаю въ самотыни,
Ажъ чую въ хату ось поналиталы
Сумни, таемни—жъ мара—нишнеци тини
И въ головахъ у мене поставалы.
И чуты жъ воны таемно ш потилы:
—Хай засне винъ, душею хай скротыться...
—А чи давно его мы счастеви радилы?...
—Нехай же добрый сонъ ему прыснится.
—Бидаха вже заснувъ, глядить якъ винъ кохае...
— То мыла любо думку его буде....
—А завтра винъ цего ничого не згадае,
—А то й зъ проклёномъ згадуваты буде.
—Погляньте якъ пры насъ ви сни винъ молодіе,
Якъ може винъ ще вирыты й любыты,
—А завтра бидный гиршь винъ знову постаріе
—И пиде якъ допрежъ цего терпиты.
—А мы?... Мы ранкомъ подамось укрыти снамы
—Та мріямы людськими всего свиту,
—И счастя мрія те жъ полыне зъ намы,—
—Завьялый квитъ колышнего розцвиту.

На Купала.

На Купала—дивча мало
Виночка зьязаты,
Та не знало одыноке —
Кому его даты.
Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ
Жупанъ голубенькій,
Лычко биле—якъ у пана,
И самъ молоденькій.

Сподохнулось серденятко
Дивоче, якъ пташка;
—Ось для кого мій виночокъ,
—Колы ёго ласка.
Та пройихавъ козакъ поузъ
И окомъ не глянувъ...
А дивча винокъ порвало—
Щобъ марно й не вьянувъ.

Великдень.

Хрыстосъ воскресъ, Хрыстосъ воскресъ!
Лунае въ селахъ и зъ небесъ.
Любують янголськіи очи
На те, якъ рады ціи ночи,
Изъ пиднебеснои имлы
На землю зори мовъ зійшлы...
Бо де не церква—тамъ видъ брамы
Іи святои—якъ зиркамы
По селахъ вкрылысь вулычкы...
Тожъ не зиркы, а свичечкы,
Що люде добри посвятылы
По-надъ паскамы й освятылы
Той божій даръ, та це весели
Несуть до ридноі осели,
Де жде мала ихъ дитвора...
Весела, радистна пора!
Та сердце щось мое бо, друже,
Радіе ій теперъ не дуже...
Не разъ зъ очей слезу змахнешь —
Якъ крадькома хочь позирнешь
На радисть цю людську та втиху...
Оттакъ прыспало его лыхо.

Бурлака.

Та вже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови
Мандривочка пахне.

—

Та теперь вже молоденькій
Коня не сидлае,
А цапыни постолы винъ
На ноги взувае,

—

Замисть списа бере косу,
За шаблю—мантачку;
За кирею жъ одягае
Свитыну бурлацьку.

—

Не пытае у дивчины
Теперъ винъ дороги—
Куды у Крымъ, куды на Динъ,
Куды за пороги,

—

А пытае въ молодои
Нимецькои хаты,
Дебъ то статы—заробыты
Соби хочь на латы.

И. И. Манжура при тяжкой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая онъ могъ сказать словами Мармеладова въ „Преступленіи и Наказаніи“ Достоевскаго: „пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день... и всѣхъ разсудитъ и проститъ“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.[1]

(1813—1862 г.).

ГЛАВА V.

Сборы въ Полтаву. Ночлегъ у дяди. Опошня. Диканька. Шведская могила. Полтава. Первая ночь въ Полтавѣ.

Весь іюль мѣсяцъ прошелъ въ мечтахъ о Полтавѣ. Отецъ мой въ продолженіе этого времени успѣлъ настроить воображеніе мое—и Полтава казалась для меня тогда какимъ-то баснословнымъ городомъ, гдѣ дома въ три и два этажа, высокія церкви, и мало-ли еще какихъ тамъ нѣтъ чудесъ, вовсе непонятныхъ дѣтскому уму? Гимназія часто не давала мнѣ спать; экзаменъ, который я долженъ былъ выдержать, нельзя сказать, чтобы страшилъ, но какъ-то странно волновалъ меня: и во снѣ, и на яву грезились мнѣ важныя и серьезныя лица учителей и директора, котораго я чуть не Тамерланомъ представлялъ себѣ. Я не совсѣмъ былъ твердъ въ ариѳметикѣ, а потому ежедневно выдѣлывалъ на грифельной доскѣ разныя мудреныя задачи, которыя и могли только *влѣзть* въ педантическія головы составителей *практическихъ* задачъ, но въ практической жизни никогда не повторяются. Жалкій педантизмъ! Это хуже и латинскаго языка, и алгебры, которыми такъ безжалостно мучали и мучатъ юношество, препятствуя ему переходить въ высшіе классы и оканчивать воспитаніе въ училищахъ и гимназіяхъ. Время близилось уже къ концу іюля. *Въ одно прекрасное утро*

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 9.

отецъ сказалъ мнѣ, что завтра надобно ѣхать. Меня обнялъ паническій страхъ. Съ этой минуты я уже не выходилъ изъ комнаты—то складывалъ свои вещи и книги въ сундучокъ, то, забравшись въ темный уголокъ, спрягалъ *amo* и *dosco*, то вдругъ задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ находится Рона или Сена, или Дублинъ, или Онтаріо? То требовалъ отъ себя отчета въ Пуническихъ войнахъ или объ Александрѣ Македонскомъ и т. п. Трудно меня было заставить съѣсть что-нибудь. Настало завтра. Все было уложено, лошади запряжены; началось прощаніе; маменька плакала; со всего хутора сбѣжались ребятишки смотрѣть, какъ повезутъ *панича*. Для меня самого было какъ-то странно; въ особенности занимало то, что какъ это я не буду ѣздить по субботамъ домой, какъ бывало изъ Зѣнькова. Но заведенная машина должна же идти—и мы поѣхали. Поѣхали мы не по зѣньковской дорогѣ, а по какой-то другой—вторая для меня странность; какъ это можно куда-нибудь ѣхать не по зѣньковской дорогѣ! Мы ѣхали по куземинской дорогѣ на село Лазьки, въ которомъ жилъ родной братъ моего отца Илья Ивановичъ. На этой дорогѣ есть одна достопримѣчательность: это насыпи на краю дороги въ видѣ треугольниковъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что по этой самой дорогѣ совершала свое путешествіе Екатерина вторая, что въ то время на каждомъ изъ этихъ треугольниковъ стояла будка и въ ней часовой—не знаю, справедливо ли это, но тогда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ рисовался этотъ безпрерывный рядъ будокъ съ стоящими при нихъ часовыми и торжественное шествіе монархини въ странахъ малолюдныхъ, почти пустынныхъ, но тѣмъ не менѣе безпредѣльныхъ, необозримыхъ. Часу въ девятомъ вечера мы спускались съ высокой горы и черезъ пять минутъ были уже въ Лазькахъ. Это ничтожное селеніе, состоящее едва изъ двухъ сотъ душъ, тѣмъ только и примѣчательно, что тамъ жилъ мой дядя, единственный *панъ*, все же прочее народонаселеніе состояло изъ козаковъ. Самое мѣстоположеніе Лазьковъ нисколько не замѣчательно: есть горы и луга, и лѣса, но все это не дѣлаетъ никакого ландшафта, не производитъ никакого эффекта. Дядя встрѣтилъ насъ еще на дворѣ, подѣло-

вался, и мы вошли въ домъ, гдѣ нашли и тетку, почтенную старушку въ черномъ платьѣ и повязанную чернымъ платкомъ. Послѣ обычнаго угощенія чаемъ, по случаю поздняго времени ночи вслѣдъ подали и ужинъ—ужинъ въ полномъ смыслѣ малороссійскій: яйца всмятку, борщъ со сметаной, соусъ изъ картофелей, жареные цыплята и вареники—запивали все это разными наливками: вишневками, сливянками, терновками. За ужиномъ отецъ и дядя бесѣдовали о хозяйствѣ; изъ этой бесѣды въ памяти моей удержались слѣдующія обстоятельства: отецъ увѣрялъ дядю, что онъ изъ своего маленькаго хуторка можетъ получить двѣ тысячи годоваго дохода, кромѣ того, что самъ жилъ; дядя не соглашался съ этимъ и приписывалъ нѣкоторой хвастливости—теперь я понимаю, что отецъ мой былъ правъ и получалъ едва ли не болѣе двухъ тысячъ. Умнѣе его хозяина и представить трудно: онъ вставалъ всегда вмѣстѣ съ солнцемъ, смотрѣлъ за всѣмъ самъ, имѣлъ винокурню, лошадиный заводъ, пасѣку, а хлѣба и сѣна бывало такъ много, что хуторъ нашъ называли тогда новымъ Египтомъ. Рѣшено было ѣхать въ Полтаву на другой день; дядя также ѣхалъ и везъ двухъ своихъ сыновей-близнецовъ Николая и Савву, которые учились дома у священника и теперь, окончивши курсъ воспитанія, должны были опредѣлиться на службу въ казенную палату. Такимъ образомъ интересы отца и дяди соединились, и мы съ помощію Божіею въ двухъ бричкахъ выѣхали часу въ одиннадцатомъ утра. Первое селеніе, попавшееся намъ на дорогѣ, было Опошня—это родъ города, имѣетъ семь или восемь церквей. Кучеру велѣно было ѣхать въ особенную улицу въ сторонѣ; здѣсь возлѣ небольшаго домика мы остановились, и отецъ объяснилъ мнѣ, что здѣсь онъ родился, что это домъ уже не тотъ и не на томъ мѣстѣ и т. п.

Я съ какимъ-то благоговѣніемъ выслушалъ повѣсть давно минувшихъ дней и сохранилъ ее въ памяти своей такъ живо, что и теперь могу представить себѣ и этотъ экипажъ, остановившійся близъ незнакомаго дома, и отца съ воодушевленіемъ разсказывающаго, и кучера, сидящаго на козлахъ, и лошадей,

отъ усталости понурившихъ головы, и будто теперь слышу голосъ дяди: „Лука Ивановичъ! Пора ѣхать—опоздаемъ!“

Изъ Опошни мы выѣхали на большую дорогу и черезъ часъ не болѣе были уже въ другомъ мѣстечкѣ—Будищахъ, отстоящемъ отъ перваго верстъ на шесть. Будища такъ непримѣчательны, что и говорить объ нихъ нечего. Но зато, проѣхавши верстъ шесть, я былъ пріятно изумленъ новымъ для меня видомъ тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ возлѣ лѣса. Ворота эти ведутъ чрезъ лѣсную дорогу къ церкви съ чудотворною иконою угодника Николая и потомъ въ большое селеніе Диканьку князя Кочубея. Здѣсь отецъ мой разсказалъ мнѣ трогательную исторію страдальца Кочубея—предка нынѣ знаменитыхъ князей Кочубеевъ: въ краткомъ, простомъ, но живомъ повѣствованіи отца моего, я познакомился тогда съ исторіей своего края и ему, быть можетъ, обязанъ тою любовію и ревностію, съ которыми я впослѣдствіи занимался всѣмъ тѣмъ, что только относится къ родной и прекрасной Украйнѣ нашей. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы видѣли побоище Русскихъ со Шведами, которое и донынѣ называется Побиванкой на тамошнемъ народномъ языкѣ. Здѣсь также пересказана мнѣ была новая историческая драма, разыгранная Русскими и Шведами въ виду небольшого, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшагося знаменитымъ, города Полтавы.

— А вотъ скоро доѣдемъ и до шведской могилы, сказалъ мнѣ отецъ.

— И посмотримъ на нее, неправда-ли, папенька?

— Да, посмотримъ, непремѣнно.

Между нами водворилось молчаніе. Вся душа моя была наполнена ожиданіемъ зрѣлища Шведской Могилы. Наконецъ, отецъ указалъ мнѣ рисующійся вдали холмъ—это была знаменитая могила! Тамъ погребены знаменитые воины, павшіе со славою на полѣ битвы. Могила эта находилась отъ столбовой дороги не болѣе въ сторону, какъ на версту, и мы, не смотря на позднее время, рѣшились посмотрѣть ее вблизи. Я, видѣвшій до того времени только обыкновенныя могилы на кладби-

щахъ, изумился, увидя передъ собою огромный холмъ, и изъявилъ свое объ этомъ изумленіе.

— Что-жъ мудреннаго, сказалъ мнѣ отецъ, вѣдь тамъ погребено нѣсколько тысячъ.

— Нѣсколько тысячъ? воскликнулъ я.

— Да, нѣсколько тысячъ.

Я задумался. До того времени я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы можно было убить нѣсколько тысячъ: война представилась мнѣ по этому случаю въ самомъ отвратительномъ видѣ. Хотя я во время пребыванія моего въ зѣньковскомъ повѣтовомъ училищѣ и училъ о разныхъ войнахъ и Пуническихъ, и Пелопонезскихъ, и объ Александрѣ Македонскомъ, но признаюсь откровенно, что мнѣ тогда ни разу не приходило въ голову, чтобы на войнахъ этихъ убивали людей—въ первый разъ я узналъ объ этомъ на Шведской могилѣ! Полтава была у насъ, какъ на ладони, не смотря на то, что осталось еще проѣхать верстъ семь.

Чудный, лѣтній вечеръ, со всею прелестью тишины, прохлады и благоуханія—вечеръ, который и можно найти только въ нашей благословенной Украйнѣ, обнялъ насъ, очаровалъ такъ, что, не смотря на темноту, мы ѣхали шагомъ, какъ будто намъ некуда и незачѣмъ было спѣшить,—даже я, при всемъ своемъ безпокойствѣ о предстоящемъ экзаменѣ, забылся на нѣсколько минутъ,—и въ то время, когда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ проносились недавно напечатлѣнные образы давно минувшихъ событій: и окровавленная голова страдальца Кочубея, и грозный таинственный ликъ Мазепы, и Карлъ XII на носилкахъ, и гигантъ Петръ Великій съ простръленной шляпой, и страшное покрытое тѣлами полтавское поле,—въ это же самое время предъ глазами моими развертывалась картина совсѣмъ другого рода: безпредѣльная даль направо, обозы чумаковъ, идущіе изъ Ромна въ Харьковъ, почтальонъ, скачущій во весь духъ со своимъ многозначительнымъ чемоданчикомъ, пыль столбомъ, богатыя жатвою нивы, копны хлѣба въ стройныхъ рядахъ, волнующееся море цвѣтущей и благоухающей гречихи; а налѣво другая картина: Полтава, погруженная во мракѣ пыли, мону-

ментъ съ своимъ двуглавымъ орломъ, монастырская колокольня, сады и рощи! Чудная, прекрасная природа! Я никогда не забуду тебя!.... Если я, увлеченный суетой и треволненіями міра, и живу вдали отъ тебя, и не вдыхаю твоего благовоннаго, здороваго воздуха, и не любуюсь твоими очаровательными пейзажами,—то прости меня! Прости меня! И если я, испытавши всѣ страданія жизни, возвращусь когда-либо въ твои родныя объятія,—пріими меня съ радостію, какъ ветхозавѣтный отецъ принялъ блуднаго сына, и прикажи уготовать тельца; ибо, вѣрю, я приду къ тебѣ голодный и въ рубищѣ . . . . . Жестокій свѣтъ, для котораго я служилъ всѣми силами души своей, отказалъ мнѣ въ своихъ благахъ, которыя я такъ поздно научился *и цѣнить, и презирать* въ одно время!

И вотъ мы, наконецъ, въ Полтавѣ! Вотъ дивная, круглая площадь, застроенная казенными зданіями, площадь, которая могла бы сдѣлать честь и любой столицѣ. Посмотрите: вотъ дворецъ князя Репнина, вотъ гимназія, уѣздное училище, присутственныя мѣста, домъ дворянскаго собранія, домъ губернатора, (а нынѣшнее время и кадетскій корпусъ)—въ серединѣ этого чуднаго круга монументъ Петра Великаго—и все это, наконецъ, тонетъ въ свѣжей зелени садовъ и цвѣтовъ . . . Далѣе этого, впрочемъ, Полтава мало примѣчательна. Если важность городовъ мѣрять величиной и красотой домовъ, и, если вы не хотите разочароваться въ этомъ отношеніи, то возвратитесь назадъ, отдохнувши на пьедесталѣ монумента! Но кто любитъ не одни высокіе и красивые дома, тотъ можетъ посмотрѣть въ Полтавѣ слѣдующее: церковь Спаса, мѣсто домика Петра перваго, гдѣ стоитъ теперь небольшой памятникъ, городской садъ, бульвары и, наконецъ, пусть взойдетъ на возвышенность близъ собора, станетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домикъ Ив. П. Котляревскаго, и посмотритъ вдаль—картина очаровательная для любителей природы! Мы не принадлежали тогда ни къ той, ни къ другой категоріи путешественниковъ, пріѣхали въ Полтаву по дѣламъ, смотрѣли на все мимоѣздомъ, взошли на монументъ; папенька раскланялся съ какимъ-то чиновникомъ—и потомъ по разнымъ проулкамъ отправились мы отыскивать домъ губернскаго архитек-

тора Антона Ивановича Кардашевскаго, дальняго нашего родственника, у котораго намѣрены были ночевать. Было уже очень поздно—часовъ 10 вечера. Антонъ Ивановичъ, который велъ жизнь весьма регулярную, т. е. занимался, ѣлъ, спалъ и гулялъ по часамъ, собирался уже почивать, какъ вдругъ мы нахлынули къ нему цѣлымъ обозомъ. Надобно замѣтить, что Ант. Ивановичъ находился по своей должности въ Полтавѣ, жилъ одинокимъ,—жена же его и дѣти находились въ деревнѣ; вся прислуга его состояла изъ одной только старой кухарки, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и камердинеромъ.—Можете представить себѣ, какую мы ему задали задачу своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ—надобно было ставить самоваръ, варить ужинъ, стлать постели и т. п. Вся эта церемонія продолжалась часу до второго ночи. Я, съ непривычки проѣхавши верстъ пятьдесятъ, усталъ чрезвычайно и потому, напившись чаю, преспокойно удалился въ другую комнату и тамъ заснулъ *сномъ невинности*, между тѣмъ какъ три старика, невидавшіеся, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, разговаривали въ ожиданіи *скоропостижнаго ужина*, какъ называлъ его шутя дядя мой Илья Ивановичъ. Надобно замѣтить, что я заснулъ прямо на стулѣ, сидя.—Когда поспѣлъ ужинъ, меня хотѣли разбудить, но это не такъ-то легко было сдѣлать, и потому меня оставили въ покоѣ.

На другой день я проснулся довольно рано, и такъ какъ въ чужомъ домѣ не рѣшался встать съ постели, не слыша никакого движенія и не зная ни входовъ, ни выходовъ, то отъ нечего дѣлать принялся повторять въ умѣ разные предполагаемые вопросы къ будущему экзамену. Между тѣмъ въ домѣ начали пробуждаться—чрезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ папенька. „Пора вставать—сказалъ онъ—одѣвайтесь поскорѣе, пойдемъ къ директору, уже девятый часъ“.—Я былъ ни живъ, ни мертвъ, однако-жъ повиновался какъ-то машинально—и какъ меня застали врасплохъ на неконченномъ вопросѣ, то я смѣшался и рѣшительно забылъ, что относится къ Тарквинію Древнему, а что къ Тарквинію Гордому и кто изъ нихъ царствовалъ прежде.

ГЛАВА VI.

Представленіе директору. Гимназія. Экзаменъ. Молодой учитель. Я принятъ. Начало Гимназическаго курса. Новая метода ученія.

Въ то время еще въ Полтавѣ не было биржевыхъ лошадей, а потому велѣно было нашему кучеру запрягать и черезъ полчаса времени тройка деревенскихъ лошадей легонько покатила бричку нашу, похожую на ту, въ которой ѣздила Мадамъ Коробочка (въ Мертвыхъ Душахъ—Гоголя) подъ крыльцо директорскаго дома.—Надобно замѣтить, что возница нашъ вовсе не имѣлъ кучерской шляпы, а надѣвалъ ту-же самую баранью шапку, въ которой въ другое время отправлялся на деревенскія работы. Мы вошли въ переднюю. Лакей тотчасъ отправился доложить, что пріѣхалъ помѣщикъ съ дѣтьми: насъ попросили въ гостинную—черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Г.—директоръ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, который въ это время былъ коллежскимъ совѣтникомъ. Важная осанка человѣка, орденъ, висѣвшій въ петлицѣ, привѣтливость, съ которой онъ обратился къ моему отцу, а потомъ и къ намъ—тотчасъ расположили меня къ нему. Онъ принялъ прошеніе и аттестатъ мой, прочиталъ то и другое, замѣтилъ, что аттестатъ у меня превосходный, намекнулъ, что Зѣньковское Повѣтовое Училище *имѣется на отличномъ счету*, чѣмъ обязано оно въ особенности г. смотрителю, очень хорошо ему извѣстному, благодарилъ отца, что онъ старается доставить сыну своему (т. е. мнѣ) приличное дворянину воспитаніе, и, наконецъ, просилъ пожаловать въ гимназію часовъ въ 11-ть, гдѣ будетъ производиться экзаменъ. „Что же касается другаго сына вашего“, сказалъ онъ, то обратитесь къ здѣшнему штатному смотрителю Зозулину—это вы можете сдѣлать и завтра“. Такимъ образомъ и я, и отецъ мой разстались съ нимъ въ восторгѣ. Страхъ мой совершенно исчезъ, и я даже съ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени—одиннадцати часовъ, чтобы выказать познанія свои передъ лицемъ гимназическаго ареопага: я

по какому-то дѣтскому инстинкту предчувствовалъ, что гдѣ такой благородный начальникъ, какъ Иванъ Дмитріевичъ Огневъ, тамъ и подчиненные должны быть столько же благородны. Я и не ошибся въ этомъ. Когда въ концѣ одиннадцатаго часа мы пріѣхали въ гимназію, то нашли уже тамъ директора и всѣхъ учителей; два--три родителя также съ дѣтьми ожидали начала испытанія.

Въ сосѣдней затворенной комнатѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Солдатъ тотчасъ же отправился на зовъ и черезъ минуту явился къ намъ съ словомъ: „пожалуйте"! Мы вошли. „Вотъ вашъ сынъ, кажется, изъ зѣньковскаго повѣтоваго училища и, сверхъ того, имѣетъ отличный аттестатъ—мы его за это прежде всѣхъ и проэкзаменуемъ"—сказалъ директоръ, обратившись къ моему отцу, и я былъ подозванъ къ столу. Не стану во всей подробности описывать моего испытанія, скажу только, что я попеременно переходилъ изъ рукъ въ руки: вопросы изъ катихизиса, исторіи, географіи, латинскаго и нѣмецкаго языковъ сыпались на меня,--я отдѣлывался, должно быть, порядочно, потому что меня хвалили. По окончаніи этого устнаго испытанія, меня подозвали къ доскѣ и задали задачу на правило смѣшенія. Я приступилъ къ рѣшенію, и сколько ни бился, никакъ не могъ кончить: замѣтивши мое несчастіе, Директоръ обратился къ учителю и сказалъ ему: „Филипъ Ивановичъ, (Ефремовъ) дайте ему что нибудь другое: это правило смѣшенія такъ немудрено, что онъ смѣшался". Мнѣ задали сокращеніе дробей, въ которомъ и числитель и знаменатель были чуть ли не милліоны—я принялся за дѣло, ошибался въ сократительныхъ знакахъ, стиралъ безпрестанно и, наконецъ, добился: задача была рѣшена окончательно, и я былъ аттестованъ. Мнѣ оставался одинъ только русскій языкъ—этого то предмета я не боялся, потому что и граматику зналъ напролетъ, и писалъ довольно правильно, а читалъ очень бойко и, что всего удивительнѣе, съ едва малороссійскимъ произношеніемъ: этому я былъ обязанъ трехлѣтнему пребыванію въ домѣ Кричевскаго, гдѣ говорили довольно порядочно по--русски.

Меня подозвалъ учитель, котораго я до того времени не замѣтилъ въ числѣ прочихъ, да если-бы и замѣтилъ, то рѣши-

тельно не счелъ его за наставника—такъ онъ былъ молодъ и хорошъ собою! Это былъ Иванъ Гр. Бутковъ, отличавшійся необыкновеннымъ искусствомъ читать и сверхъ того извѣстный, какъ отличный актеръ, разыгрывавшій женскія роли на домашнемъ театрѣ Харьковского Университета во время своего тамъ пребыванія. Съ первыхъ вопросовъ этого вопрошателя, я тотчасъ понялъ всю бездну разстоянія между тѣми познаніями, которыя я имѣлъ и тѣми, какихъ отъ меня требовали. Но когда онъ заставилъ меня что-то прочитать, и я началъ такъ, какъ меня учили, то онъ, прослушавши меня минутъ пять, взялъ отъ меня книгу и, сказавши мнѣ, что я читаю очень плохо, началъ читать самъ: здѣсь то я уже совершенно потерялся; мнѣ стало стыдно самого себя и я чуть не заплакалъ—мнѣ даже представилось, что меня не примутъ въ гимназію, потому что я не умѣю читать. „Впрочемъ, онъ знаетъ грамматику, дѣлаетъ разборъ порядочно, пишетъ сносно", сказалъ учитель директору—„что-же касается чтенія, то это можно исправить въ одинъ годъ; надобно только читать тебѣ побольше и притомъ въ слухъ—это чрезвычайно образуетъ произношеніе и развиваетъ языкъ; у насъ книгъ много—есть что читать—была бы охота". Съ этими словами онъ взялъ меня за руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ я увидѣлъ около десятка шкафовъ сверху до низу набитыхъ книгами. Я остолбенѣлъ при этомъ невиданномъ до того времени мною зрѣлищѣ, какъ остолбенѣлъ Ломоносовъ въ Москвѣ, когда случайно попалъ въ книжную лавку. Замѣтивши мое изумленіе, учитель сказалъ: „я самъ буду назначать книги, которыя ты долженъ читать; когда ты попросишь меня—я не откажу". Я былъ въ восторгѣ и, какъ только могъ, выразилъ ему свою благодарность. Мы опять вошли въ экзаменаціонную комнату. Директоръ, обратившись къ моему отцу, сказалъ, что *я принятъ*. Папенька благодарилъ его и всѣхъ учителей за вниманіе, и мы отправились домой. Боже мой! чѣмъ наполнена была тогда душа моя! это былъ счастливѣйшій день моей жизни! я гимназистъ! черезъ четыре года буду студентомъ! Въ это время я не боялся учителей, не страшился трудности предметовъ, даже самая математика не пугала меня. Учитель

словесности не выходилъ изъ памяти моей,—мнѣ непремѣнно хотѣлось научиться читать такъ, какъ онъ читаетъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала ученія. Папенька мой не менѣе былъ радъ.

Послѣ обѣда мы отправились отыскивать квартиру; нашли свободныя комнаты въ домѣ какого-то отставнаго воина Говорухина, наняли двѣ комнаты за 120 рублей ассигнаціями на годъ. При насъ остались кухарка отъ дяди Ильи Ивановича и нашъ мальчикъ. Мы должны были имѣть свой столъ, а для доставленія намъ чаю нанятъ былъ сбитеньщикъ. На другой день былъ опредѣленъ въ Пов. Полтавское Училище и меньшой братъ мой Андрей, а двоюродные братья мои, Николай и Савва Ильичи, поступили на службу въ Полтавскую Казенную Палату. Отцы наши уѣхали. Папенька, отъѣжая, далъ мнѣ рубля три на собственные безотчетные расходы и 15 рублей на книги. Мы остались одни въ домѣ Говорухина. Нѣсколько дней еще не начиналось ученіе, а потому это время посвящено было для того, чтобы ознакомиться съ новымъ для насъ городомъ. Двоюродные братья наши Николай и Савва Ильичи, какъ люди уже болѣе насъ взрослые и опытные, были въ этомъ случаѣ для насъ менторами. Въ три или четыре дня мы осмотрѣли все, что могло показаться для насъ занимательнымъ, и растратили всю свою казну, ибо дѣтскому характеру моему Полтава представила бездну разнаго рода соблазновъ: превосходные арбузы и дыни, горы яблокъ и грушъ, бакалейныя лавки, нѣсколько разъ заманившія насъ *въ прохладную сѣнь свою*; евреи со своими заманчивыми вещами и, наконецъ, къ довершенію разоренія кармана моего—трупа вольтижоровъ и слонъ, отправлявшіеся въ Харьковъ на Успенскую ярмарку и на нѣсколько дней остановившіеся въ Полтавѣ..... Мнѣ чрезвычайно хотѣлось насладиться всѣми этими приманчивыми наслажденіями и потому, вовсе не разсчитывая средствъ, рѣшилъ въ умѣ своемъ покушать всего и посмотрѣть все. Казна моя истощилась до того, что когда надобно было идти посмотрѣть на слона, то я къ ужасу моему замѣтилъ въ карманѣ моемъ только всего 50 коп., а нужно было за себя и за брата заплатить семьдесятъ коп,

Кредита въ Полтавѣ я еще не имѣлъ, а желаніе видѣть чудное животное, которое, какъ гласила афиша, будетъ раскупоривать бутылки, подымать съ земли мелкія монеты и тому подобныя дива—было непреоборимо: надобно было непремѣнно достать двадцать копѣекъ мѣдью. Въ этомъ страшномъ бореніи, я рѣшился наложить святотатственную руку на деньги, оставленныя для книгъ—и въ тишинѣ, тайкомъ вынулъ изъ пятнадцати рублей книжныхъ денегъ двадцать копѣекъ на слона.

Положеніе мое было ужасно: мнѣ все казалось, что я не буду уже имѣть ни одной книги, и Богъ знаетъ, чтобы со мною было, если бы двоюродные братья, которымъ я сознался въ своемъ проступкѣ, не утѣшили меня и не вывели изъ затруднительнаго положенія. Они мнѣ сказали, что вѣдь это пятнадцать рублей даны намъ на новыя книги, которыя продаются въ гимназіи, а купить на рукахъ у учениковъ можно гораздо дешевле, такъ что еще и останется. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ этого открытія; тотчасъ-же занялся пріисканіемъ книгъ по реестру и къ полному удовольствію моему имѣлъ уже у себя все, что было нужно: курсъ математики Фусса, всеобщую исторію Есикорскаго, Россійскую исторію (не знаю чьего сочиненія, но твердо знаю, что она начиналась словами: часть Сарматіи и большая часть Скитіи), какой-то катихизисъ и десть бумаги въ придачу. Всѣ эти книги вовсе не были такъ стары, чтобы не годились къ употребленію—и я кромѣ того, выигралъ два рубля сорокъ копѣекъ, кромѣ истраченныхъ на слона двадцати копѣекъ.

Какъ видите, я отдѣлался благополучно изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и притомъ имѣлъ свой собственный благопріобрѣтенный значительный капиталъ. Между тѣмъ въ гимназіи въ восемь часовъ пробилъ торжественно колокольчикъ. При этихъ новыхъ для меня звукахъ (въ Зѣньковскомъ училищѣ не было колокольчика) душа замерла, сердце стиснулось, я схватилъ въ охапку всѣ книги и опрометью бросился въ гимназію. Тамъ уже было довольно учениковъ и я тотчасъ къ нимъ присоединился. Черезъ нѣсколько минутъ явился директоръ, прочиталъ намъ наставленіе, какъ вести себя и какъ

учиться, и съ тѣмъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ учитель латинскаго языка Сорочинскій и началъ знакомиться съ новыми учениками. Насъ было человѣкъ сорокъ. Мы читали, склоняли, спрягали, писали и т. п. Нѣкоторые ровно ничего не знали, другіе трусили, я въ числѣ нѣкоторыхъ бойко склонялъ и спрягалъ и, когда учитель, переспросивши меня многое, приказалъ мнѣ *проговорить* исключенія третьяго склоненія, и я *безъ запинки* разрѣшилъ этотъ трудный вопросъ, то онъ похвалилъ меня и тутъ же началъ назначать *авдиторовъ*.... Я былъ изъ первыхъ. Слово авдиторъ было для меня новое; въ Повѣтовмъ училищѣ называютъ ихъ просто слушателями. Въ послѣдствіи я понялъ все безпредѣльное разстояніе между авдиторомъ и слушателемъ. Это небо и земля, алмазъ и стекло, или всего лучше, между авдиторомъ и слушателемъ такое различіе, какъ между дежурнымъ и дневальнымъ въ Губернскомъ Правленіи—хотя, какъ видите вся разница въ языкѣ: то полатыни и по-французски, а это по русски. Съ какихъ поръ это уже ведется.... Когда окончилась латинская лекція, къ намъ черезъ полчаса вышелъ нѣмецъ. Одинъ видъ этого человѣка, высокаго, сѣдаго, съ огромною камышевою тростью, въ синемъ съ форменными пуговицами сюртукѣ, почти вовсе не понимавшаго по русски, привелъ меня въ ужасъ. Мнѣ послѣ говорили, что я былъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ началъ заставлять читать по нѣмецки и т. п. Дошла очередь и до меня. Разумѣется, что я былъ не большой нѣмецъ, да притомъ еще и струсилъ, и потому читалъ такъ, что онъ ударилъ тростью учительскою о столъ; гулъ и трескъ раздался по всему классу, а на крикъ вышелъ какой-то другой учитель изъ класса, подозвалъ нѣмца къ дверямъ, что-то сказалъ ему.... Это, вѣроятно, былъ мой ангелъ хранитель, потому что крикъ, брань, удары тростью прекратились и только развѣ по временамъ слышались слова: болванъ, свина, говядинъ, мюзикъ, мой тебя будетъ пить и т. п. Когда всѣ были переспрошены и ни одинъ изъ сорока не удовлетворилъ ужаснаго нѣмца, онъ началъ диктовать урокъ.... Представте себѣ урокъ на нѣмецкомъ языкѣ для дѣтей, которыя, какъ онъ самъ видѣлъ, даже читать не умѣютъ по-нѣ-

мецки. Къ счастію нашему, онъ заставилъ писать одного на доскѣ, а потому мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ могли копировать. На слѣдующій классъ нужно было это *вызубрить*, не понимая ни одного слова!—Боже мой! какая египетская работа!.... Но это было еще въ 1825-мъ году—не то же ли самое происходитъ и теперь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ чрезъ двадцать два года?—Бѣдныя дѣти! Жалкое воспитаніе! зато учатъ природные нѣмцы и французы.—Русскій не можетъ!....

ГЛАВА VII.

Продолженіе гимназическаго курса. Подвиги наши на квартирѣ. Характеристика нѣкоторыхъ учителей.

Трудолюбіе и прилежаніе, которыми я отличался тогда въ гимназіи, тотчасъ обратили на меня вниманіе учителей, не смотря, впрочемъ, на то, что способъ преподаванія, за исключеніемъ русскаго языка, вовсе не былъ таковъ, чтобы можно было самому дѣловому ученику пріобрѣсть что нибудъ на свою пользу. Учитель русскаго языка преподавалъ въ то время логику.

Не смотря на всѣ усилія его передать намъ эту скучную науку, не смотря на всю ретивость мою пощеголять передъ прочими товарищами своими знаніями, я всё-таки ровно ничего не зналъ и все дѣло ограничивалось только однимъ исправнымъ вызубриваніемъ, которое, какъ извѣстно, ни къ чему не ведетъ. Я былъ назначенъ авдиторомъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ математики и нѣмецкаго языка; даже учитель французскаго языка замѣтилъ меня, и хотя я читалъ весьма плохо, но за то спрягалъ бойко всякіе глаголы..... Учитель французскаго языка, не знаю уже для чего и съ какими цѣлями, приказывалъ намъ приходитъ къ нему на домъ и тамъ мы переводили съ нимъ Телемака, а очень часто вовсе ничего не дѣлали, гуляли въ саду и болтали вздоръ на языкѣ, который былъ смѣсью русскаго, французскаго и малороссійскаго языковъ.

Между тѣмъ какъ первые два года моего гимназическаго курса незамѣтно уходили, мы перемѣнили квартиру и уже на-

ходились въ домѣ какого-то столяра Семена, который имѣлъ человѣкъ пять рабочихъ. Среди этихъ работниковъ намъ особенно понравился одинъ молодой парень лѣтъ семнадцати, Григорій, и мы съ нимъ свели дружбу—для совмѣстныхъ шалостей и дурачествъ, какъ для препровожденія времени, такъ равно и для того, чтобы распекать нашего хозяина, который почти каждый день бывалъ пьянъ и допекалъ намъ немилосердно. Согласившись между собою всѣ, т. е. двоюродные братья мои, я, братъ Андрей и Григорій, мы рѣшились напугать нашего Семена чертями и устроили это такъ: когда всѣ легли спать, и свѣчи были затушены, мы растворили окно, вылѣзли въ него потихоньку и возлѣ дверей сложили все, что попалось подъ руки: мебель, ящики со стеклами и т. п. Между тѣмъ начали въ комнатѣ потихоньку стучать.....

Услышавши стукъ въ такое необыкновенное время, хозяйка разбудила мужа, зажгли свѣчу и рѣшили отправиться на чердакъ—тамъ разумѣется не нашли ничего; тогда Григорій застучалъ со всею силою въ двери съ наружной стороны—рѣшили отворить двери и что-же? Весь громоздъ нашъ обрушился, и перепуганные хозяева наши готовы были божиться, что подобную штуку могли состроить только черти, ибо ворота были накрѣпко заперты, а мы всѣ притворились спящими, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Это дѣлали мы нѣсколько разъ.

Это было осенью, грязь была невылазная, а потому, по обычаю того времени, насъ распустили пока замерзнетъ и можно будетъ, не теряя сапогъ, ходить въ гимназію. Часто случалось, что подобные экстраординарные каникулы продолжались по пяти и по шести недѣль. Намъ было раздолье! Все это время нельзя же было безпрестанно пугать хозяина чертями; надобно было придумать и другое развлеченіе. Я былъ страстный охотникъ читать, но доставать книги было очень затруднительно. Бывши еще во второмъ классѣ, я перечиталъ все, что учитель нашелъ приличнымъ дать мнѣ. Это были: образцовыя сочиненія, (родъ хрестоматіи въ 12 частяхъ съ портретами нѣкоторыхъ авторовъ) исторію Карамзина, разныя путешествія, даже

„Россіяду“ и „Владиміра“ Хераскова, и трагедіи Озерова. Романовъ учитель не позволялъ мнѣ читать, но я презиралъ это, даже смѣялся надъ нимъ, что онъ считаетъ меня такимъ дитятею, что будто бы ужъ я не могу понимать Радклифъ, Жанлисъ и т. п. и, если только представлялся случай, я съ жадностью перечитывалъ по два и по три раза романы несравненной Радклифъ: Полный колоколъ, Развалины стараго замка и т. п. прелести. Часто случалось, что я по цѣлому роману прочитывалъ въ одинъ присѣстъ. Гдѣ же можно было набрать столько книгъ, чтобы занять все праздное время во время грязи? А потому мы придумали другое занятіе—карты. Къ счастію у насъ рѣдко случались деньги и то въ незначительномъ количествѣ,—вѣроятно я съ младенчества, можно сказать, сдѣлался бы картежникомъ.— При такихъ-то обстоятельствахъ мы играли по-шести и семи часовъ въ своего козыря, въ короля, мельника и иногда въ джгута. Эта послѣдняя игра мнѣ не очень нравилась, ибо больно было, когда бьютъ джгутомъ проигравшаго. Къ чести моей надобно замѣтить, что если случалась книга, то я уже отказывался отъ игры, читалъ, а если это были стихи, то выписывалъ изъ нея, что мнѣ нравилось: надъ этимъ иногда и подсмѣивались.

Но всего замѣчательнѣе была наша хозяйственная часть. Насъ было четыре, при насъ лакей и кухарка, а потому столъ былъ свой: для этого стола провизія доставлялась изъ дому— отъ отца и дяди. Само собою разумѣется, что всего изъ деревни за 75-ть или 50-тъ верстъ въ Полтаву доставить было невозможно (хотя, впрочемъ, и случалось изрѣдка, что отъ дяди привозили намъ свѣжее молоко въ особенной баклагѣ), а потому нужно намъ было имѣть сношеніе съ базаромъ. Кухарка наша была такого рода женщина, которая, безъ преувеличенія говоря, не умѣла отличить Павловскаго гроша отъ тогдашнихъ новыхъ пятаковъ, лакей у насъ былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, также ничего не понимающій по финансовой части, а потому мы находились въ страшной необходимости сами ходить на базаръ и въ рѣзницы для покупки необходимаго для обѣда. Для этого у насъ назначено было дежурство, и каждому изъ насъ приходилось

исправлять должность метръ-д'отеля черезъ четыре дня: это нѣкоторымъ образомъ облегчало насъ. Дежурство наше было такъ строго, что мы не должны были бояться никакой грязи, никакого холоду и никакія занятія не могли помѣшать идти на базаръ—иначе надо было оставаться безъ обѣда и ужина. Въ особенности было занимательно путешестіе брата Андрея по базарамъ: ему въ это время было лѣтъ восемь. Можно судить, что ему доставалось во время грязи и морозовъ! Изъ купленныхъ матеріаловъ наша кухмистерша приготовляла обѣдъ, состоящій по большей части изъ двухъ блюдъ—борща или супу и жаркого, рѣдко съ прибавленіемъ каши: по праздникамъ появлялись на нашемъ столѣ пироги или вареники. Часто случалось, что мы, проголодавшись на порядкахъ, поѣдали за обѣдомъ все, а потому ужинать надобно было вновь готовить: разумѣется, въ такомъ случаѣ и думать было невозможно о борщѣ или супѣ, а тѣмъ болѣе о жаркомъ, а потому мы безъ дальнихъ церемоній готовили себѣ кулиши или галушки съ саломъ.—Часто случалось, что этотъ незатѣйливый ужинъ готовился въ нашей комнатѣ—въ это время мы уже нарочно откладывали топить печку къ вечеру. Чаю все-таки мы не имѣли, а вмѣсто этого напитка бородатый сбитеньщикъ приносилъ намъ сбитень: по утрамъ мы имѣли право выпивать восьмикопѣечные стаканы, по вечерамъ только двугрошевые. Жизнь наша протекала такимъ образомъ мирно и тихо безъ малѣйшаго притязанія на что либо лучшее: мы были здоровы, довольны, веселы, можно сказать счастливы. Все шло своимъ порядкомъ. Когда нужно было ходить въ гимназію я х одилъ и всегда съ удовольствіемъ, зналъ уроки всегда найлучшимъ образомъ и при переходѣ изъ перваго класса во второй получилъ въ награду книгу—это очень обрадовало моего отца. Во второмъ классѣ я учился такъ хорошо, что когда отецъ, по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ однажды въ Полтаву и былъ въ Губернскомъ Правленіи, то одинъ изъ чиновниковъ, котораго сынъ былъ въ одномъ классѣ со мною, спросилъ у моего отца: не сынъ ли это вашъ, который превосходно учится во второмъ классѣ гимназіи? Обрадованный отецъ мой отвѣчалъ утверди-

тельно и, возвратившись въ квартиру нашу, былъ вътакомъ восторгѣ, что тотчасъ позволилъ намъ идти смотрѣть вольтижеровъ, которые въ это время были въ Полтавѣ.

Пріѣздъ моего отца былъ всегда для всѣхъ насъ истиннымъ праздникомъ: онъ былъ человѣкъ деликатный и любилъ насъ такъ нѣжно, что слезы и теперь, когда я пишу эти строки, заволокли глаза мои: это была олицетворенія добродѣтель и умъ. Я отъ природы вовсе не охотникъ плакать, но когда онъ выѣзжалъ изъ Полтавы, одинъ только стыдъ показаться плаксою удерживалъ меня отъ слезъ—за то я въ ту-же минуту, когда исчезалъ изъ глазъ моихъ экипажъ его, убѣгалъ въ какой нибудь отдаленный уголъ и плакалъ горько и долго! Онъ, вѣроятно, зналъ или предугадывалъ это, потому что каждый разъ, оставляя намъ деньги для обыкновенныхъ столовыхъ расходовъ, онъ вручалъ мнѣ особо завернутыя въ бумажку деньги: „это для тебя и Андрюши"—говорилъ онъ—„только конфектъ и пряниковъ пожалуйста не кушайте, въ особенности на тощій желудокъ—это вредно!" Я разворачивалъ эту бумажку тогда уже, когда онъ уѣзжалъ, и всегда почти находилъ не менѣе пяти рублей разною мелочью. Конфектъ и пряниковъ мы не покупали, но деньги въ два-три дня растрачивали до копѣйки.

Какъ я ни былъ малъ и неопытенъ, но мнѣ все казалось, что ученіе мое идетъ все какъ-то не ладно. Привыкши въ домѣ перваго моего воспитателя Кричевскаго къ правильному образу жизни и нѣкоторой свѣтскости, а въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ Училищѣ къ строгому и отчетливому ученію, я смотрѣлъ на Полтавскую Гимназію, въ которую забросила меня судьба, какъ на какую-то пустыню, гдѣ учители являются только изрѣдка, какъ любопытные путешественники—не болѣе. Я уже говорилъ, что насъ распускали иногда на пять и шесть недѣль во время грязи. Этого мало: и во время обыкновенное, когда ни грязи, ни стужи и никакихъ ни физическихъ, ни нравственныхъ причинъ, повидимому, не было, учители наши приходили въ гимна-

зію очень рѣдко, а въ классы и того рѣже. Это было для меня необъяснимой загадкой—я начиналъ увѣрять, что такъ и должно быть. Но въ самой сущности дѣла это было вотъ какъ: Директоръ И. Д. Огневъ былъ человѣкъ прекраснѣйшій и притомъ ученъ, какъ профессоръ, зналъ превосходно языки; но этимъ все и ограничивалось. Квартира его была на другомъ концѣ города, верстъ двѣ съ половиною отъ гимназіи, дѣтей у него было много, знакомыхъ еще больше; онъ жилъ открыто, и потому посѣщеніе имъ гимназіи составляло эпоху и случалось не болѣе десяти разъ въ годъ, разумѣется, кромѣ экзаменовъ, на которыхъ онъ всегда присутствовалъ.

Немудрено, что многіе изъ учителей привыкли служить по этому случаю *спустя рукава*. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи: *Ефремовъ* и *Сорочинскій*. *Ефремовъ*, учитель математики, старикъ лѣтъ семидесяти, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, содержа пансіонеровъ и притомъ будучи холостъ, онъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ занимался самъ, ежедневно ѣздилъ на базаръ, отвозилъ купленное домой и потомъ уже возвращался въ гимназію: часто случалось, что онъ пріѣзжалъ часовъ въ одинадцать, когда не только первый урокъ оканчивался, но и второй проходилъ до половины [1]). Кромѣ того, онъ имѣлъ въ пяти верстахъ отъ города хуторъ, куда почти каждый день ѣздилъ и пропускалъ по этому случаю послѣобѣденныя лекціи. Да и самыя лекціи не могли приносить намъ никакой пользы. Онъ обыкновенно приходилъ въ классъ на $^3/_4$ часа, а много на часъ; въ это время отправлялся къ доскѣ и выдѣлывалъ разныя задачи, вовсе не заботясь не только о томъ—понимаютъ ли его, но даже слушаютъ ли... Послѣ этого просматривалъ списки авдиторовъ, оставлялъ безъ обѣда получившихъ нули, потомъпреспокойно надѣвалъ въ классѣ свою теплую шапку съ ушами (если это было зимою) и отправлялся домой. Само собою разумѣется, что мы ровно ничего не знали, и когда приходилъ экзаменъ, то мы становились втупикъ, а отвѣчали кое-какъ его пансіонеры, съ которыми онъ самъ занимался дома. Директоръ не могъ не видѣть этого, но

[1]) Тогда ученіе начиналось въ 8 часовъ утра, и каждый урокъ продолжался два часа.

вѣроятно, изъ уваженія къ старости нашего наставника, молчалъ, а *мы продолжали ничего не знать.—Сорочинскій*, учитель латинскаго языка, былъ хотя и не старъ и, какъ можно было видѣть, зналъ свой предметъ отлично, но онъ имѣлъ слабость—*пить*.... пить не чай, не кофе, даже не вино, а просто сивуху и пунши. Онъ пилъ запоемъ мѣсяцъ, недѣли двѣ или три. Въ это время съ утра до ночи не угасалъ его самоваръ и число выпиваемыхъ имъ пуншей доходило до количеста баснословнаго. Что всего страннѣе, онъ пилъ одинъ въ сообществѣ только своей кухарки Александры. Эта Александра есть лицо историческое для Полтавской Гимназіи. Когда запой Сорочинскаго продолжался слишкомъ долго, такъ что директоръ уже могъ узнать, то обыкновенно составлялась депутація..... Эта депутація ровно ничего не могла сдѣлать безъ Александры. Не только дверь дома, но и ворота во дворѣ были заперты. Если случалось проникнуть за эти крѣпкіе затворы какимъ нибудь удачнымъ маневромъ, то на депутатовъ сыпался градъ ругательствъ сначала, потомъ стихи Горація, въ которыхъ такъ много говорится о винѣ, наконецъ, и чашки летѣли съ пуншами. Въ такомъ случаѣ обращались къ Александрѣ и просили ее протрезвить барина, въ противномъ случаѣ грозили сказать директору. Александра принималась за дѣло. Какъ происходилъ этотъ процессъ протрезвленія—я не знаю, знаю только, что Сорочинскій являлся къ намъ въ классъ выбритый и умытый, и мы начинали переводить Корнелія Непота—Themistocles Neocli fulius, Atheniensis; часто одна такая фраза служила прицѣпкой проговорить ему цѣлый классъ и вызвать изъ гробницы и катакомбъ всѣхъ Виргиліевъ, Горацієвъ, Ювеналовъ, Тибулловъ—а мы все-таки не только ничего не понимали, но и не знали склоненій и спряженій. Такъ какъ директоръ, хотя рѣдко, но все-таки посѣщалъ гимназію, то учители по крайней мѣрѣ должны были собираться въ гимназію. Въ классахъ они бывали по получасу—не болѣе, остальное время проводили въ канцелиріи, мы же между тѣмъ, или диктовали, или читали въ слухъ, или, что всего чаще случалось, дурачились: выхо-

дили драться классъ на классъ, играли въ *шварлая*, въ жмурки и т. п. А между тѣмъ годы проходили, насъ экзаменовали и переводили въ высшіе классы. Такъ и я, по милости Божіей, перешелъ теперь въ третій классъ—новое, блистательное поприще для меня открылось!...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

42) Къ женѣ изъ Петербурга, 1784 г., 25 іюня.

Матушка душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца получилъ я вчерашняго дня, а сего числа на оное вамъ отвѣтствую. Весма сожалѣю, что вы послѣ вашей горячки не можете оправиться, также и о Аннушкѣ, что она лихорадкою страждетъ, и другаго моего нѣтъ вамъ совѣта, какъ только, чтобъ вы скоро по полученіи сего моего писма, отправились со всѣми дѣтьми въ украинскія деревни, и тамъ побывавши въ Ромнѣ на ярмонкѣ и накупивши, что надобно для себя, для дѣтей и для дому, пожили въ Николаевкѣ или въ Коровинцахъ нѣкоторое время и полѣчились у брата Тимофѣя Ивановича, какъ сами, такъ и Аннушка порядочнымъ образомъ; ибо домашнимъ лѣченьемъ вы ничего не успѣете, а хуже сдѣлаете. Дѣтей же всѣхъ съ собой совѣтую взять потому, что меншіе, оставшись въ домѣ безъ присмотра, будутъ шалить, вмѣсто того, что въ деревняхъ могутъ тѣже дьячки учить, что и въ Юдиновѣ, когда уже лучшаго никого нѣтъ. Я думаю, что братъ въ разсужденіи какъ родства, такъ и для того что я выходилъ ему штапъ-лѣкарскій чинъ, васъ порядочнымъ образомъ полѣчить не откажется, а вы только меня послушайте. Весма бы хорошо, матушка, естьли бы, до новаго винокуренія, горѣлка наша изошла; ибо съ 60 или 70 бочками байдака отправлять

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 6.

кажется нѣдлячего. Всего бъ лучше, естьли бы вы просили Тимкова и другихъ кого можно, чтобъ они совѣтовали почепцамъ и погарцамъ у насъ бочками брать вино, да нехудобъ, естьли бы и въ Трубчевскѣ попытались навѣдаться, не надобно ли вино повѣреннымъ. Мнѣ кажется, что когда другіе берутъ за пѣнное по 80 копѣекъ и больше, намъ можно взять и по 75 копѣекъ, а за полугарное по 60 копѣекъ, а хотя и дешевлѣ, только надобно выговаривать, чтобъ обратно бочки отдаваны были. Другими вашими увѣдомленіями я весма доволенъ, какъ то о Подъельсковъ, о мѣдникѣ, о томъ, что не посылали ни сахару, ни другихъ вещей къ Мотонису; хлѣба же какъ въ Юдиновкѣ, такъ и въ Чеховцѣ намолото весьма мало, а въ Волотынѣ много ли его и молотъ ли, о томъ ничего и не пишете. Я бы хотѣлъ знать сколько его къ будущему винокуренію вездѣ молотаго и немолотаго находиться, и сколько надѣетесь получить его изъ украинскихъ деревень. О мальчикахъ для мастеровыхъ устройте какъ лучше. Пеньки, кажется, купили вы мало. Перемѣны цѣнъ нѣчего бояться, она всегда своей цѣны дождется. Однако сколько купили и своей собрали, естьли цѣна сходна будетъ, велите продавать. Николай Николаевичъ вѣрно или самъ повезетъ или пошлетъ дѣтей, и такъ вы вѣрно по сей окказіи книги мнѣ прислать можете. Аѳанасій Кирилловичъ или лѣнивъ или въ самомъ дѣлѣ не могъ исправить моей коммиссіи, да и лучше, что черезъ тотъ домъ я ничего получать не буду. Онъ, говорятъ, теперь въ Новгородкѣ при разборѣ дворянства [1]), гдѣ де меня многіе такъ, какъ въ Чернѣговѣ поминаютъ, и что меня тамъ нѣтъ—сожалѣютъ. Для васъ и для дѣтей что надобно будетъ искуплю и исправлю, только бы деньги были. У меня ихъ теперь неболѣ, какъ 400 рублей. Худое мое здоровье и непомѣрная здѣшняя дороговизна на все много ихъ истребляютъ. Для такой нужды, такожъ и для вышеписанныхъ покупокъ и для себя и для дому, какъ теперъ на нѣкоторыя вещи дешевшая цѣна, прошу васъ, матушка, прислать мнѣ изъ

[1]) Т. е. при составленіи тѣхъ „дворянскихъ“ родословныхъ, о которыхъ говоритъ Гр. А. Полетика въ своемъ письмѣ къ Як. Ал. Гамалѣѣ. См. выше, № 40.

Ромна или чрезъ Погаръ, на почтѣ, триста рублей. Дѣло наше, уповаю, скоро рѣшится, то и по дѣлу денги мнѣ надобны. Вы ихъ чрезъ почту или объявивъ почмейстеру и заплативъ что надобно, или и не объявляя, переслать можете. Только пожалуйте прикажите проклятому шатуну Ситникову, чтобъ онъ такъ не шатилъ и не дурилъ. Всегда онъ моихъ приказовъ или не поймет или переиначитъ. Я еще дома будучи, приказывалъ ему, какимъ образомъ онъ писма ваши ко мнѣ отправлять и надписывать долженъ. Я ему въ другій разъ протолковалъ, но онъ и тутъ не такъ поступилъ. Онъ писмо ваше вложилъ въ ковертъ Николая Павловича ко мнѣ не надписанное, почему онъ его и распечаталъ, и не знаю читалъ ли оное или нѣтъ, а только прислалъ распечатанное и велѣлъ сказать, чтобъ впредь такъ не присылали. Онъ же его написалъ на текстѣ превосходительство, вмѣсто того, что надобно было написать высокородіемъ, а сколькожъ то въ писмѣ его ошибокъ и недописокъ. Видно, что онъ въ Юдиновѣ больше всѣхъ занятъ великими и важными дѣлами, что и самъ не тямитъ, что дѣлаетъ. Для дочерей нашихъ обѣщаютъ пріятели сыскать француженку, которую можетъ быть еще сего лѣта отправлю, только извольте знать на передъ, что ни молодой, ни дорогой не прійму. Вы, между тѣмъ, пожалуйте, велите убрать дѣтскія покои. Ильюшку, а больше того маляра—вы весма поздо отправили. Онъ, попачкавши тамъ недѣлю другую, заразъ станетъ просится домой для покоса, а послѣ онаго выживете вы его опять не скоро, а тамъ станетъ пачкаться и разныя затѣи выдумывать до зимы, вмѣсто того, что я хотѣлъ было, чтобъ онъ до Петровадни совсѣмъ отдѣлался. Весма мнѣ печально было увѣдомленіе ваше о сгорѣніи Чеховки, но сіе есть Божіе посѣщеніе за грѣхи наши. Вы весма хорошо сдѣлали, что дали имъ лѣса на избы изъ повали [1]) и уволили отъ пригону. Человѣколюбіе требуетъ въ такихъ случаяхъ съ потерею своего людямъ помогать. Не пишете вы, когда сіе сдѣлалось—днемъ или ночью, и уцѣлѣлъ ли ихъ хотя скотъ. Теперь хочу васъ просить, чтобъ вы въ двухъ пунктахъ поступили по нижеписаному:

[1]) Валежникъ, буреломъ.

1) Чтобъ заставили всѣхъ, и сгорѣвшихъ, и несгорѣвшихъ, мужиковъ вывозить для сгорѣвшихъ избъ толокою, но безъ потчиванія горѣлки, а такъ, какъ бы за пригонъ; 2) велѣть имъ дворы непремѣнно строить не попрежнему, но отступая другъ отъ друга гораздо далѣ и не менѣе какъ 15, а по крайней мѣрѣ 30 саженъ. Избы чтобы были всѣ на улицу выстроены, другое строеніе внутри, а овины позади огородовъ, въ самомъ концѣ. Найлучшій по таковому строенію образецъ и чертежъ есть въ указной Петра Великаго книгѣ, который можетъ сыскать Ситниковъ и потому велите имъ строиться, и отнюдь, пожалуйте, не дайте имъ своей воли, чтобъ по своему обычаю и тѣсно строились. Дерева кромѣ на избы и на овины, пожалуйте, никому не давайте, и то изъ повали, а прочее все пускай дѣлаютъ и городятъ лозою, и то, естьли бы можно, украинскимъ манѣромъ. Съ Соболевымъ мнѣ нечего раздѣлываться. Вы писали ко мнѣ, что вы 19 рублей на немъ и на мужикахъ доправили, которыя они потеряли, и такъ теперь осталось считать 46 рублей въ расходѣ, и по сему расходу расчитаться съ Петромъ Аѳанасьевичемъ за его человѣка и за лошадей, чемъ все и кончится. Вы уже въ другій разъ ко мнѣ пишете о Карабановѣ, а ни разу не написали, что онъ въ Юдиновѣ умеръ, а пишетъ ко мнѣ о семъ Петръ Аѳанасьевичъ. Я не знаю, чего онъ такъ долго послѣ меня у насъ замѣшкался, развѣ онъ долго пробылъ у Бороздны, и тамъ испивъ смертную чашу, пріѣхавши къ намъ умеръ. Что съ Пѣсоцкимъ роздѣлалися весма хорошо сдѣлали, а съ нашего покоса можно будущею зимою планъ сдѣлать. Не пишете вы ничего, побилъ ли Пѣсоцкій сваи, а когда не побилъ, то велите наблюдать, чтобъ тычки цѣлы были. За строеніе дворовое и на гумнѣ вамъ благодарствую, велите оное оканчивать и увѣдомьте меня поправлена ли около двора огорожа? Решотки не худо бы сдѣлать, хотя по одной станицѣ отъ воротъ, по указанію архітектора, котораго вы, уповаю, призовете, когда ворота, закладывать будете, и такъ онъ можетъ то и другое заразомъ указать; надобно только, чтобъ она не выше забора была, а въ прочемъ хотя и меня съ нею дожидайтесь, съ строеніемъ же другаго погарскаго двора мож-

но обождать и до будущаго года, только бы въ первомъ все отстроено было и онъ бы былъ обмазанъ и вымощены избы; когда такъ не можно, какъ я приказывалъ, чтобы вымазать бутомъ или кирпичными кусками съ глиною, то хотя и цѣлымъ кирпичемъ съ глиною жъ, но кладучи оный не на рубъ, а въ ширину плотно, и велите, чтобъ въ избахъ всегда окошки отперты держали. Церьковь естьли взведутъ до потолоку, то на потолокъ велите брать или купленныя въ Каменѣ тесницы, или нарѣзать нарочно, по мѣрѣ, изъ Чеховскаго лѣсу досокъ такихъ, какъ рѣжутъся столь (?). Компанѣйця, пожалуйте, какъ можно постарайтесь отправить въ Орелъ, сказавъ ему, что естьли онъ окончитъ дѣло, то сверхъ жалованья своего отъ насъ награжденъ будетъ, естьли жъ никакъ ему нельзя за болѣзнію ѣхать, и Ситникова нельзя изъ дому отлучить, то не можно ли въ Погарѣ, чрезъ Тимкова, кого изъ писцовъ сыскать или въ Трубчевскѣ чрезъ Губкина, и нанять, договорясь съ нимъ, что ему давать на мѣсяцъ на харчи и что за труды, по окончаніи дѣла. Теперь остается мнѣ, матушка, объявить вамъ о себѣ. Я уже писалъ къ вамъ, что по разрѣзаніи явившагося на моей щекѣ желвака, шла съ него сперва худая, а потомъ отъ часу лучшая матерія, и я великое чувствовалъ облегченіе такъ, что врачующіе меня въ скорости хотѣли произвесть надъ полипусомъ операцію; но оставшаяся отъ того желвака часть верхняя, недалеко отъ глаза, о которой думали, что она уже такъ и останется, вдругъ разгниваться начала, а потомъ разгнилась жестоко, произвела столь сквернную и ѣдкую матерію, что объѣла мнѣ щеку всю и произвела великую на оной рану и опасную такъ, что лѣкари, отложа уже на другое время операцію, стараются только всѣми мѣрами о излеченіи оной, очищаютъ оную всякій день по три раза сприцованьемъ и перемѣняя лѣкарства, а часто съ ланцетами и щипцами туда навѣдываютъся. Богъ знаетъ, сколько я отъ сего претерпѣваю мученія болѣзни и безсоницы; но на одно его милосердіе уповаю, и лѣкари меня увѣряютъ, что рана излечится можетъ, но не скоро. Со всѣмъ тѣмъ прошу васъ не тужить и не сомнѣваться. Естьли Вышній Творецъ захочетъ, чтобъ я перешелъ на тотъ

свѣтъ, то ни вы, ни дѣти наши не будутъ обижены, естьли будете слѣдовать моему завѣщанію, которое отъ меня въ надежныхъ рукахъ оставлено и къ вамъ доставлено будетъ. Но естьли Богъ дастъ, что я въ живыхъ останусь, то скажу вамъ еще, что я думаю о маленькихъ нашихъ дѣтяхъ. Я ихъ намѣренъ отдать въ пенсіонъ и записать здѣсь въ который нибудь изъ гвардейскихъ полковъ. И для того я бы просилъ васъ, чтобы вы ихъ завременно экипировали въ бѣльѣ и въ постеляхъ, и въ прочемъ нужномъ, кромѣ платья, которое здѣсь подѣлать можно, а для верхнихъ рубашекъ можете купить голландскаго полотна въ Ромнѣ, и пошить имъ, на первый случай, хотя по шести, дѣлая всѣ оныя такожъ и другое на выростъ, а послѣ можно еще имъ по полудюжинѣ рубашекъ сдѣлать. Привезти ихъ сюда буду просить васъ или самыхъ, или когда вамъ нельзя будетъ, прислать съ надежнымъ человѣкомъ; но сіе, уповаю по моимъ обстоятельствамъ, не прежде воспослѣдовать можетъ, какъ по первой зимней дорогѣ. Осталось мнѣ увѣдомить васъ о дѣлѣ нашемъ. Оное будучи совсѣмъ готово, уповаю, заразъ послѣ каникулъ, тоесть въ іюлѣ мѣсяцѣ, слушано будетъ. Великое мое нещастіе, что я самъ никуда выѣхать и никого просить не могу; однако я при болѣзни моей не перестаю о семъ думать, изготовляю писма и записки къ гг. сенаторамъ и къ прочимъ, и предъ самымъ слушаніемъ оныя разошлю, а притомъ прошу и пріятелей моихъ, чтобъ за мене вступились. На милость Божію и на справедливость дѣла больше всего надѣясь. За противную же нашу сторону беретъся стараться Судденко[1]) и прочіе ему подобные; но Богъ больше ихъ. Я бы, можетъ быть, послѣ окончанія своего дѣла и по моемъ излѣченіи и самъ къ вамъ поѣхалъ, но хочется попытаться о Корсаковомъ и Кочубеевомъ дѣлахъ, не удастся ли ихъ при своей жизни кончить, а при томъ хочется и дѣтей здѣсь при себѣ устроить. Денги, матушка, какъ можно собирайте и берегите, употребляя только на необходимонужные расходы. Желая напослѣдокъ вамъ и дѣтямъ нашимъ, при моемъ благословеніи,

[1]) Осипъ Степановичъ Судіенко, завѣдывавшій частными дѣлами кн. Безбородко. См. о немъ Опис. Ст. Малор., I, 208.

добраго и лучшаго отъ моего здоровья, я есть вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Естьли Аграфена Григорьевна до пріѣзду моего замужъ выйдетъ, то пожалуйте, душенька, и въ разсужденіи родства и въ разсужденіи того, что она, мнѣ и вамъ въ угодность, дѣлала вамъ компанію, живучи въ домѣ нашемъ, снабдите ее, сколько можно лучше къ свадьбѣ, а во время свадьбы, чемъ заблагоразсудите и подарите или отпишите ко мнѣ, что ей купить въ подарокъ. Естьли жъ еще не скоро свадьба будетъ, такъ просите, чтобъ съ вами до свадьбы пожила. Пишетъ ко мнѣ Бартошъ, что Никита столяръ взятъ въ Юдиновъ; я думаю, что вы его взяли для скорѣйшей управы съ юдиновскимъ домомъ; но понеже и въ Николаевкѣ есть довольно нужныхъ подѣлокъ, а особливо для покоевъ и начатая имъ колокольня, то пожалуйте, естьли можно, туда его увольте, а особливо, естьли прійдутъ романовскіе столари.

43) Къ неизвѣстнымъ лицамъ, въ Петербургѣ, 1784 г.,—1 іюля.

Милостивый государь Стефанъ Івановичъ (Алексѣй Івановичъ). Пятый уже мѣсяцъ проходитъ, какъ я пріѣхавъ въ С. Петербургъ, нахожусь въ тяжкой болѣзни, и по сей причинѣ не могъ и не могу засвидѣтельствовать должнѣйшаго моего вашему превосходительству почтенія. Не одна, милостивый государь мой, удручаетъ меня болѣзнь, но сокрушаетъ больше и то, что я имѣя въ правительствующемъ сенатѣ дѣло, относящееся до половины моего имѣнія, не могу по оному самолично никого просить, ни внушенія сдѣлать. Дѣло сіе завелъ шуринъ мой коллежскій ассесоръ Михайло Гамалѣя не прямо со мною, но со второю отца своего и жены моей—женою, а ихъ мачихою, по смерти же ея продолжаетъ съ братомъ ея и наслѣдникомъ ея имѣній генеральнымъ бунчучнымъ Іваномъ Бороздною, за записанныя ей отъ отца его недвижимыя имѣнія, и опровергая отца своего запись, по той одной причинѣ, что она по смерти мужа своего тѣ имѣнія продала мнѣ и женѣ моей, а ему, какъ онъ тѣмъ льстилъ себя, не

подарила, и такъ производя дѣло, не прямо со мною, меня и и жену мою хочетъ прямо лишить справедливаго нашего пріобрѣтенія. Въ нижнихъ судахъ не получилъ онъ въ искѣ своемъ успѣха, ибо въ томъ ему, по неосновательности его доказательствъ, отказано; но онъ подалъ въ правительствующій сенатъ аппелляцію. Покорнѣйше, ваше превосходительство, прошу сдѣлать мнѣ милостивое заступленіе и по благоразсужденію вашему, попросить гг. сенаторовъ, а особливо г. оберъ-прокурора и новаго малороссійскихъ дѣлъ г. оберъ-секретаря Ананьевскаго, чтобъ по сему дѣлу, о которомъ отъ повѣреннаго моего поданы будутъ имъ записки, показано было правосудіе. Въ чемъ на милость вашего превосходительства будучи благонадеженъ, пребываю съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства....

II Письма къ Григорію Андреевичу Полетикѣ.

44). Брата Степана Андреевича [1]), *изъ Глухова, 1754 г. 13 мая.*

Милостивый государь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Писмо ваше чрезъ дядю Матвѣя Павловича я получилъ і на оное симъ отвѣтствую: 1) дѣла коровинскаго я еще не починалъ, не імѣя отъ васъ въ присилки доношенія на ихъ искового; мнѣ же здесь составлять оное затѣмъ (что объ ономъ въ какой силѣ оное должно быть чтобъ і вамъ знать можно прежде подачи за разстояніемъ) не можно, якое вы составившы, въ самой скорости присилайте; сверхъ сего еще мой совѣтъ, ежелибъ ви подали тамо ясневелможному прошеніе, чтобъ ордеромъ его ясневелможности велено прежде росправить по даннимъ отъ нихъ, Ласкевичевъ, роспискамъ, ибо здесь того не здѣлаютъ, какъ извѣстился я, и какая состоится резолюція ко мнѣ оную для дѣйствія по оной прислалибъ немедленно. 2). Пожжено сѣно та-

---

[1]) Степанъ Андр-чъ Полетика, р. 1728+1777, сначала Константиновскій сотникъ, а потомъ бунчук. товарищъ; женатъ былъ на Тетьянѣ Свѣтъ; оставилъ трехъ дочерей Ульяну (м. Стаховичъ), Марью (м. Новицкій) и Анастасію (м. Левандовскій).

кимъ образомъ, что подданній Ласкевичевъ, пустивши на степѣ пожаръ, спалилъ оное; еднакъ, что оное згорѣло намъ нехуду для того, что лучшимъ чемъ а не гнилимъ, незбутнимъ сѣномъ станемъ претенсию свою отбѣрать. 3) Радченкова еще и до сихъ поръ не сойшлась, а за пріѣздомъ моимъ зъ Глухова о томъ всемѣрно старатся стану и что послѣдуетъ, вамъ впредь будетъ вѣстимо. 4) Батюшка документовъ уже отъ мене требовалъ, еднакъ я съ нимъ поступилъ такимъ образомъ: когда ко мнѣ пріѣхалъ онъ и сказалъ объявить оніе, то я велелъ толко скопѣевать росписку Ласкевичеву та уступку отъ сестеръ поповихъ а дѣла всего за множествомъ не копѣевалъ, яко оное въ себѣ великой важности не содержитъ, и приложа ему тѣ копіи, показалъ, а о подлѣнныхъ какъ росписки, такъ и копіи уступки отъ сестеръ поповихъ объявилъ, что оніе вами взяти; въ тѣ поры онъ объявилъ мнѣ—пущай де и сие здесь въ тебе и ти дѣло починай, какъ хочешъ, я уже впредь мѣшать не стану и на томъ стою, что написалъ. И такъ я его намѣреніе пресѣкши, оное дѣло зачинать стану, въ тѣ поры когда отъ васъ исковая прислана будетъ. 5) Я досталніе денги вамъ вмѣстѣ здѣланими двома тулубами, (которіе уже совсѣмъ готови) прислать имѣю чрезъ почту, за пріѣздомъ моимъ зъ Глухова въ домъ, ибо ви хочай и пишите, чтобъ я чрезъ Михайла Андреевича прислалъ, точию Михайло Андреевичъ, какъ видно, чуть чи будетъ впредъ въ Пѣтербурги и исполнитъ ли свое намѣреніе, ибо его Хумутецъ очень пристрастилъ, что его отстать не можетъ. Писма какъ ваши, такъ и отъ г. Корновича когда мною получени и ему такъ отдани, какъ было писмо, то онъ, чтобы по тѣмъ дѣйствовать весма сталъ лѣнивъ, а между прочимъ написалъ, мене искушая, чтобъ я поѣхалъ къ сотнику Крижановскому и взялъ на себе тисечу рублей и ему отдалъ, хотячи мене разсужденіемъ себѣ подобного зделать. Я ему, какъ тѣхъ требуемыхъ нимъ невозможностей не зделалъ, такъ и ему на запросъ его нѣчого не отвѣтствовалъ и въ какомъ нинѣча разсужденіи и намѣреніи онъ находится, знать не могу, ибо весма за свиданнямъ моимъ печалился, что ви того ему не зделали, чего онъ желалъ, а о чомъ знать не могу, прошу мене

о томъ увѣдомить обстоятелно. О обращенняхъ малороссійскихъ прошу мене заподлѣнно увѣдомить, даби знать какъ поступать при нинешнихъ обращеніяхъ. Я на вишъ писанное желаю скорого отъ васъ увѣдомленія и напослѣдокъ предавъ себе вашей приязни, пребиваю васъ, милостивого государя моего, братца, всего добра желателний братъ и покорній слуга Стефанъ Полѣтика.

45) Брата Степана Андреевича, изъ Коровинецъ, 1758 г.,—мая.

Милостивый государь мой, братецъ, Григорій Андреевичъ. Я при засвидѣтельствованіи вамъ, милостивому государю моему, братцу, нижайшаго почтенія, чрезъ сіе, какъ на полученное отъ васъ мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣднихъ чиселъ, писмо, такъ и о другихъ обращеніяхъ здешнихъ въ отвѣтъ доношу; 1) за покупку желѣзной кроватѣ покорно благодару, толко я еи еще не получилъ. 2) О дѣлѣ коровинскомъ я старатись бы радъ всемѣрно, чтобъ столь долговременніе хлопоты збуть зъ голови, но за перемѣнамы батюшкиными въ его обѣщаніяхъ, того доказать не могу; вы братецъ помните, что онъ на вашу прозьбу и мою обѣщалъ своихъ людей дать для перемолоту хлѣба, хочай за коробку, но по отездѣ вашемъ отъ того отказался, хочай я донѣсколко десять разъ о томъ его просилъ, но въ отвѣтъ, кромѣ бранѣ, нѣчего не получилъ; и такъ чрезъ свои продолженія до того дождался, что по согласію плутовъ Ласкевичевъ начала Полуботчиха искать за хлѣбъ, чтобъ ей отданъ, которой якобы еи скотомъ паханъ былъ; почему безпутная наша глуховская резиденція била и учинила, чтобъ безъ всякаго разсмотренія и отдать, но еденъ панъ Ханенко заспорилъ и ісказалъ свое мнѣніе, чтобъ перемолотивъ, содержать до опредѣленія вцѣлости, почему я спродажею хлѣба, какъ первіе за недачею молотниковъ, а нынѣ за арештомъ онаго, остался; чтожъ я своими людьми и ворами [1]) содержачимись перемолотилъ хлѣба и въ свое вѣдомство отъ нарочнаго, полковою, гадяцкою канце-

[1]) Вѣроятно, разумѣются содержавшіеся при константиновскомъ сотенномъ правленіи арестанты, которыми Степанъ П-ка распоряжался, какъ тамошній сотникъ.

ляріею по доношенію моему опредѣленнаго взялъ, оному вѣдомость при семъ посылаю. 3) О удовольствіи сестеръ еще прежде полученія вашего писма старался, но батюшка ихъ своими манѣрами збуваеть, нанося притомъ себѣ нынѣ а намъ слѣдующіе хлопота, еднакъ что то покажетъ вознесенскій роменскій ярмонокъ ожидать буду, и доказивать всемѣрно того стану, чтобъ съ ними крайній разводъ учинить, ибо и Параскевія къ тому времени бить имѣла, и что послѣдуетъ васъ імѣю увѣдомить. 4) За церковнимъ щетомъ батюшка сихъ чиселъ поедетъ и уже другимъ ктиторамъ зъ себе содержаніе здалъ за роспискою. 5) Екстрактъ съ крѣпостей пришлю, ежелы толко батюшка зделать допуститъ, ибо онъ разсуждаетъ, что можетъ сіе дѣлатся для якого умислу и обиди другихъ браттей, а сіе навело ему думать писмо братца Івана Андреевича, которой весма напрасно на мене суспѣкуетъ и укораетъ писмомъ за послѣдовавшое отъ батюшки опредѣленіе, которое мною будто дѣйствовано. Вы, братецъ, можете ему сочиненіе онаго внушить, что оное не въ Ромнѣ, но въ Глуховѣ писано и не мною дѣйствовано, которимъ не токмо онъ, но и я обиженъ, вопредѣленіи мнѣ единого толко коровинскаго кола противъ протчіихъ семи или пяти. За присилку рекомендаціи архіерейской покорно благодару, съ которой я получивъ копию, и вамъ сообщаю, еднакъ бѣшеной головѣ и удвое присовокупить, то нѣчего не поможетъ; теперича новіе началъ соплѣтать на мене сѣти, за неудачу его проектовъ, которими хотѣлъ наполнить тѣ мѣста пустие въ ризници невской [2]), которіе онъ прочистилъ; еднакъ я будучи надежденъ, какъ на васъ, братецъ, такъ особливо на моихъ милостивцовъ, Антона Стефановича и Сергія Сидоровича [3]), что вы меня отъ его сѣтей избавите, которихъ попросить обо мнѣ прилѣжно прошу, о чемъ я къ имъ особливо пишу. Въ протчемъ поручаю себе вашей любви и приязни. Вашъ всего добра желателній братъ і покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

[1]) Разумѣется письмо петербургскаго архіепископа Сильвестра Кулябки, писанное къ брату его Ивану, тогдашнему лубенскому полковнику. Послѣдній въ письмѣ здѣсь и называется—„бѣшенною головою".

[2]) Намекъ, повидимому, на ризницу Александроневской лавры, изъ которой Иванъ Кулябка могъ что-нибудь взять при посредствѣ брата.

[3]) Первый — Крыжановскій, а второй—Дергунъ

Хвалюсіа вамъ, братецъ, что Богъ милостивый свободилъ моего Івана съ погребу и вмѣсто Івана даровалъ дочь Анастасію въ знакъ коей рожденія за далекимъ разстояніемъ здѣшнимъ, узваромъ бить челомъ вамъ, братцамъ и милостивцамъ моимъ, не могучи, чрезъ сіе васъ покорнѣйше прошу нащетъ моихъ тридъцяти рублей, которіе я імѣю прислать къ вамъ при переводѣ объ вознесенскомъ роменскомъ ярмонки денегъ на сервизъ, здѣлать всѣмъ тамо пріятелямъ и милостивцамъ моимъ, Антону Стефановичу и Сергію Сидоровичу, хочай маленкій приіомецъ, что я за особливую вашу ко мнѣ любовь почитать стану, а особливо упоить Матвѣя Мартиновича (?) съ бандуркою, чтобъ онъ билъ столко веселъ, сколко я рожденію своей дочери.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бой-жинка.

НЕИЗДАННОЕ ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ Г. Ѳ. КВИТКИ [1]).

Въ предисловіи къ собранію драматическихъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки, изданному въ 1862 году [2]), было сказано, что собрать все то, что́ было писано Квиткою для театра, едва ли возможно, ибо ненапечатанное при жизни автора исчезло безъ слѣда, и сохранилось только преданіе о томъ, что существовали въ рукописяхъ нѣкоторыя не вошедшія въ означенное изданіе піесы и въ томъ числѣ „*Бой-жинка*“. О постановкѣ этой послѣдней піесы на сцену въ Харьковѣ упоминали въ своихъ статьяхъ Н. И. Костомаровъ [3]), Г. П. Данилевскій [4]) и А. Корсунъ [5]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ было выпущено въ свѣтъ собраніе драматическихъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, мы получили рукопись считавшейся, какъ полагалъ издатель упомянутаго собранія, безслѣдно

---

[1]) По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, печатаніе этой піесы, предполагавшееся въ августовской книжкѣ, пришлось отложить на октябрьскую. А между тѣмъ, на дняхъ въ газетѣ „Южный Край“ (№№ 4370—4371) піеса эта появилась въ печати, что однако не мѣшаетъ намъ исполнить наше, во-время неосуществившееся, намѣреніе, тѣмъ болѣе, что въ нашей рукописи замѣчаются нѣкоторые варіанты.—Ред.

[2]) „Драматическія сочиненія Григорія Квитки (Основьяненка)“, въ двухъ томахъ, изданіе книгопродавца А. С. Великанова, типографія П. А. Кулиша.

[3]) Въ статьѣ „Малорусская литература“, въ книгѣ Н. В. Гербеля „Поэзія славянъ“, стр. 159.

[4]) Въ статьѣ „Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко“, въ книгѣ „Украинская старина, стр. 283.

[5]) Воспомин. о Г. Ѳ. Квиткѣ въ Литерат. газ. 1843 г., № 37.

утраченною піесы „Бой-жинка“ отъ Семена Степановича Гулака-Артемовскаго, воспоминанія о которомъ г. Зосима Недоборовскаго недавно были помѣщены въ Кіевской Старинѣ [1]).

Будучи оперным пѣвцемъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ, подъ конецъ своей сценической дѣятельности—въ Москвѣ, С. С. Гулакъ-Артемовскій (по сценѣ извѣстный только подъ послѣднею своею фамиліей) иногда ставилъ на сценахъ императорскихъ театровъ малорусскія піесы и былъ такимъ превосходнымъ исполнителемъ малорусскихъ ролей, подобныхъ которому мы очень немного видѣли. Такъ, въ Москвѣ имъ были поставлены „Москаль-чаривникъ“ Котляревскаго и собственная опера „Запорожець за Дунаемъ“. Объ его игрѣ въ „Москалѣ-чаривникѣ“ восторженный отзывъ П. А. Кулиша былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ пятидесятыхъ годовъ.

Повидимому, и піесу „Бой-жинка“ Семенъ Степановичъ досталъ съ мыслью поставить на сцену въ Петербургѣ, а получить ее онъ могъ изъ Харькова, гдѣ въ то время еще жилъ его родной дядя, извѣстный писатель Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій, находившійся когда-то въ близкихъ отношеніяхъ съ Г. Ѳ. Квиткою. Изъ карандашныхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ противъ списка дѣйствующихъ лицъ, видно, что по полученіи рукописи Сем. Ст—чъ уже проектировалъ, кому раздать роли; такъ, судя по этимъ отмѣткамъ, роль Насти должна была исполнять г-жа Самойлова, роль Сумасвода г-нъ Самойловъ, противъ имени Оришки написано: „кто нибудь“ (значитъ, представлялось не важнымъ, кто именно будетъ исполнять эту роль, какъ незначительную), а противъ имени Потапа Левурды не имѣется никакой отмѣтки, изъ чего можно заключить, что эту роль С. С. Гулакъ-Артемовскій оставлялъ для себя. Но, насколько намъ извѣстно, „Бой-жинка“ не была играна въ Петербургѣ [2]).

Драматическія сочиненія Квитки во многомъ уступаютъ его малороссійскимъ повѣстямъ, а въ частности „Бой-жинка“ не

[1]) 1893 г. № 2, въ статьѣ: „Мои воспоминанія“.

[2]) Была поставлена въ Александринскомъ театрѣ въ 1887 г. (см.. Хроника Петербургскихъ театровъ Вольфа).—Ред.

отличается достоинствами, сравнительно съ другими драматическими сочиненіями его. Какъ имѣется указаніе въ самомъ заглавіи піесы („взятая изъ простонароднаго разсказа“) и какъ видно изъ содержанія ея, піеса эта основана на имѣющихъ юмористическій характеръ народныхъ разсказахъ о тѣхъ бойкихъ и ловкихъ женахъ, которыя обманываютъ своихъ мужей-простаковъ, заставляя ихъ вѣрить всякимъ небылицамъ [1]). Совершенно умѣстныя въ такихъ разсказахъ каррикатурныя преувеличенія получаютъ иной характеръ и могутъ поражать своими несообразностями, когда подробности юмористическаго анекдота растягиваются на цѣлое драматическое сочиненіе, и когда авторъ не умѣетъ быть веселымъ, не умѣетъ смѣшить зрителей комизмомъ создаваемыхъ имъ положеній, а талантъ водевилиста, какъ можно судить по настоящей піесѣ, не былъ свойственъ Квиткѣ.

Однако не все въ содержаніи „Бой-жинки“ заимствовано изъ народныхъ разсказовъ: роль улана Сумасвода, который, вмѣстѣ съ Настею, дурачитъ ея мужа, а потомъ улаживаетъ семейныя отношенія супруговъ,—цѣликомъ сочиненная, и притомъ немного напоминаетъ роль солдата въ піесѣ Котляревскаго „Москаль-чаривникъ“, вслѣдствіе чего участіе этого улана въ развитіи дѣйствія въ піесѣ можно считать навѣяннымъ „Москалемъ-чаривникомъ“, точно также какъ въ піесѣ „Сватання на Гончаривци“ нѣкоторыя вещи были навѣяны „Наталкою полтавкою“.

Но каковы бы ни были литературные достоинства и недостатки „Бой-жинки“, эта попытка Квитки создать малорусскій водевиль представляетъ несомнѣнный интересъ для исторіи развитія его таланта, и потому не должна была оставаться въ неизвѣстности, а въ особенности теперь, когда исполнилось полвѣка со дня кончины его, въ виду чего, зная о желаніи редакціи Кіевской Старины посвятить памяти Квитки августовскую

---

[1]) Ср. напримѣръ записанный Залюбовскимъ разсказъ о томъ, какъ жена увѣрила своего мужа въ томъ, что онъ умеръ. (Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. II, стр. 540).

книгу журнала, мы не могли не подѣлиться съ уважаемой редакціей тѣмъ, что́ имѣли.

Добавимъ, что мы получили отъ С. С. Гулака-Артемовскаго ту самую рукопись, которая была получена имъ изъ Харькова и которая представляетъ собою переплетенную въ четвертку листа тетрадь, писанную неизвѣстнымъ намъ почеркомъ. Изъ сдѣланныхъ карандашемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращеній, а также изъ разныхъ карандашныхъ отмѣтокъ на поляхъ видно, что по этой самой тетради піеса ставилась на сцену. На это же указываетъ и написанная въ одномъ мѣстѣ на вклеенномъ листкѣ бумаги вставка, сдѣланная очевидно для того, чтобъ дать возможность исполнителю роли Потапа спѣть лишнюю пѣсню („Ой пидъ вишнею пидъ черешнею"). Кромѣ того, въ тетради замѣчаются разныя поправки, сдѣланныя чернилами, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ возможность предполагать, что эта тетрадь—есть авторскій экземпляръ. Такъ напримѣръ, въ срединѣ третьяго явленія, послѣ фразы Потапа: „Отже зовсимъ такъ здалося, що я его вбывъ и прынисъ тоби" и написанныхъ въ скобкахъ словъ: „Во время этой сцены Сумасводъ показывается въ огородѣ и", первоначально были написаны слѣдующія выраженія: „Закапываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыбу, которую имѣлъ въ мѣшкѣ, а потомъ, перемигнувшись съ Настею, скрывается, унося съ собою мѣшокъ"; затѣмъ эти фразы были вычеркнуты и, вмѣсто нихъ написано: „проходитъ чрезъ сцену въ хату". Зачеркнутыя выраженія показываютъ, что, кромѣ всѣхъ тѣхъ обмановъ, которые въ піесѣ Сумасводъ и Настя употребляютъ по отношенію къ Потапу, авторъ хотѣлъ (согласно съ содержаніемъ народнаго разсказа) представить картинку еще одного обмана, именно мнимой ловли рыбы на огородѣ; но въ дальнѣйшемъ изложеніи піесы объ этой рыбѣ вовсе не упоминается: значитъ, мысль объ означенной подробности, какъ излишней, была отброшена. Такимъ образомъ, задуманное авторомъ содержаніе пьесы измѣнилось уже послѣ того, какъ въ этой самой тетради были написаны вышеприведенныя фразы, вслѣдствіе чего онѣ и были вычеркнуты и замѣнены другою фразою. Вѣрно-ли высказанное

предположеніе—утверждать не можемъ, и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи въ подлинникѣ ту самую рукопись, которую мы получили.

Н. Шугуровъ.

8 Августа 1893 г.

БОЙ-ЖИНКА.

Малорусск. опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, взятая изъ простонароднаго разсказа. Соч. Г. Основьяненка.

Дѣйствующія лица:

Въ г. Харьковѣ.

Потапъ Левурда, малорусскій крестьянинъ	г. Домбровскій.
Настя, жена его	г-жа Млотковская.
Сумасводъ, уланъ [1])	г. Карабановъ.
Орышка, мать Насти	г-жа Эмельянова.

Дѣйствіе въ г. Харьковѣ на Ивановкѣ.

(Внутренность крестьянскаго двора. На заднемъ планѣ хата съ дверью на сцену. На лѣвой сторонѣ сцены заплетень, огородъ, въ который можно черезъ плетень перелазить. Въ огородѣ на=переди большое вербовое дерево и за нимъ разныя другія).

Явленіе I-е.

Настя (*Сидя на скамейкѣ шьетъ*).

№ 1-й.

Чы я въ поли не травыця була?
Чы я въ поли не зелена була?
Взялы жъ мене покосылы,
И въ покосы положылы,
Така доля моя!

---

[1]) Сумасводъ Уланъ не долженъ правильно говорить по малороссійски, а нужно мѣшать болѣе русскихъ словъ, въ то время игравшій эту роль болѣе выиграетъ.

Чы я въ батька не дытына була?
Чы я въ него не кохана була?
Взялы жъ мене и звиньчалы
И свитъ мени завязалы,
Така доля моя!

—

Що то вже, не дурно сказано—доля, тай терпы. Якъ по моій натури, усебъ спивала, та скакала; такъ щожъ будешь робыты?... А тамъ и не зтямышся якъ молодыи лита мынуются.... Охъ, доленька—доля моя! (*Шьетъ*).

Явленіе 2-е.

Настя и Сумасводъ (*входитъ не примѣчая Насти*).

Сумасводъ. Матушка сказала, что я ее найду здѣсь, а между тѣмъ... Те-те-те вотъ и она. (*Подходя къ ней*) Здравствуй, красная молодыця.

Настя (*испугавшись*) Охъ мыни лыхо, чы не постой у насъ буде? Бувайте и вы здоровы... А кого вамъ тутъ треба?

Сумасводъ. Эхъ Настя! Настя! Боишься-ль ты Бога? Роднаго брата и не узнаешь? Ну-ка взгляни на меня хорошенько...

Настя (*смотря на него, узнаетъ и вскрикиваетъ*) Охъ, такъ и е!... (*кидается къ нему на шею*) Братику мій!... Соколыку!... Лебедыку!... (*цѣлуетъ его нѣсколько разъ приговаривая*) Мій орлыку! Мій горобчыку! Мій снигирику!

Сумасводъ. Здравствуй, здравствуй, моя сестрица... Ну, какъ поживаешь?... вѣдь я тебя замужнею и не видѣлъ. Да какая ты красавица...

Настя (*перебивая*). Потрывай! Чы се ты вже у въодставку прыйшовъ?

Сумасводъ. Отъ-такъ!... Черезъ три года да и въодставку... Нѣтъ, я отпросился въ отпускъ... Недалече квартируемо, въ Чугуевѣ... Ротмистръ, добрая душа, отпустилъ на цѣлую недѣлю. А давно ты выйшла замужъ?

Настя. Та ще торикъ.

Сумасводъ. Гдѣ же твой мужъ? Хорошо ли ты съ нимъ поживаешь?

Настя. Де то вже не добре! Богатый, миры нема, усёго е... я сама соби господыня, усимъ гораздъ... одно тильки мыни... не дуже розумный, знаешь на цвиту прыбытый. Якъ же се водыться и я знаю, що за дурнемъ лучче и спокійнише жити, чымъ зъ розумнымъ, такъ я за нёго съ радистью пишла. Воно бъ то и ничого, такъ ревнывый соби на лыхо. Тамъ такый, що и не дывысь никуды, и не ходы никуды, и не знайся ни зъ кимъ. Просышся, просышся, на превелыку сылу выпросышся або до кумы, або до свахы, гляды, вже и бижыть и заганя и лае за що вздрыть. Вже ажъ голову мыни проивъ.

Сумасводъ. Ну, я съ нимъ поговорю... а пока, нѣтъ ли чего закусить.

Настя. Де то вже нема; ще мудрый борщъ зъ заячыною. Тутъ смихъ: учора у поли оравъ, та якъ-то зайця чы вбывъ соннаго, чы піймавъ, такъ и звеливъ борщу зварыты, самъ, каже, усе зьимъ; та отсе десь забарывся, нейде.

Сумасводъ. А ты возьми да этотъ борщъ отдай мнѣ скушать... Э! постой, знаешь что, сестра... проучимъ-ка твоего мужа по-нашеньски, по-солдатски?

Настя Щобъ-то якъ?

Сумасводъ. Я-то знаю какъ. Пойдемъ въ хату, пообѣдаемъ и посовѣтуемся, какъ его навести на умъ. (*Уходятъ*).

Явленіе 3-е.

Потапъ. (*Входитъ скоро*).

№ 2-й.

1-й куплетъ.

Казавъ мыни батько
Щобъ я оженывся,
До дивчатокъ не ходывъ
Тай не волочывся.
А я добрый хлопчикъ
Тай не волочывся,
Де дивчатокъ чувавъ,
То тамъ почувавъ;
А де молодычки,
То тамъ и дви нички.

2-й куплетъ.

Якъ я коня наповавъ,
Настя воду брала,
Якъ я Насти заспивавъ,
Настя заплакала.
А що кому до того,
Що я Настю люблю
И я своій Насти люби
Черевычки куплю.

3-й куплетъ.

Черевычки невелычки,
Панчишечки зъбабака,
Що бы моя Настя люба
Выбывала тропака,
Выбывала тропака,
Отъ такъ, якъ и я.

—

Чы то мыни такъ здалося, чы що? Такъ щось мотнулося у хату, мовъ жинка, та нехай Богъ мылуе, мовъ зъ москалемъ... Вжежъ на вдаку, якъ тутъ мене пылно жде обидаты, такъ щобъ приняла кого другого. Отъ такъ-пакъ! Потурай жинкамъ. Сказано, мужыка обнимае, а на халахура моргае... Колыбъ я змигъ, ябъ усихъ оттыхъ халахуривъ, що е и межъ солдатами и межъ школярами, та таки и межъ панами, усихъ бы перетопывъ, щобъ не заглядалысь на дивчатъ, та не пидморгувалы молодыцямъ. Лыхо зъ ными, тай годи. Отъ же бачъ и не выходыть жинка, а тутъ исты, ажъ шкура болыть.—Гей ты? Насте, Насте! (*хочетъ отворить дверь*) Бачъ, защепнулась. Видчины, Насте! (*Настя и Сумасводъ въ хатѣ хохочутъ*). Охъ, мыни лыхо! Тамъ соби регочутся, та у двохъ... (*Стучитъ крѣпко въ дверь*). Видчины швыдче, гаспыдська лычыно! Видчиняй поки ще....

Настя. (*выглядывая изъ хаты въ окно*). Хто тамъ товчется? Чы то ты, Потапе? Трывай лышень, заразъ видчыню.

Потапъ (*дразня ее*). Чы то ты, Потапе? То мабуть, ще кого ждала? (*Настя вышла*). А у хати хто?

Настя. А хтожъ буде у хати, колы я выйшла.

Потапъ. Ни, ты мыни кажы, зъ кымъ ты реготалась?

Настя. Тютю, реготалась! То я спала, а якъ ты ставъ стукаты, такъ я позихала.

Потапъ. Позихала! Колы на уси заставки зъ москалемъ ге, ге, ге, ге, ге! Позихала?

Настя. Зъ якымъ бы то москалемъ? Де винъ тутъ у гаспыда озьметься?

Потапъ. Де озьметься, колы я самъ забачывъ, що пиморгнувъ за тобою у хату.

Настя. Забачывъ! Колибъ бачывъ именно, такъ бы и такъ. Се такъ, якъ на тымъ тыжни—прытьмомъ хтось у хати е; колыжъ оглядився, такъ цуцыня.

Потапъ. Цуцыня! Кажуть тоби не цуцыня, а москаль, уланъ.

Настя. Дебъ то у насъ москали узялысь? Хибажъ тутъ постой, чы що?

Потапъ. Ты якъ захочешь, то знайдешъ; ты на те жинка. А пошукаю я у хати?

Настя. Пошукай соби хочь на хати, колы тоби николы.

Потапъ. (*идетъ въ хату, а Сумасводъ выскакиваетъ изъ хаты съ тенетами въ окно и бѣжитъ черезъ плетень на огородъ и тамъ скрывается. Черезъ нѣсколько времени Потапъ выходитъ, неся уланскую саблю*).

Потапъ. (Съ большимъ сердцемъ). А се що таке? Га?— Що се таке? Гадюко!

Настя. (*Равнодушно*). Де?

Потапъ. Отсе, отсе що? Не бачышъ?

Настя. Се мое мотовыло.

Потапъ. (*прилежно разсматриваетъ*). Яке мотовыло? Що се ты кажешъ? Мотовыло!

Настя. Мотовыло зъ моткомъ. Не жартуй бо, Потапе, пасма поспускаешъ.

Потапъ. Яке се мотовыло?.. Се щось уланське, тилки що его не знайшовъ. Кажы, де винъ! Не скажешъ, застрелю. (*Прицѣливается саблею*).

Настя. Та ну, годи жартоваты, кажу пасма поспускаешъ, тогди мыни наробышъ дила. Ке сюды, кажу (*Отняла у него саблю и мотаетъ съ нея будто нитки*).

Потапъ. (*Съ удивленіемъ смотритъ*) Бачъ и мота. А дежъ у тебе нытка? Де вона?

Настя (*показываетъ ему бутдо нитку, съ ласкою*) Ось бачъ, та тоненька-тоненька. Вже нихто такъ не напряде, якъ твоя жинка.

Потапъ. (*протирая себѣ глаза*) Мотовыло! Заховай же от-се мотовыло, якъ прыйде маты, покажы ій, чы сежъ мотовыло? А поки давай обидаты. Борщъ е?

Настя. Який тамъ борщъ?

Потапъ. Який? Зъ заячыною!

Настя. Чы не треба ще у гарбузъ перцю? Дебъ-то ты тіеи заячыны узявъ!

Потапъ. Де узявъ? Я учора піймавъ зайця.

Настя. Що се ты говорышъ? Хыбажъ ты собака, щобъ тоби зайцивъ ловыты? Охъ лыхо мыни зъ тобою!

Потапъ. Яке тутъ лыхо? Я оравъ, дывлюсь, заецъ лежыть, я пидкрався, та якъ урижу его кійкомъ по голови, винъ якъ перевернется, а я и узявъ и прынисъ тоби и сказавъ, щобъ мыни борщу зварыла зъ заячыною.

Настя. Охъ, горечко тяжке! Уже ты и зайцивъ ловышъ, вже и мого мотовыла не пизнаешъ... Що мыни бидній робыты? (*Притворяется, что будто плачетъ*).

Потапъ. Чи вжежъ то я не прыносывъ зайця?

Настя. Та далеби що ни!

Потапъ. Отже зовсимъ такъ здалося, що я его вбывъ и прынисъ тоби.

(*Во время этой сцены Сумасводъ показывается въ огородъ и проходитъ чрезъ сцену въ хату*).

Настя. То то и лыхо, що здалося. Почынено тоби, мій соколыку! (*Ласкаетъ его*) Почынено, колы вже и мотовыла не пизнаешъ. Охъ лыхо мыни!

Потапъ. Такъ се мотовыло?

Настя. Та далеби що мотовыло.

Потапъ. Заховай, заховай, що маты скаже. Дай же обидаты, що тамъ е?

Настя. А що е? Увесь ранокъ копала на вогороди, та и у печи не топыла. Тильки и е, що учорашня каша.

Потапъ. Ну дай же, душко, хочъ шматокъ каши, бо дуже исты хочу.

Настя. Заразъ вынесу. Не втикай никуды. (*Уходитъ въ хату съ саблею*).

Потапъ (*одинъ*). Хто ій зна, чыя правда. А щось не дурно въ мене въ очахъ зеленіе. Жинка жъ божится, що не прыносивъ зайця; божится, що мотовыло...

Настя (*приноситъ на тарелкѣ кашу и мотовило*). Нажъ, мій Потапочку, поижъ хочъ сухои кашкы, покы до вечора, зарижу курку, та мудрого борщу зварю. (*Садится близъ него и обнимаетъ его*).

Потапъ. Замисць заячыны, (*смѣется*) Ге, ге, ге, ге!

Настя. Та нубо не згадуй, ще хто пидслуха, та сміятыметься. Ижъ, мій Потапочку.

Потапъ. (*Увидя мотовыло*) А то въ тебе що?

Настя. (*Мотая нитки на мотовило*) Та сежъ мотовило, що ты звеливъ матери показати.

Потапъ (*взявъ мотовило, стучитъ имъ объ полъ*) Теперъ и не брязчыть.

Настя. Та годи-бо вже, мовчы та ижъ. А я ось заспиваю тоби писеньки.

№ 3-й.

Ой бувъ колысь Охримъ,
Та на лыхо дурный зовсимъ,
Въ него жинка та Кулына,
И весела, жартовлыва,
Та скакала часто въ гречку.

Потапъ. (*Съ полнымъ ртомъ каши*) Бачъ яка?—Щожъ винъ?

Настя.

Зъ мужыка вона сміялась
Тилько знай все женыхалась,
Мужыкъ плохый и байдуже,
Доглядается не дуже.
Дума такъ здается.

Потапъ. От-то дурный!—На-на тютю! (*хохочетъ*).

Настя.

Вона зъ солдатомъ верховодыть,
Мужикъ ни се, ни те городыть,
Звела зъ ума его зовсимъ,

Сміется бидненькій Охримъ!
Пошила его въ дурни.

Потапъ. Не знаю, якъ-бы такъ на мене, чы не провчывъ бы я и халахура и тебе? Щей ничого, ще мыни тильки помаячыло москалемъ, ще мотовила твого не пизнавъ, та я съ сердця трохы тебе не зъивъ. О! я злый; ты мене тильки не серды. Отъ-же, спасыби тоби, нагодовала мене добре; хочъ и безъ обиду, та гарно наився, и самои каши. Отъ за те тебе обниму и поцилую. (Между тѣмъ Настя тихо встала и ушла въ хату, а на ея мѣсто подсѣлъ Сумасводъ, который вышелъ изъ хаты съ саблею, при боку припоясанною).

Явленіе 4-е.

Потапъ и Сумасводъ.

Потапъ, (*утершись медленно оборачивается, обнимаетъ и цѣлуетъ Сумасвода, но увидѣвъ его, вскочилъ и кричитъ*).

Що се таке за проява?

Сумасводъ, (*не вставая съ мѣста*). Здоровъ, земляче!

Потапъ. Скажи ты мыни, що ты таке е? Видкиля ты прыйшовъ и чого тоби треба? Чы ты може....

Сумасводъ. Я себѣ уланъ простой, Сумасводъ.

Потапъ. (*осматривая его и указывая на саблю*).

На щожъ ты отсе почепывъ моей жинки мотовыло?

Сумасводъ. Гдѣ таки тутъ у чорта мотовыло? Видишь—сабля. (*Вынимаетъ саблю изъ ноженъ*).

Потапъ. (*струсивъ бѣжитъ отъ него*). Ой лышечко! Цуръ тоби, не рубай и мене, а жинку вже може на шматки порубавъ. Де моя жинка? Кажы, де вона? Вона тутечкы сыдила.

Сумасводъ. (*все подходитъ къ нему, а Потапъ подалѣе отходитъ*). А на чорта мнѣ твоя жена? Ябъ тебѣ и свою отдалъ, тамъ така сердита.

Потапъ. (*дѣлается смѣлѣе и подходитъ къ нему*). Охъ, братику, лыхо намъ видъ жинокъ! Послухай мене, якъ зъ нымы зправлятысь: сердься усе на неи та товчи развивъ по пять у день; отъ якъ я свою; такъ духа мого трепещетъ.

Сумасводъ. Чортъ съ нею и съ тобою! Я не затѣмъ къ тебѣ прышолъ. У тебя есть лошадь такая, что у насъ во всемъ полку такой нѣтъ.

Потапъ. (*насмѣшливо*). Коростява, та крыва на задню ногу.

Сумасводъ. Говори! Мы то знаемъ, что это за сокровище такое. Командиръ послалъ меня къ тебѣ, говоритъ: купи ту лошадь; што хотятъ, то и дай, а только купи. Хочешь? Вотъ тебѣ съ перваго слова пятьдесятъ рублей.

Потапъ. Охъ мыни лыхо... Се пару воливъ можно купыть! Колыбъ не роздумавъ.

Сумасводъ. Что, мало? Ну, такъ и быть. Даю сто рублей. Бей по рукамъ.

Потапъ. (*бьетъ по рукамъ*). Пожалуй, колы тоби... (*отъ радости не можетъ говорить*).

Явленіе 5-е.

Тѣже и Настя.

Настя. А що вы тутъ, торгуетесь?—Ты вже, Потапе, щось и продавъ, що по рукамъ бьешъ?

Потапъ. Жинко... Насте... Продавъ нашу патыку... беры въ него сто рубливъ.

Настя. Чы не дурный-же ты? Винъ бильше дасть... Зачимъ ты продешевывъ?

Потапъ. А я продешевывъ? Дасть двисти?—А ну, ну, скажи ёму, чы дасть двисти?

Настя. Охъ не хочу, не сылуй мене, я уланивъ боюсь. Якъ у день побачу якого, то ажъ трушусь цилу ничъ.

Сумасводъ. Что вы тамъ толкуете. Ну, говори, отдаешь за сто рублей, вотъ и деньги.

Потапъ. Та ни... не можно, такъ дешево буде.. колыбъ двисти....

Сумасводъ. Пожалуй, мнѣ деньги не счотъ, только нужно прежде осмотрѣть. Ну-ка, хозяюшка, веди меня въ хлѣвъ къ лошади, мы тамъ вмѣстѣ съ тобою её осмотримъ.

Настя (*съ радостью собираясь идти*). Ось заразъ, служивый...

Потапъ (*удерживая ее*). Э ни, ни, ни! Трывай лышень. Такъ негодыться розглядаты. Я самъ свого коня приведу... Э! та якъже я у двохъ ихъ зоставлю?... а лыхо тай годи!...—Пидить, господа служба, сами, отъ тамъ кинь у хливи стоить; оглядить соби.

Сумасводъ. А чтобъ ты не дождалъ, что-бы я по чужимъ закаулкамъ самъ расхаживалъ. Не хочешь, чортъ съ тобою и твоею лошадью.—Пойду и скажу командиру, что не продаешь.

Потапъ. (*въ сторону*). Се бачу такъ соби... думавъ що мене дома нема, та до жинки бъ-то?... Не на таковського напавъ. (*Ему*) Ійдить-же швыденько, ійдить видсиля. Сказано не продаю. Ійдить же, ійдить. (*Провожаетъ Сумасвода и все оборачиваетъ его назадъ, когда тотъ уходя смотритъ на Настю. Потомъ видитъ, что и Настя смотритъ на Сумасвода,—бросается къ ней и отворачиваетъ ее. И то и дѣло бросается отъ улана къ женѣ, а отъ жены къ улану, повторяя слова*): Та ійдить, ійдить (*Женѣ*). Та не дывысь на нёго!... Чого ты дывышся? (*Когда уже уланъ ушолъ, онъ возвращается къ женѣ*) Чого такы такъ пыльно приглядатысь? Якъ тутъ, такъ и не страшный. Ой ты добра! (*Въ это время Сумасводъ выходитъ и разставляетъ тенеты*).

Настя. Ну тебе у болото зъ нымъ! То я зъ переляку дывылась, щобъ винъ тебе, мого соколыка, не застреливъ отътымъ, що у нёго при боци высыть...

Потапъ. Будто бъ-то я и дався ёму!...—А такъ и е, твоя правда. То не мотовыло, я самъ разглядувавъ...

Настя. Та ну вже годи, не згадуй. Ще хто почуе, то сміятеметця. А лучше знаешъ що, мій Потапочку, якъ ты теперь гарненько пообидавъ...

Потапъ (*хохочетъ глупо*). Борщу зъ заячыною?...

Настя. Та не згадуй, кажу тоби: вже чого бъ то тамъ ни було, та пообидавъ-же, такъ теперь ты иди у хату, та спочынь трошки, а я пиду до матери на часынку попрохаты, щобъ до насъ прыйшла. Прощай, мій голубчыку Потапчыку, прощай. (*Уходитъ*).

Потапъ. Ійды здорова [1]). А справди пиду въ хату, та ляжу спать. (*Позихаетъ, спѣшитъ итти въ хату, попадаетъ въ тенеты, которые Сумасводъ разставилъ, кувыркается, запутывается и кричитъ*) Ой лышечко, попавъ у тенеты, мовъ заець!... А говъ, жинко! Жинко! вернысь-ке лышень сюды, вернысь, та выратуй мене. (*Барахтается и больше запутывается и все кричитъ*) Ой! ой! ой!

№ 4-й.

Ой ратуйте люды
Дуже я злякався,
Мовъ той звиряка,
Въ тенеты попався,
Бачь жинка зъ уланомъ,
Гуляе и скаче,
Що мужыкъ стражда
Вона и не плаче.
Ой Потапе сердега,
Тутъ ты пропадай
Убьють замисць вовка,
Гай, лышечко, гай, гай!

---

[1]) Послѣ этихъ словъ, какъ было упомянуто выше, въ рукописи имѣется вставка, написанная на вклеенномъ въ тетради листкѣ бумаги и сдѣланная очевидно для того, чтобъ дать возможность исполнителю роли Потапа спѣть лишнюю пѣсню; почему эту вставку, какъ сдѣланную неизвѣстно кѣмъ въ угоду исполнителю означенной роли, приводимъ въ выноскѣ.

Сказавши: „Ійды здорова", Потапъ продолжаетъ.

Потапъ. Ну щожъ оце теперъ я буду робыты, чы вже то иты спаты, якъ жинка сказала.—Ни, люба Настю, такъ не гаразды. А лучше отъ що: щобъ мыни весилйше стало на сердци, я заспиваю соби ту писню, що у насъ Макогоненко спивавъ.

№

Ой пидъ вышнею, пидъ черешнею
Стоявъ старый зъ молодою, якъ изъ ягодою 2.
И просылася и молылася:
— Пусты мене, старый диду, на улыцю погулять 2.
Ой и самъ не пиду, и тебе не пущу:
Хочешь мене старенького та покинуты!
Ой не кидай мене, моя голубонько!
Куплю тоби хатку, и ще сина жатку,

А говъ! Жинко! Жинко!—Вона впьять скаже, що то мыни такъ здавалось... Ну ну, такъ що здается... Хтожъ це тутечка мои тенеты розставывъ... Ой лышечко, чы не москаль за одно зъ Настею... Такъ, такъ и е... вона мабуть до него то и побигла... У-у-у-у! щобъ-то зробывъ я, колыбъ вырвався... Эге, не можно, хочъ якъ, та не можно выплутатысь... Ну, я ій дамъ... хиба не вырвусь...

Явленіе 6-е.

Настя (*Переодѣтая уланомъ*) и **Потапъ** (*Въ тенетахъ*).

Настя.

№ 5-й.

Иде уланъ по селу
Шабелькою брязь-брязь,
На дивчину усомъ моргъ,
Та у шпоры лясь-лясь.
Постривай лышъ улане
Не моргай усами,
Не озовуся я до тебе
Чорными бровами.
Уланъ крутыть черный усъ
Шабелькою брязь-брязь
До дивчины усмихнувсь,
Та у шпоры лясь-лясь.
Горда ты?—Я въ шынокъ,
Та выпью тамъ чарку,
Приголублю я до себе
Вродлыву шынкарку.
Пишовъ уланъ танцюючи,
Шабелькою—брязь-брязь,

И ставокъ, и млынокъ, и вишневый садокъ.
Ой не хочу я хатки, и ни сина жатки,
Ни ставка, ни млынка, ни вышневого садка.
Ой ты старый дидуга, изогнувся, якъ дуга,
А я молоденька гуляты раденька 2.
Отъ теперъ часъ идты отдохнуты—пиду, ляжу.

Шапку сыню на бакиръ
Та у шпоры лясь-лясь.

—

Де жъ се моя Настя? Казала, звистку подамъ, якъ мужыкъ куды повіетця; подала, я й прыйшовъ, а іи нема.

Потапъ. Охъ мыни лыхо! Опять уланъ! И троха се вже чы не другый... Такъ и е! Якъ мухы до меду, такъ уланы до мене посыпалысь... Охъ! Охъ! Охъ!

Настя. Хто тамъ стогне? Чы не моя душка Настя? Де ты? Озовыся.

Потапъ, Ось-осьдечки я!... Ажъ у тенетахъ.

Настя. (*подойдя къ нему*). Чого ты сюды забрався? Або хто тебе запроторывъ сюды?

Потапъ. Та такы нихто. Знаешъ, пообидавъ мудро, захотилося спаты, такъ я у тенеты, знаешь на прохолоди, щобъ мухы не кусалы, тай заплутався трохы. Ось выплутай мене, Господа служывый!

Настя. Изволь, землякъ!... (*будто хочетъ его выплутать. Вдругъ останавливается*) А хто жъ ты такый? Ты може...

Потапъ. Та ни, се не я! Ей же то Богу, що се не я. Выплутай тилки.

Настя. Такъ ты може самъ и е Потапъ?...

Потапъ. Та де мыни до Потапа! Я тилки батракъ его. А щожъ якъ бы я Потапъ?

Настя. А бачъ що: его Настя, та любытъ мене вже мисяцивъ зо два, и якъ Потапа нема дома, то я й до неи, та соби и гуляемо.

Потапъ. Бачъ яка ласа до уланивъ! Одынъ жде, а вона зъ другымъ у хати гуляе.

Настя. Іо гуляе? А поведы мене, пидкрадемось, та подывымось що воны роблють?

Потапъ. Такъ выплутай же мене попереду.

Настя. Може ты самъ Потапъ? Кажы-бо: Чы ты именно Потапъ?

Потапъ. А на щожъ тоби?

Настя. Колы ты справди Потапъ, то я тутъ тоби голову зрубаю, щобъ безъ тебе намъ любытыся воля була.

Потапъ. Такъ ни жъ! Я ще теперъ и билшъ не Потапъ. Не бійся, ослобоны тилки мене, я тоби у великій прыгоди стану.

Настя. Щобъ то якъ?

Потапъ. Такъ, що якъ пиду куды... чы то пакъ: якъ Потапъ куды пійде, такъ я за тобою и прыбижу.

Настя. То ты кажешъ, що вона и другого любыть?

Потапъ. Любыть, братику! Тутъ мыни такый розоръ зъ нею, що ну!

Настя. А тоби жъ що? Адже ты не Потапъ? Хиба и ты любышь іи?...

Потапъ. Та, ни, ни, я овси не Потапъ... Я кажу, що Потапови бида!.. Ось тилки выпусты мене, то я и поведу тебе до Насти и застукаемо ихъ зъ другымъ. Его проженемо, а ты зостанешся. (*Въ сторону*) Лыха матери дождешся! Абыбъ тилки ослобонывъ.

Настя. Не знаю... якъ то воно буде?

Потапъ. Та буде такъ, якъ я кажу. А ще зверхъ того, цилый годъ буду дядькомъ зваты.

Настя. (*Освобождаетъ его*) Ну, добре.—Давай руку... та сюды-бо... бачъ якъ заплутався, мовъ справди звиряка.

Потапъ. (*встаетъ и оправляется. Въ сторону*) От-такъ ты дурныка дуры! И племинныкомъ не буду зваты, не тилки дядькомъ и не до Насти тебе доведу, а геть съ двора протурю.

Настя. Ну, ведыжъ швыдше до Насти!

Потапъ. Бачъ якъ кортыть тебе до Насти, а ще й молодый, катъ ма и усивъ. Чого ты такый молодый пишовъ у уланы?

Настя. О, земляче! Колы правду тоби сказаты, такъ крипко люблю уланивъ. Де ихъ забачу, такъ ажъ жыжки трусются.

Потапъ. А ты десь соби знай за дивчатами та за молодыцями?

Настя. И вже—то ни! Воны мыни уси дарма. Тилки и люблю, Настю твою... Чы то пакъ... Потапову жинку...

Потапъ (*въ сторону съ досадою*). Бодай тебе любыла! (*Ей*) скажы мыни, голубчику, по самій истынній правди: чи Настя жъ тебе любыть?

Настя. Ов-ва!

№ 6-й.

Мене поправди люблятъ вси,
И военни, и купци,
И паны не забуваютъ,
Вси на мене поглядаютъ.
Бо бачъ що лычыко румяне,
На що ни подывысь, все гарне,
Якъ очыци поведу,
За живитъ берутся;
Бривонькамы моргону
На стину дерутся.
Або якъ озьмуся въ боки
Та пиду у пляскы, скоки
Гопъ, Гопъ, Гоцо—цо,
Не всыдыть тогди нихто!
Писенекъ якъ заспиваю...
Те и чую, похваляютъ.
Таке й мыни выйшло счастьтѣ,
Якъ бы й самій твоій Насти.

Потапъ (*присматриваясь на нее*). Якъ такы такого жывчыка и не любыты? Щобъ-то було, якъ бы по полкамъ, та половына солдативъ було такыхъ, якъ ты?

Настя. Э! Лыхо було бъ! Николы було бъ и воеватысь и муштроватысь, а всебъ малы женыхатысь.

Потапъ (*все болѣе присматривается*). Тай наробылыбъ усякого дыва! О що ты, голубчыку, здаешся на мою Настю!.. Я й не думавъ, що й межъ уланами така е.

Настя. Отъже бачъ, ты пробрехався. Ты кажешъ, що твоя Настя? Такъ ты есы Потапъ.

Потапъ. Та цуръ ему видъ мене!.. Я кажу... моя... хозяйка (*Въ сторону*) Адже и не брешу.

Настя. Веды жъ мене до твоеи хозяйки.

Потапъ. Та добре... тилки ій нема дома, а я знаю де вона... я тебе туды направлю.

Настя. А ну, ну, де вона?.. Чы знаешъ?..

Потапъ. Вона?.. Ось тамъ, якъ выйдешъ изъ воритъ, то ійды вулыцею, а тамъ у провулокъ, а тамъ впьять пиды вулыцею, та тыць!.. Буде колодязь, а биля его хата безъ синей, тамъ живе глуха Стеха, такъ у неи допытайся де теперь Настя (*Въ сторону смѣется*). А ій и у тыждень не докрычышся (*Настѣ*) Чего жъ задумався? Чы второпавъ?

Настя. Якъ-то не второпаты?.. Якъ разъ усе знаю. Прощай же... (*Настя идетъ къ хатѣ*).

Потапъ. (*Заливается отъ смѣха*). Ійды здоровъ.—Направывъ добре; и черезъ руській мисяцъ не знайде Насти.

(*Увидя, что Настя идетъ къ хатѣ*) А куды жъ ты, куды?.. Та не туды, ійды у ворота. (*Бѣжитъ за нею, но Настя вбѣгаетъ въ хату и запираетъ за собою дверь*). А бодай тебе! Такы й шморгнувъ! Се зовсимъ бида видъ уланивъ! (*Сумасводъ и Настя хохочутъ въ хатѣ*) Бачъ! На взаводы регочутся!.. Пропавъ бидный Потапъ! Тамъ ихъ бачу и десятка два. Бачъ якый регитъ! Напасть зовсимъ!—Пиду до отамана або що: уланы, скажу, зовсимъ одолилы.

Явленіе 7-е.

Потапъ и Сумасводъ (*Переодѣтый женщиною*).

Потапъ. (*Увидѣвъ его*) Дывысь, дывысь, що се таке е?..

Сумасводъ. Добрыдень тоби, дядьку!

Потапъ. Здорова була, титка!.. Скажы ты мыни, що ты таке е?..

Сумасводъ. Адже бачъ, молодыця; колысь була дивкою и усе ждала, щобъ ты мене узявъ. Такъ бачъ-бо поквапывся на другу. Дарма! Мы й такъ будемо любытыся, мій голубе сызый, (*Хочетъ обнять его*).

Потапъ. Цуръ тоби и зъ тобою.—Колыжъ ты е молодыця, то чому у тебе такы усы, якъ у нашого кота?..

Сумасводъ. Эге!.. Я-бо, безъ сорома кажучи, я соби видьма. У видемъ завсегда усы е.

Потапъ. И не пыката ни трохы.

Сумасводъ. Абыбъ ты мене полюбывъ, то мыни й дарма.

Потапъ. Не хочу, не хочу. Въ мене жинка сердыта, ревныва дуже. Якъ вздрыть тебе, то и попобье, та ще й мыни достанется. (*Въ сторону*) Тилки що на жинку звернуты, абыбъ якъ видчепытысь.

Сумасводъ. Потурай жинци! Ій теперъ николы: въ неи уланивъ до пропасти. Бачъ якъ регочутся. От-тамечка зъ десятокъ ихъ зибралося.

Потапъ. Не бійсь, воеватысь нейдутъ, а усе то до молодычокъ. Ой си мыни уланы, ажъ у печинкахъ сыдятъ! Паньматко, видьмочко, знахурко, голубочко! Зробы такъ, щобъ воны видсиля зчезлы, а щобъ жинка мене самого любыла.

Сумасводъ. О! якъ разъ зроблю, тилки поцилуй мене трычи, въ смакъ...

Потапъ. Та далеби що не хочу!.. Бачъ, яка ты погана?.. И тварь на тоби не чоловича!..

Сумасводъ. Дарма, дарма вже, тилки поцилуй хочъ разочокъ. (*Пристаетъ къ нему и кусаетъ его за щеку*).

Потапъ. (*Кричитъ*). Ой! Ой! Мовъ укусыла!.. Буду тямыты, якъ зъ видьмамы циловатысь! Теперъ же що?..

Сумасводъ. (*ласкаясь къ нему*). Теперъ мы, душко, зъ тобою....

Потапъ. Не хочу, не хочу ничого!... Прыверны до мене жинку, билшъ мыни ничого и не треба.

Сумасводъ. Попередъ усёго, треба тебе перевернуты у коня....

Потапъ. И сего не хочу! Якъ стану конемъ, то на мыни уланы поидуть, а тутъ дома лыхо буде....

Сумасводъ. Правда твоя. Ну такъ собакою переверну тебе?..

Потапъ. И того не хочу. Захочу що сказаты тай брехатыму, якъ та собака.

Сумасводъ. И то правда. Ну такъ сядь же квочкою.

Потапъ. Щобъ-то якъ?

Сумасводъ. Отъ сядь тутъ у куточку, тай квокчы, покы я зильячка зварю та напою тебе. Чы вміешъ-же кудкудакаты?..

Потапъ. Не хытра штука. Умiемо. Швыдко жъ ты вернешся?

Сумасводъ. Та отъ заразъ же и прыбижу. Сидай-же, сидай, та колы хто и прыйде до тебе, и буде говорыты, то не кажы ничого, тилки квокчы, та куткудакай. (*Усаживаетъ его*). Ногыжъ пидберы пидъ себе, щобъ не выдно було, що ты е чоловикъ. Квокчыжъ!

Потапъ. (*Усьвшись*). Квокъ... квокъ... кудкуда... кудкуда...

Сумасводъ. От—такъ, гараздъ. Такы точнисинька квочка!. Сыдыжъ такъ, я побижу зильячко варыты. Тилки знай, колы тебе хто зведе, то усе пропало, я вже ничого не зроблю и не прыйду до тебе. (*Уходитъ*).

Потапъ (*одинъ*). Куд — куд — куд — куда!.... Кудкуда!... Квокъ... квокъ... квокъ!...

Явленiе 8-е.

Потапъ (*сидитъ*) **и Орышка.**

Орышка, (*входя*). Прысылала Настя наймычку, що вже, каже, Потапъ зовсимъ одуривъ. Лыха годына, тай годи!... Де то винъ, мiй сердешный.

Потапъ. Квокъ... квокъ... квокъ!

Орышка. Бачъ де?... Чого ты тамъ сыдышъ?

Потапъ. Кудкуда... куд... куд... куд... кудкуда!...

Орышка. Що се зъ тобою сталося?... Чого ты тамъ...

Потапъ. Кудкуда... кудкуда... квокъ... квокъ... квокъ!...

Орышка. Та що се ты зъ собою робышъ?... Чого ты квокчешъ, мовъ тая квочка?... (*Потапъ продолжаетъ квоктать*). Се лыхо зъ нымъ, тай годи? Устань, кажу тоби, та iйды домене. (*Потапъ опять продолжаетъ квоктать*). Що мыни зъ нымъ на свити робыты?... Пропавъ чоловикъ!... Вже що буде, то буде, а зведу ёго. (*Идетъ къ нему и хочетъ взять его*).

Потапъ (*машетъ руками и кричитъ*). Кудкуда.. кудкуда... кудкуда...

Орышка (*насильно сводитъ его*). Та скильки хочъ крычи, а я таки зведу тебе, (*одолѣваетъ его, схватываетъ за руки и поднимаетъ*).

Потапъ, (*сопротивляясь все кудахталъ, потомъ, когда всталъ, говоритъ съ сердцемъ*). А щобъ васъ, мамо! На що вы мене звелы? Теперъ усе пропало!

Орышка. Якъ-такы не звесты, колы зовсимъ дуріешъ?... И що тамъ таке пропало?

Потапъ. Отъ же пропало, що вже видьма ничого нехоче робыты...

Орышка. Яка видьма?...

Потапъ. От—та погана, пыката, та съ прездоровенными усами, мовъ нашъ Мурло!... Що мене полюбыла, та отъ мене поциловала, що ажъ и доси болыть!

Орышка, (*всплеснувъ руками*). Охъ моя годыночко лыхая!.. Що се винъ розсказуе?... Та се тоби сыну такъ здается.

Потапъ. Ни, мамо. Се вже не здается; бо я самъ ѐ именно я. Бо якъ впавъ въ тенеты, такъ именно я забывся крипко дуже, а нихто другый. Сего вже не скажу, що не я.

Орышка. У яки тенеты?... Де воны тоби узялыся?...

Потапъ. А катъ ихъ зна! Тилки я знаю, що впавъ я̀ и забывся я̀, а не хто. Спасыби уланъ мене выратовавъ, та вже, мамо, не той, вже другый.

Орышка. Та видкиля узялыся тыи уланы!... То, колы хочешъ знаты....

Потапъ, (*перебивая*). Та тутъ ихъ, мамо, до пропасти. Видьма каже, що ихъ ажъ съ десятокъ. Онъ у хати сыдять, та чуешь якъ регочутся съ Настею.

Орышка. Куды вже ій реготатысь!... Слухай сынку, мій Потапочку!... Чы ты мене второпаешъ, якъ що казатыму?...

Потапъ. А якъ же, мамо, я усе знаю, бо се я теперычкы, отъ хочъ вщыпны.

Орышка. Винъ усе свое. Слухай сюды: Я пиду на часынку до ликара, а ты сыды тутъ.

Потапъ. Та що?... Хочъ и сыдтыму и квоктатыму та ничого не буде, видьма казала.

Орышка. Винъ такы знай свое товче!... Та яка видьма? Се я, я, маты твоя; такъ отъ я пиду на часынку, а тебе прошу и прыказую, якъ маты, сыды тутечка, видыходь видъ жинкы и

видъ усякого, не кажы ничого никому, а пуще усего рукамъ воли не давай. Чы понятно жъ?...

Потапъ. Эге!

Орышка. Чы зробышъ же?...

Потапъ. А тожъ!...

Орышка. Прощай же, сынку. (*Уходитъ*).

Потапъ. Ійдитъ здоровы. (*Подумавъ*). Хмъ! Такъ от—се треба матери слухаты? И жинци волю даты? А самому мовчки видыходыть видъ неи?... Хмъ!... Не знаю, мамо, чы гараздъ такъ буде? Эй Потапе, Потапе! Сказано: Людей послухай, а свій розумъ май.

№ 7-й.

Щобъ я мавъ мовчаты?
Волю жинци даты?
Щожъ, якъ тее—то?...
Быты вже не що!
Ой не вирь жинкамъ;
Лыхо зъ ными намъ!
Шморгъ! вона вже й права:
Всяка зъ ныхъ лукава!

Явленіе 9-е.

Потапъ и Настя, (*одѣтая цыганкой*). **Настя** (*поетъ и пляшетъ*).

№ 8-й.

Ой хто хоче грошей,
А хто жиночки хорошей;
Всимъ я ворожыты маю,
Бо все видаю, все знаю,
Кому счастья, диточокъ?
Дай лишь тилки пьятачокъ.
Гей парлости,
Ліодзни, джости,
На всякую голову дже!

Потапъ, (*удивляясь*). Що се за проява така?

Настя. Чы не треба тоби, чоловиче добрый, объ чимъ поворожыты?...

Потапъ. Цуръ тоби видъ мене, Мара свитова!

Настя, (*приступая къ нему, говоритъ скоро*). Чи не поворожыты объ тоби, объ жиночци, объ диточкахъ?... Чы поихавъ, чы пишовъ хто куды? Або де твій таланъ, де счастья, у чомъ кохатысь, де грошей узяты, де заробыты, де знайты, на чимъ

якъ придбаты?... Або трясцю зыгнаты, лихоманку видшептаты, бешыху, уроки, остуду зняты, соняшныць заварыты, язычокъ пидняты, або чы не хочъ зо мною поскакаты?...

Гей парлости,
Лёдзни, джости,
На твою голову дже!

Потапъ (*отступая отъ нея, машетъ руками*), Кышъ, кышъ, геть видъ мене, геть; чипъ, кажу тоби, чипъ! Аля! колы чести не знаешъ... Противъ ночи у вичи лизе, ажъ страшно!

Настя. (*Такъ же*) Усе—усе зроблю, усего наворожу, усе видверну, усего прыверну...

№ (*тотъ-же*)

Въ мене думка ось така:
Ось дай мыни пятака,
Тогди то вже я зъ тобою
Здружусь мовъ рыбочка зъ водою
Гей парлости,
Ледзни, джости
На твою голову дже!

Потапъ.

Въ мене думка ось яка:
На тоби пьятака,
Но не хочу я зъ тобою,
Жыты рыба якъ зъ водою
(Дразнитъ ее) Джости—хвости,
Пидъ парлости,
Нехай тоби дже!

Видчепысь видъ мене, Гаспыдське зилья, коноводка! (*Присматриваясь на нее, въ сторону*) Бачу и межъ цыганками е така, якъ моя жинка. Така, точнисинько така, тилки поганиша.

Настя. Ой счастливый, уродлывый, у во всимъ тоби таланъ: и у счастьи, у здоровьи, у ходоби... тильки у жинци нема талану.

Потапъ. Щобъ-то якечкы? Ану видгадай, видгадай!

Настя. (*смотря ему на руку*). Ты ій любышъ, миры нема; а вона ще билшъ любыть...

Потапъ. Іо?..

Настя. Любыть, та не тебе, а отъ того, що у куцимъ каптани, та зъ чорными усами...

Потапъ. Себъ-то, себъ-то...

Настя. Румяного, молодого...

Потапъ. Себъ—то улана?

Настя. Эге! Не що. Іого любыть, а тебе обманюе. Ты на верби груши исы, а вона съ нымъ перекидается, обнимается, женыхается.

Потапъ. Бачъ усе зна! Такъ зразу и видгадала. Скажыжъ ты мыни, чы то я бачывъ, чы хто другый?..

Настя. Та тыжъ самъ, самъ бачывъ те усе.

Потапъ. А ну вщепны мене. (*Она его щиплетъ*) Ой! Такы точнисинько якъ жынка щыпа. Такъ сежъ бачу вже я, певно я.

Настя. Та ты и тогди бувъ ты, тилки вона тебе обманювала.

Потапъ. Здилай милость, цыганочко, голубочко, паньматочко! Видворожы щобъ вона не любыла того мерзеного улана.

Настя. Такъ гарный—бо, якъ его не любыты...

Потапъ. Та нехай буде не гарный, нехай его не любыть и никого не любыть, тилки мене самого.

Настя. Ворожыты теперь не можно, нехай на молодыку. А ты отъ що зробы: вона каже, що тоби усе здается, такъ ты ничью озьмы, тай острыжы ій голову, якъ долоню. Вона буде на тебе жалковаты, а ты и скажешъ, що тоби такъ здавалось. От—такъ и усе тоби здавалось.

Потапъ. А добрежъ, добре. Зроблюжъ, зроблю. Щобъ пропавъ, колы не обчикрыжу ій уси патлы. От—се такъ. Ой спасыби жъ тоби, цыганочко, моя голубочко!

Настя (*поетъ*).

№ *тотъ-же*).

Ой хто хоче грошей и *проч.* (Съ пляской уходитъ).

Потапъ (*одинъ*). Будь я пескый сынъ, колы не обстрыжу!.. А що, скажу, Насте! Се мыни усе здавалося? И уланъ, и заецъ, и женыхання, и мотовыло здавалося?.. Га?..—О злая гадюко!

Бачъ якъ обманювала!.. Де то мои ножыци. (*Идетъ въ сарай и выноситъ большія ножницы и большой брусъ*) Погострыты бъто ихъ, щобъ лучче брали.

№ 9 (*остря ножницы*)

А що скажешъ ты, патлата?
Зо мной не знайсь за панибрата,
Я буцимъ—то и сплю... лежу...
А пидкрадусь и обстрыжу.
Тилки чыркъ—чыркъ—чыркъ
Вона сюды зыркъ—зыркъ—
Встала въ ранци писля бани
Обстрыжена мовъ та пани. (*Хохочетъ*)
Вси на неи зыркъ—зыркъ!
Уси зъ неи кыхъ—кыхъ! (*Сильнье хохочетъ*)
Колыбъ мене не взявъ смихъ,
Якъ я іи чыркъ—чыркъ!!
(*Остритъ ножницы*).

Явленіе 10-е.

Потапъ и Настя, потомъ **Орышка и Сумасводъ**.

Настя (*въ своемъ видѣ*). Здоровъ, Потапе! Що спочывъ ты хоть трошкы... я ходыла до матери...

Потапъ. Ага! Попалась въ мои руки... Ось я тоби теперь дамъ...

Настя (*бѣгаетъ по сценѣ съ крикомъ, а тотъ за нею гоняется*). Ой лышечко! Ой ратуйте, хто въ Бога вируе...

Орышка и Сумасводъ (*выбѣгаютъ обое*).

вмѣстѣ

Орышка. Що се таке, що се? За вищо ты іи бьешь?
Сумасводъ. Что здѣсь за шумъ?

Настя. Охъ Мамочко! Лыха годына прыйшла. Потапъ зовсимъ здуривъ и хоче мыни голову зирваты.

Потапъ. Та я мамо, зовсимъ не зирву, а тилько обстрыжу волосья, та добре побью, щобъ не обманювала мене, та не циловалась зъ уланами...

Орышка. Съ якими уланами? О, дурный та божевильный! Що ты будешъ зъ нымъ робыты. Зовсимъ, обезумивъ. Ой Потапе, Потапе! якъ же ій братика не циловаты?

Потапъ. Якого братика?

Орышка. Ридного свого братика, Ивана, що у уланахъ служыть.

Потапъ. А га—га—га—знаю. Такъ се винъ? здоровъ будь пане брате, господа служба. Скажыть же мыни, що се вы отъ це цилый день зо мною робылы?

Сумасводъ. Это мы тебя обманывали за то, что бы ты не обижалъ моей сестры и не ревновалъ ее ко всякому. Колдунья былъ я, а другой уланъ и цыганка—была Настя.

Потапъ. А! Э!.. Чы справди такъ?

Настя. Такъ, Потапе! И слухай, що я тоби при матери и при братови скажу: колы ты хоть разъ ще задумаешъ мене ревноваты, то я тебе такъ обдурю, що и чортъ не пизна. Тебе не довго у дурни пошыты.

Потапъ. А що жъ, що правда, то правда.

Сумасводъ. А если я услышу, что ты мою сестру обижаешь, такъ я тебя по—солдатски проучу

Потапъ. Братичку, голубчику! И ты жинко моя, любко моя, отъ передъ вами божуся и запрысягаюся: колы я сее, або тее, або онее, або або—що, або не то що, то нехай мыни Богъ зна що, отъ що!—Що не буду ій ревноваты до суду до вику. И якъ тямлю, що я перетерпивъ сегодня, такъ и дитямъ и унучатамъ и усему роду закажу, щобъ не ревновалы.

№

Эй ты, Насте, не дрочыся! 2
Пожалій (хочъ на бѣду)
Твого мужа Левурду.
Схаменуся!

Настя.

Не плачь, мужу, не журыся! 2

Потапъ.

Не забудьте Ланця,
Потапа поганця,
Покорюся!

Настя.

Будь же, мужу, мни послушнымъ.

Потапъ.

Тоби покоряюсь,
На все соглашаюсь,
Прямодушно.

Всѣ.

Де згода въ семійстви, де миръ и тишина,
Счастлыви тамъ люды, блаженна сторона,
Ихъ Богъ благословляетъ,
Добро имъ посылаетъ
Изъ ными викъ живетъ!

Документы, извѣстія и замѣтки.

Предписанія князя Репнина по поводу холеры въ 1830 г.

Только что пережитая Кіевомъ холерная эпидемія (по крайней мѣрѣ будемъ надѣяться, что она уже миновала) вызываетъ въ памяти воспоминанія о томъ, какъ въ прошлое время переживали такія эпидеміи и какъ къ нимъ относились, въ виду чего, мы полагаемъ, можетъ представить интересъ и сообщаемое ниже предписаніе Малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина по Полтавской губерніи, относящееся къ холерной эпидеміи 1830 года; причемъ добавимъ, что дополнительныя свѣдѣнія о развитіи этой эпидеміи читатели могутъ найти въ недавно изданномъ трудѣ г-жи Л. Павловской: «Холерныя годы въ Россіи».

Н. Шугуровъ.

Его Императорскаго Величества Генералъ Адъютанта, Малороссійскаго военнаго Губернатора Генерала отъ Кавалеріи Князя Репнина.

Открытое предписаніе по Полтавской губерніи.

Дошло до меня свѣденіе, что по случаю появившейся въ смежныхъ Губерніяхъ болѣзни, называемой Холера Морбусъ, многіе жители приходятъ въ уныніе и боятся послѣдствій оной, по слухамъ якобы болѣзнь сія есть прилипчивая и неизлѣчимая; сіе побуждаетъ меня обратиться лично ко всѣмъ жителямъ Полтавской Губерніи, особенно къ простолюдію: козакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ, какъ казеннымъ, такъ и помѣщичьимъ, и увѣрить ихъ, что описаніе сіе совершенно неосновательно, ибо: 1-е, болѣзнь, вблизи насъ находящаяся, не прилипчива, какъ чума, отъ прикосновенія, слѣдственно и неопасна, какъ моровая язва; 2-е, болѣзнь, вблизи насъ находящаяся, излѣчивается, коль скоро давать помощь сначала оной.

Удостовѣряя о семъ всѣхъ жителей Полтавской Губерніи, изложу я однакожъ совѣты для предохраненія себя отъ оной, и потому приглашаю всѣхъ и каждаго:

1-е. Твердо уповать на милосердіе Божіе и ходатайство за насъ Спасителя нашего, отвращающаго отъ прибѣгающихъ къ нему всякія нещастія.

2-е: Вѣрить равномѣрно отеческому попеченію Всемилостивѣйшаго Государя нашего, обратившаго уже особенное свое вниманіе на прекращеніе сей болѣзни, также и потому, что я, исполняя высочайшую волю Его Императорскаго Величества, употреблю всѣ мѣры къ недопущенію вторженія оной болѣзни въ Полтавскую Губернію.

3-е. Послѣ сего быть спокойну и заниматься своими обязанностями, дѣлами и работами по прежнему.

4-е. Одѣваться какъ можно теплѣе, особенно же выходя на воздухъ въ сырую погоду; рубахи и портки почаще мыть.

5 е. Хаты содержать въ чистотѣ, опрятности и теплотѣ, выпося изъ оныхъ соръ, и вывозя изъ двора навозъ и всякую нечистоту.

6-е. Не ѣсть сырой и гнилой пищи, особенно арбузовъ, дынь, яблокъ, сливъ, грибовъ и всего, что можетъ производить броженіе и ворчаніе въ желудкѣ.

7-е. Не спать на открытомъ воздухѣ.

8-е. Въ хатахъ излишнему народу не сбиваться и многимъ въ хатѣ не ночевать, особенно если онѣ сыры.

9 е. Не употреблять въ излишествѣ пьяныхъ напитковъ, но чарка настойки изъ полыня или звѣробоя весьма полезна, невзрослымъ давать, смѣшавъ одну чарку настойки съ тремя чарками теплой воды, и давать по одной чаркѣ въ день, а малолѣтнимъ совсѣмъ не нужно.

10-е. Не выходить на воздухъ съ тощимъ желудкомъ, но съѣсть прежде кусокъ хлѣба съ солью, лукомъ или чеснокомъ.

11-е. Пить дегтярную воду, которая укрѣпляетъ силы и поправляетъ желчь; а составить ее: положить на ведро кипячей воды полквварты дегтю и мѣшая покуда остынетъ; напитокъ сей къ настоящему случаю весьма полезенъ и здоровъ, сырой воды мало пить, а плодовые квасы и сыровецъ вредны, и ихъ совсѣмъ не пить, но если, не смотря на всѣ сіи предосторожности, болѣзнь холера морбусъ, чего Боже сохрани, покажется гдѣ либо, то должны урядники подъ описаніемъ строгаго по законамъ взысканія, тотчасъ донести о семъ

съ нарочнымъ Нижнему земскому суду, а буде въ городѣ—доложить полицмейстеру или городничему, которымъ предписаны отъ меня надлежащія мѣры.

Болѣзнь сія узнается слѣдующими признаками.

1-е. Ломота, какъ бы въ лихорадкѣ.

2-е. Часовъ чрезъ шесть судорга въ ногахъ и круженіе въ головѣ.

3-е. Потомъ судорга въ желудкѣ, рвота съ пѣной и поносъ.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни должны быть непремѣнно отведены двѣ удобныя просторныя и теплыя хаты, одна для женскаго, а другая для мужскаго пола.

Заболѣвшихъ тотчасъ помѣщать въ сіи хаты, на подмосткахъ и на чистой соломѣ до пріѣзда лѣкаря, первымъ же заболѣвшимъ, буде онъ запоздаетъ пустить изъ руки бутылку крови.

Въ случаѣ появленія сей болѣзни, я самъ буду объѣзжать селенія, въ коихъ она откроется, и навѣщать лично больныхъ. Слѣдственно ничего не будетъ упущено къ огражденію здоровыхъ, а страждущимъ оказана будетъ вся возможная помощь. Я оканчивая сіе предписаніе мое, вторично убѣждаю всѣхъ вообще жителей и каждаго не вѣрить нелѣпымъ слухамъ и быть, какъ я выше сказалъ, покойными.

Пятнадцатый годъ я уже вашимъ начальникомъ, и вы всѣ знаете, что я боюсь Бога, вѣренъ Государю, и васъ не обижаю, слѣдовательно я васъ и нынѣ не обманываю, и вы всѣ должны для собственной пользы вашей исполнить мною вамъ нынѣ предписанное. Городъ Яготинъ, сентября 14-го дня 1830 года.—

Подлинное подписали:

Малороссійскій военный губернаторъ князь *Репнинъ*.

Вѣрно: земскій коммисаръ *Коробчевскій*.

Холмскій музей церковныхъ древностей. Лѣтъ десять тому назадъ, въ бытность нынѣшняго волынскаго и житомирскаго архіепископа Модеста епископомъ люблинскимъ, викаріемъ холмско варшавской епархіи, основанъ былъ при холмскомъ благородномъ братствѣ музей церковныхъ древностей. Но что находится въ этомъ музеѣ,—мало кому извѣстно. Музей не имѣетъ ни хронологической, ни систематической описей своихъ коллекцій. Поэтому о музеѣ распространяются иногда самые фантастическіе слухи, какъ напр. въ родѣ

слуха о томъ, что между древними рукописями музея есть будто бы пергаментная рукопись, никѣмъ не прочитанная и заключающая чуть ли не древній экземпляръ извѣстнаго «Слова о полку Игоревѣ». Подобные слухи побудили, между прочимъ, и пишущаго эти строки заѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ въ г. Холмъ по пути на IX археологическій съѣздъ въ Вильнѣ и осмотрѣть холмскій музей церковныхъ древностей. Фантастическіе слухи дѣйствительно и оказались фантастическими, но тѣмъ не менѣе музей все таки представляетъ нѣкоторый интересъ, особенно для такого незначительнаго города, каковъ Холмъ.

Музей расположенъ въ трехъ свѣтлыхъ комнатахъ братскаго дома и, по своему содержанію можетъ быть раздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) церковныхъ и вообще священныхъ древностей; 2) портретовъ духовныхъ лицъ; 3) медалей и монетъ; 4) рукописей; 5) церковно славянскихъ печатныхъ книгъ; 6) книгъ на разныхъ языкахъ и 7) архивныхъ документовъ.

Въ первомъ отдѣлѣ заслуживаютъ преимущественнаго вниманія слѣдующіе предметы: рѣзной деревянный крестъ патріаршей ставропигіи Замостьскаго Николаевскаго братства (1615—1616 г.); икона св. Троицы въ видѣ трехъ святителей, съ изображеніями солнца и луны на персяхъ Бога—Сына и Бога—Духа Святаго, XVII—XVIII в., изъ Сагринской церкви; икона на холстѣ пресв. Богородицы, разверзающей ложесна, XVIII в.; складной рѣзной кипарисный медальонъ XVII—XVIII в. и два бронзовыхъ энколпіона дотатарской эпохи съ изваяніемъ на оборотѣ одного изъ нихъ Богородицы Одигитріи, прикрѣпленнымъ къ кресту шпеньками, и нѣсколько антиминсъ, изъ коихъ одинъ православный относится къ XVII вѣку, а остальные уніатскіе къ XVIII и XIX вѣку. Второй отдѣлъ заключаетъ до 20 портретовъ уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ холмскихъ, находившихся до образованія музея въ холмскомъ архіерейскомъ домѣ; изъ нихъ древнѣйшій есть портретъ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя († 1613 г.). Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ воспроизведены въ изданіяхъ П. Н. Батюшкова. Третій отдѣлъ нумизматическій не заключаетъ ничего сколько-нибудь интереснаго. Въ четвертомъ отдѣлѣ находится до 20 рукописныхъ богослужебныхъ книгъ и до 5-ти сборниковъ. Изъ богослужебныхъ рукописей три могутъ быть отнесены, по характеру письма, къ XV вѣку, а остальныя—къ XVI—XVIII вѣкамъ. Между сборниками интресны: сборникъ отреченныхъ произведеній древне-русской письменности, каковы, на-

примѣръ, Аристотелевы Врата, Шестокрылъ и проч., XVI в., и четыре сборника южно русскихъ проповѣдей, изъ коихъ одинъ писанъ въ 1599 году, а другой въ 1678 году въ г. Острогѣ. Печатныя церковно-славянскія книги—большею частію уніатскія, взятыя изъ мѣстныхъ церквей края; но между ними есть и православныя, какъ напримѣръ, Апостолъ львовской печати московскаго печатника Ивана Ѳедорова и Острожская Библія 1581 г. Книги на иностранныхъ языкахъ—исключительно польско-католическія, не имѣющія почти никакого значенія. Онѣ недавно поступили въ музей и еще не разобраны и не описаны. Наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ музея составляютъ архивныя дѣла, хранящіяся въ особомъ шкафѣ, въ которыхъ есть документы и на пергаментѣ. Эти дѣла касаются исторіи мѣстныхъ монастырей и церквей и вообще епархіи. Во главѣ ихъ положены документы Холмскаго, Замостьскаго и другихъ монастырей, доставившіе главный матеріалъ для статьи «Забытыя иноческія обители, которая напечатана была въ «Кіевской Старинѣ» за іюль и августъ 1892 г.

Существенный пробѣлъ въ музеѣ составляетъ отсутствіе въ немъ пособій и руководствъ къ опредѣленію его коллекцій, вслѣдствіе чего замедляется и самое описаніе музея, а музей не пользуется надлежащею популярностію въ краѣ и туго пополняется. Между тѣмъ въ холмской епархіи, по слухамъ, есть еще, по разнымъ монастырямъ и церквамъ, весьма много предметовъ русской старины, которые заслуживаютъ сохраненія и помѣщенія въ музеѣ.

Н. П.

Козацкое донесеніе объ угрожающемъ татарскомъ нападеніи на предѣлы Польши. Мнѣ уже не разъ приходилось печатно указывать на тотъ огромный интересъ, который представляютъ нѣкоторыя римскія библіотеки для занимающихся нашею исторіею и, главнымъ образомъ, южно-русскою и западно-русскою. Особенно были богаты матеріалами по южно-русской исторіи библіотека, принадлежавшая князьямъ Боргезе, изъ рода которыхъ происходилъ папа Павелъ V, занимавшій римскій престолъ отъ 1605 года по 1621. Понятно, что вслѣдствіе указаннаго обстоятельства особенно много документовъ находится среди рукописей библіотеки Боргезе изъ этой эпохи, эпохи столь важной и интересной въ русской исторіи. Года два тому назадъ, при распродажѣ всего имущества князя Боргезе, его библіо-

тека вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей была пріобрѣтена папою Львомъ XIII, и занимающіеся въ ватиканскомъ архивѣ могутъ теперь тамъ ими пользоваться. Образчикомъ того, какіе документы можно совершенно неожиданно найти въ рукописяхъ бывшей библіотеки Боргезе, можетъ послужить приводимый ниже: Exemplar literarum a Cosacis Zaporiensibus (!) Это письмо запорожскихъ козаковъ было мною найдено въ рукописи Ser. III, 11 c. d., № 134 (привожу шифръ библіотеки Боргезе, такъ какъ я занимался въ ней еще до перехода ея въ вѣдѣніе Ватиканскаго архива). Оно было приложено съ приведеннымъ выше латинскимъ заголовкомъ къ донесеніямъ въ Римъ папскаго нунція въ Прагѣ.

Magnificis Generosis Dominis Dominis Capitaneis, Vicecapitaneis Serenissimae Regiae Majestatis in confinibus constitutis eorumque locatenentibus obsequia nostra commendamus. Notum sit dominationibus vestris Czarum Precopiensium Tartarorum cum universis copiis suis die decima quarta Iunii hora prandii ad transitum inter Porohy et Tuvolza pervenisse et creditur, quod Boristhenem iam traiecerint. Animus ipsis est ditiones Ser-mae Majestatis Regiae omnino invadere et, nisi tam insperate transiissent, reddidissemus singulos de iis Dominos Capitaneos certiores. Sciant iam Dominationes Vestrae et sint cautae aliisque tam Ser-mae Regiae M-tis Domini nostri clementissimi quam ducum et nobilium singulis civitatibus id scire faciant, ne inimicum hunc Sanctae Crucis, qui regnum hoc devastare intendit, floccipendant. Dat. ex Zaporze (!) 15 iunii 1597.

Nullas his de rebus praeterea a nobis expectent DD. V-rae litteras, sufficiant istae.

N. Wasselowicz cum universo Zaporierz exercitu suo [1]).

Сообщилъ **Н. Любовичъ.**

---

[1]) Помѣщаемъ переводъ письма:

Выражаемъ наше почтеніе наияснѣйшимъ и благороднѣйшимъ гг. Капитанамъ Вицекапитанамъ Его свѣтлости королевскаго Величества, состоящимъ въ пограничныхъ владѣяніяхъ, а также ихъ замѣстителямъ.

Доводимъ до свѣдѣнія вашихъ властей, что повелитель Перекопской татарской орды со всѣми своими войсками явился 14-го іюня въ часъ завтрака къ переходу чрезъ пороги и Туволчу, и вполнѣ вѣроятно, что они уже перешли чрезъ Днѣпръ. У нихъ является смѣлое намѣреніе вообще сдѣлать набѣгъ на владѣнія Его Свѣтлости Королевскаго Величества, и, еслибы они столь неожиданно не переправились, мы бы успѣли увѣ-

Къ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. Среди галицкой интеллигенціи, особенно же шляхетской, очень въ ходу слѣдующій силлогизмъ: мужикъ грубъ и необразованъ, ему слишкомъ рано дали конституцію, слишкомъ рано взяли его изъ опеки «сполечной ерархіи», и вотъ почему онъ пропадаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая шляхетская интеллигенція дѣлаетъ все возможное, чтобы мужикъ всегда былъ грубъ и необразованъ: она враждебно или недружелюбно относится къ крестьянскимъ школамъ, къ читальнямъ, къ мужикамъ, выписывающимъ книги и газеты. Въ шляхетскихъ органахъ, какъ «Czas» и «Przegląd» то и дѣло попадаются корреспонденціи «Z Galicyi wschodniej», полныя самыхъ безцеремонныхъ доносовъ на сельскихъ учителей, священниковъ, на читальни и читателей изъ крестьянъ и даже на книги, прошедшія правительственную цензуру. Галицкія власти очень часто по поводу этихъ корреспонденцій затѣваютъ массовые обыски въ читальняхъ и у отдѣльныхъ крестьянъ, конфискуютъ цѣлые вороха самыхъ легальныхъ книгъ и брошюръ (главнымъ образомъ потому, что книги печатаны русскимъ шрифтомъ, а ревизующіе чиновники обыкновенно не умѣютъ читать по русски, а о русской популярной или какой бы то ни было литературѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія) и даже арестуютъ мужиковъ или въ лучшемъ случаѣ таскаютъ ихъ за нѣсколько миль въ городъ на протоколы.

Это презрительное или даже враждебное отношеніе польской интеллигенціи къ просвѣщенію народа началось очень давно и есть одно изъ «культурныхъ переживаній шляхетско-панщизнянаго строя старой Польши. Не удивительно, что тамъ, гдѣ мужикъ былъ не болѣе какъ рабочій скотъ, самая мысль о его просвѣщеніи должна была казаться дикой и ни съ чѣмъ несообразной. Болѣе удивительнымъ должно казаться то, что почти такою же оставалась мысль эта и тогда, когда сама шляхта считала нужнымъ выдавать себя за друзей просвѣщенія, когда понятіе о мужикѣ, какъ о быдлѣ, ушло

домить о нихъ отдѣльныхъ господъ капитановъ. Пусть знаютъ объ этомъ власти, пусть будутъ осторожны и пусть сообщатъ отдѣльнымъ областямъ, принадлежащимъ какъ Его Свѣтлости Королевскому Величеству нашему Всемилостивѣйшему Государю, такъ и городамъ князей и вельможъ, чтобы они не пренебрегли этимъ врагомъ христіанства, стремящимся опустошить это царство. Писано изъ Запорожья 15 іюня 1597 года.

Пусть они не ожидаютъ отъ насъ сверхъ этого другаго письма, пусть удовлетворить ихъ и это.

Н. Васселовичъ со всѣмъ своимъ Запорожскимъ войскомъ.

безвозвратно въ область исторіи и когда, главнымъ образомъ, самъ этотъ мужикъ, хотя еще стонущій въ ярмѣ панщины, началъ чувствовать себя человѣкомъ, началъ рваться къ просвѣщенію, добиваться школъ. Это было обыкновеннымъ явленіемъ въ началѣ 40-хъ годовъ нашего столѣтія. Положеніе, въ какомъ очутились тогда и мужики и паны-рабовладѣльцы, было по истинѣ трагическое. Мужикамъ правительство приказывало строить школы, духовенство содѣйствовало этому по мѣрѣ возможности, да и сами мужики чувствовали необходимость школы. А между тѣмъ на практикѣ школа была для нихъ почти всегда источникомъ бѣдствій, разорявшихъ иногда всю ихъ жизнь. Съ другой стороны, помѣщики должны были тоже заявлять открыто свои симпатіи дѣлу просвѣщенія, хотя и чувствовали, что просвѣщеніе мужика угрожаетъ имъ руиной, потому что просвѣщенный мужикъ не станетъ покорно и безотвѣтно гнуть шею въ ярмо. Нужно помнить также, что ихъ «патримоніальная» власть давала имъ въ руки множество средствъ, чтобы подавлять въ народѣ рвеніе къ просвѣщенію, разрушать *начатки* этого просвѣщенія, не переступая повидимому рамокъ легальности.

Въ подтвержденіе этой характеристики мы приведемъ слѣдующіе два документа. Въ 1842 г. графъ Казимиръ Красицкій предложилъ галицкому шляхетскому (т. назыв. становому или постулятовому) сейму меморіалъ по дѣламъ крестьянскимъ [1]), въ которомъ слегка и въ общихъ чертахъ выражена мысль о нѣкоторыхъ, по мнѣнію автора, нужныхъ реформахъ по крестьянскому дѣлу, но, конечно, не упомянуто ничего объ упраздненіи панщины. Между прочимъ авторъ касается дѣла народнаго образованія и пишетъ вотъ что (переводимъ съ польскаго): «Чтобы однако всѣ эти желанныя перемѣны могли принесть хорошіе плоды, нужно обратить вниманіе на *моральное* образованіе нашего народа. Не много, даже очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Умственное воспитаніе нашего мужичка («chłopka»—это характеристическое уменьшительное до сихъ поръ не вышло изъ употребленія въ устахъ нашей шляхты) предоставлено его темнымъ родителямъ; благо, ежели они научатъ его молитвѣ и необходимымъ религіознымъ формамъ. *Основываемыя школы не оказываютъ хорошаго вліянія на массу.* Пусть бы *особенно*

[1]) Memoryał w sprawie stosunków podańczych, przeznaczony dla seymu stanowego w r. 1842 odbytego, przedłożony przez Kazimierza Krasickego d. 2 Kwietnia 1841. Рукопись Оссолинскихъ 2843.

талантливые пользовались ими и приспособлялись къ высшимъ занятіямъ; *для массы довольно будетъ приходскихъ школъ религіозныхъ*, гдѣ святой обязанностью духовныхъ будетъ съ-измала прививать народу понятіе *религіи*, *морали*, *обязанностей* всякаго человѣка съ точки зрѣнія общества, *повинностей*, *какіе налагаетъ на него его сословіе*, *любовь къ труду* и порядочности. Такимъ образомъ *при меньшихъ издержкахъ* будетъ болѣе сдѣлано для народа въ странѣ, чѣмъ теперь, когда сельскія дѣти, услышавъ въ школѣ *немножко* (coś niewiele) *науки*, наполняются только ненавистью къ своему сословію, считая себя способными къ чему то высшему, но не имѣя достаточно разсудка, чтобы испытать свои силы, бросаются на разныя занятія, въ которыхъ, всякій разъ наталкиваясь на новыя препятствія, ищутъ причины своихъ неудачъ въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ. Отсюда идетъ неудовольствіе, новыя вздорныя теоріи, тайныя и гласныя общества, волненія и т. п. Счастливъ тотъ, кто въ пору опомнится, отброситъ самолюбіе и возвратится къ прежнему своему состоянію».

Чтобы вполнѣ понять весь трагизмъ этой тирады, нужно припомнить, что по тогдашнимъ законамъ австрійскимъ сельская школа, какія бъ ничтожныя крохи знаній она ни давала мужику, все же была для него единственнымъ легальнымъ исходомъ изъ его жалкаго подчиненнаго положенія. Она открывала ему доступъ къ ремесламъ, къ высшимъ, т. назыв. нормальнымъ, школамъ, а послѣ въ гимназію; то и другое дѣлало мужика свободнымъ [1]), давало ему возможность быть священникомъ, учителемъ, лѣкаремъ и проч. Вотъ почему, по мнѣнію гр. Красицкаго, существующія школы не оказывали хорошаго вліянія на массы народа, поселяли въ ученикахъ ненависть и отвращеніе къ своему сословію, т. е. къ панщинѣ, порождали «новыя вздорныя те-

[1]) По цесарскому патенту 10 сент. 1787 г. принимать въ ремесленную науку можно было не иначе, какъ только послѣ окончанія двухгодичнаго курса нормальной школы. Lexikon der politischen Gesetze für Galizien und die Bucowina. Wien. 1842, т. I стр. 409), ремесло же дѣлало свободнымъ безъ отпускной (I. *L. Klunker*, Die Gezetzliche Untershannerfassung in Gaeizien, Lemberg 1845, т. I, стр. 4[illegible]. Что высшее образованіе имѣло то же послѣдствіе, объ этомъ нечего и говорить *Klunker*, ibidem). Конечно, правительство съ своей стороны (не говоря уже о помѣщикахъ) само заботилось о томъ, чтобъ не слишкомъ много мужиковъ пользовалось этимъ благодѣяніемъ. Посѣщеніе приходскихъ (тривіальныхъ) школъ въ Галиціи не было обязательнымъ *Klunker*, III, 553); кромѣ того изъ учениковъ этихъ школъ только самые способные, да и то ежели они не были единственными сыновьями своихъ отцовъ, могли быть отпускаемы въ нормальныя училища и потомъ въ гимназіи.

оріи», состоявшія въ желаніи свободнаго, человѣческаго существованія. Вѣрнымъ чутьемъ угадывала шляхта, что главнымъ виновникомъ здѣсь было «немножко науки», получаемой молодежью въ школѣ. Это понималъ еще въ 1770 году графъ Перценъ, одинъ изъ первыхъ организаторовъ школьнаго дѣла въ Австріи, который въ своемъ рефератѣ отъ 26 августа 1770 г. писалъ между прочимъ: «Для самыхъ низкихъ сословій и классовъ жительства, которое предопредѣлено для самой непріятной, а частью грубой работы, не требующей никакой дальнѣйшей умственной способности, нужно ограничить обученіе самыми необходимыми элементами христіанской религіи и гражданскихъ обязанностей, такъ какъ по политическимъ соображеніямъ этотъ, въ государствѣ впрочемъ очень нужный, классъ людей не долженъ видѣть много болѣе, чѣмъ того требуютъ его занятія, потому что иначе они будутъ предаваться тѣмъ же занятіямъ, только съ большимъ раздраженіемъ и почти съ отчаяніемъ и состояніе ихъ такимъ способомъ только ухудшится» И вотъ идеаломъ галицкой шляхты и сдѣлалась школа, которая собственно не учила бы никакимъ знаніямъ, но была бы заведеніемъ для дисциплинированія строптивыхъ крестьянскихъ умовъ и чувствъ, внушала бы «мужичкамъ» любовь къ «канчуку» и прочимъ благодѣяніямъ панщины, и приучивала бъ ихъ къ отреченію отъ всякаго самолюбія, конечно, только затѣмъ, чтобы «освященный вѣками» панщизняный порядокъ никоимъ образомъ не былъ нарушенъ. Всего интереснѣе то, что цитированный мемуаръ гр. Красицкаго новѣйшіе польскіе писатели и публицисты считаютъ началомъ и исходнымъ пунктомъ тѣхъ либеральныхъ усилій, которыя будто бы предпринимала галицкая шляхта съ цѣлью освобожденія мужиковъ отъ панщины, въ чемъ будто бы помѣшало ей только правительство.

Лучшей характеристикой тѣхъ «либеральныхъ усилій» служитъ слѣдующій документъ, любезно сообщенный мнѣ о. Гаморакомъ изъ Стецевы, пов. снятынскаго (на Покутьѣ). Документъ этотъ—жалоба крестьянъ села Залучья надъ Черемошемъ къ декану городенскому, какъ правительственному надзирателю школьному, противъ притѣсненій, какія допускалъ мѣстный помѣщикъ изъ-за школы. Вотъ копія этого замѣчательнаго документа:

Пречестни уряду намѣстниче греко: като: городенски и наззерателю шкѣлний!

Громада наша сама поклала школу и обѣцялася платити оучителеви, и платитъ, аби нашѣ дѣти оучивъ читати, спѣвати, й писати

и 15 лѣтъ ми сами школу будинокъ оутримуємо, й дѣти посилаємсми і низнати щося значитъ, же нашѣ теперешнѣ дѣдичѣ нилюбятъ на нашу школу.

1. Заразъ якъ приѣшли В. В. П. Айвасъ, Григора Воевудку, котрий в Княжу (село—прим. авт). дякувавъ й дѣти зачавъ оучити, казали зловити з рекрутами хоцъ вѣнъ горбати; кричали на него, же безъ оповѣди панскои оучитъ дѣти; а же вѣнъ казавъ, же тое для того робитъ, же му Духовни каже, бив го й кайдани вковавъ.

2. Сего року нашего оучителя Даниила Воевудку, котрій 4-ри роки нашѣ дѣти оучитъ, нѣславъ Двѣрскихъ слугъ з Вѣтомъ в ночи до школи, запровадивъ в двѣръ, а рано взявъ до арешту, и меже рекрутами окувавъ; а належитъ, аби сесъ зоставився в громадѣ и оучивъ дѣти, бо вже трохъ братѣвъ в жовнѣрахъ; до сего разу таке нивѣрабяли пани нашому оучителеви, ажъ теперешни панъ, видимо, же ради би, аби школи нибуло.

3. Хлопцѣвъ, котрѣ оумѣютъ читати, берутъ до плуга, й насмѣваютъся, мовятъ: забудешъ азбуку. Вѣдъ плуга пиможутъ ходити до церкви, и черезъ тото видятъ сами пани, же мусятъ призабувати, и для того такъ говорятъ.

4. Видимо, же ми бѣднѣ простаки, нивмѣлисмо добре отченашу, а хоцъ котрий оумѣвъ, то забувъ, такъ теперъ оучинилисмо школу, (а пани) хочутъ, аби котрий оумѣютъ читати, й тото забували.

5. Насъ бѣднихъ простакѣвъ вѣдавъ нѣколи ни допустятъ, аби мо хоцъ тѣлко вмѣли читати, абисмо бога и царя чтити знали.

6. Чуемо, же нѣмихъ и глухихъ оучатъ читати, а ми нѣ глухѣ нѣ нѣмѣ, й сами платимо за школу. Ни знаемо, щося значитъ, же такъ ни любятъ нашу школу; каждому, котрий до сего разу навчився, допѣкаютъ, а ми бѣднѣ простаки нѣкому нѣчого никажемо, що хто вмѣе.

7. Нимаемо пасовиска, до каждои ходобини дѣти ниволимо, аби посли, черезъ тото оуривается на лѣто вѣдъ школы, й багато забуваютъ; ни знаемо, що ся значитъ, же нашъ Духовни й нашъ намѣсникъ (деканъ—прим. автора) Снятинскій на тое мовчутъ. Ми видимо, же Духовни видятъ й знаютъ, хто перескажае, аби школи въ простакѣвъ нибуло. Для того нѣчого ни кажутъ, ми того ни знаемо; намъ ся здае, же нашъ Духовнѣ за нами повиннисе оупѣмнути.

Просимо покѣрне, будте ласкаве причинѣтся за нами до Високои зъ Верхности Духовнои, àби насъ поратували, й àби наша наука вшколѣ нашихъ дѣтей на завше була.

Залуче надъ Черемшовъ дня 29 Окт. 1840 г.

Idor Romaniuk
Mytro Kulzenko } Plenipotentes.
Iwan Kulzenko

Далѣе идутъ подписи простыхъ селянъ.

На оборотѣ этого документа въ листъ, вм. адреса читаемъ: До пречестного оуриду Намѣстничого грек: кат: городенского й надзирателя школного. Покорна прозба—вѣдъ на низу пѣд писанихъ—Будте ласкави причинѣся за нами бѣдними й поратуйте, аби наша наука вшколѣ нашихъ дѣтей була — — — якъ въ серединѣ».

Какъ краснорѣчивъ и трогателенъ этотъ безграмотный, неуклюжими кириловскими буквами написанный документъ! На сколько яснѣе и недвусмысленнѣе говоритъ онъ, чѣмъ «либеральный» меморандумъ вельможнаго графа Красицкаго. Чтобы выяснить вполнѣ его содержаніе и форму, я замѣчу еще слѣдующее. Жалоба крестьянъ залучскихъ направлена къ декану городенскому (въ городкѣ Городенка), а не къ снятинскому, вѣдѣнію котораго подлежало село Залуче, именно потому, что крестьяне не довѣряли своему декану, равно какъ и священнику своего села. Правда, относясь съ своей жалобой къ декану городенскому, они должны были обречь ее на безплодность, такъ какъ сосѣдній деканъ ничего не могъ помочь имъ, даже еслибы желалъ. Очевидно, жалоба эта была не первая и много ея предшественницъ брошено было надлежащими властями подъ сукно, пока «бѣднѣ простаки» рѣшились обратиться къ декану городенскому, просто для того, чтобы разсказать постороннему человѣку про свое горе, а, можетъ быть, и въ надеждѣ на какое-нибудь частное личное его вмѣшательство.

Не знающимъ ближе галицкихъ панщизняныхъ отношеній интересно будетъ узнать, кто это такіе «Plenipotentes», подписанные на документѣ въ началѣ прочихъ подписей «зъ громади», да еще латинскими буквами. Институція крестьянскихъ плениипотентовъ или уполномоченныхъ ходаковъ установлена была цѣсаремъ Іосифомъ II патентомъ отъ 1 сентября 1781 г. Въ патентѣ томъ ска-

зано, что на случай споровъ громады съ помѣщикомъ должна громада первымъ дѣломъ искать справедливости у тогоже помѣщика; когда же тамъ ее не найдетъ, должна выбрать двухъ уполномоченныхъ, снабдить ихъ надлежащимъ документомъ и отправить ихъ съ жалобой въ «крейсамтъ» (§§ 38, 39, 40) [1]). Слѣдуя допотопному канцелярскому судопроизводству австрійскому, эти ходаки дѣлались очень часто «громадскими слугами» на всю жизнь, то и дѣло шлялись то въ округу, то въ губернію, то даже въ Вѣну. Бывали между ними такіе, которые на своемъ вѣку по 20 и 30 разъ проходили пѣшкомъ этотъ многотрудный, болѣе чѣмъ во сто миль, путь, и, конечно, большей частью напрасно, бросая при томъ на произволъ судьбы свое хозяйство, женъ и дѣтей. Какъ представители громадъ, выбранные свободными голосами своихъ собратьевъ, они имѣли заклятыхъ враговъ въ помѣщикахъ, которые очень часто побоями и всяческими угнетеніями вымещали на нихъ свои непріятности и убытки, понесенные изъ за возбужденныхъ ходаками дѣлъ. Зато громада платила имъ симпатіей и довѣріемъ. Ихъ слово значило болѣе, чѣмъ чье бы то ни было. Напротивъ, «війтъ и присяжни», которые составляли легальную репрезентацію громады, были избираемы или помѣщикомъ, или подъ его вліяніемъ и считались не болѣе какъ панскими прислужниками. Вотъ почему на вышеприведенной жалобѣ мы видимъ подписи плениипотентовъ въ самомъ началѣ, но не видимъ подписей «війта» ни «присяжныхъ», а напротивъ, изъ текста жалобы узнаемъ, что «війтъ» этотъ, конечно, не по своей доброй волѣ, а по панскому принужденію, игралъ роль гонителя излюбленной мужиками школы.

Вотъ среди какихъ плачевныхъ обстоятельствъ зарождалась и росла русская народная школа въ Галиціи!

Миронъ.

Строгая генеральша. Въ «Кіевской Старинѣ» 1886 года № 4 (стр. 817—818) помѣщенъ былъ маленькій фактъ, относящійся къ жизни одной богатой помѣщицы прилуцкаго уѣзда, генеральши Сильвановичъ, славившейся въ началѣ текущаго столѣтія на всю округу

---

[1]) *Moritz Drdacki Ritter von Ostrow*, Lexikon der politischen Gezetze, т. I, стр. 311, 312; и еговже: Die Frohnpatente Galiziens. Ein Beitrag zur Kunde des Unthertanswesens. Wien, 1838 стр. 242—243.

своими жестокими расправами съ крѣпостными людьми. Вотъ еще одинъ изъ такихъ анекдотическихъ случаевъ, сообщенныхъ намъ недавно, не столько характерныхъ по свирѣпости расправы, т. к. *сто розокъ*—что за свирѣпость въ тѣ времена?—сколько по выдающемуся хладнокровію генеральши, даже въ моментъ опасности больше думавшей не о томъ, какъ бы самой уцѣлѣть, а о томъ, какъ бы должное возмездіе не пропало.

Однажды ѣхала она со свадьбы. Узкая, скользкая дорога вилась по горѣ. Направо отвѣсная гора, налѣво—глубокая пропасть. Кучеръ, очевидно, въ послѣсвадебномъ состояніи, забылъ затормозить карету, и лошади начали горячиться на самойкрутизнѣ.— «Если спустишь благополучно, сказала генеральша кучеру, то получишь сто розогъ!» А что-жъ бы было при неудачномъ спускѣ? Почти вѣрная смерть обоимъ.

Кучеръ спустилъ благополучно и получилъ обѣщанное.

Поправки къ надписямъ въ черниговскомъ соборѣ. Какъ извѣстно читателямъ, въ очень недавнее время реставрированъ черниговскій Мстиславовъ соборъ, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ бывшаго черниговскаго губернатора А. К. Анастасьева, состоявшаго церковнымъ старостой этого собора. При реставраціи, какъ и подобало, обнаружены были заботы устроителей объ оповѣщеніи во всеобщее свѣдѣніе тѣхъ воспоминаній о выдающихся историческихъ лицахъ, память о которыхъ связана съ этой святыней. Обычный пріемъ въ такихъ случаяхъ—сооруженіе досокъ съ надписями, обозначающими, какія личности и связанныя съ ними событія должны быть воспоминаемы. Такъ и въ данномъ случаѣ поступила администрація собора въ Черниговѣ во главѣ съ своимъ старостой, соорудивъ три доски съ соотвѣтствующими надписями, указывающими, какіе князья и духовные іерархи, а также *гдѣ* и *когда* погребены. Очень жаль, что на одной изъ досокъ допущены крупные промахи, изъ которыхъ одинъ, менѣе важный, опредѣляетъ время смерти великаго князя Святослава Ольговича въ 1165 году, тогда какъ въ дѣйствительности онъ скончался 15 февраля 1164 года; другой же представляетъ и крупную ошибку, указывая, что великій князь Игорь Ольговичъ умеръ въ 1117 г., тогда какъ онъ скончался въ 1146 г., и странный недосмотръ, т. к. сказано, что этотъ самый Игорь Ольговичъ *убитъ татарами (въ 1117-мъ то году?!)*.

Извѣщеніе о празднованіи пятидесятилѣтія существованія кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. «19 ноября сего года исполнится 50 лѣтъ со времени учрежденія Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Испросивъ надлежащее разрѣшеніе, коммиссія предположила собраться 19-го ноября въ торжественное засѣданіе въ залѣ Кіевской 1-ой гимназіи, о чемъ считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія лицъ и учрежденій, сочувствующихъ ея дѣятельности.

Поправка. Въ сентябрьской книжкѣ, въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ; пропущена нами крупная опечатка, которую мы просимъ покорно исправить, а именно: на стр.: 139-й въ заглавіи замѣтки слѣдуетъ читать: «Вызовъ кіевскихъ монаховъ и спецаковъ *въ Сибирь*», а не въ *Соборъ*.

Библіографія.

Записки Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. «Брань честныхъ седми добродѣтелей 3 седми грѣхами смертными... описанная 1737 года априля 9 дня». Іоасафомъ Горленкомъ. Кіевъ. 1892 года. Стр. 24, 31.

Преосвященный Іоасафъ Горленко принадлежитъ къ числу выдающихся іерарховъ русской церкви половины прошлаго вѣка (род. 8 сент. 1705 г., ум. 10 дек. 1754 г). Потомокъ славной древней малороссійской фамиліи, дитя благочестивыхъ родителей, питомецъ старой Кіевской академіи, аскетъ съ юныхъ лѣтъ,—онъ былъ назначенъ 2 іюня 1748 года епископомъ Бѣлоградско-обоянскимъ. Служеніе Іоасафа въ санѣ Бѣлоградскаго епископа проходило посреди исключительныхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ значеніе его въ исторіи русской церкви и русскаго государства еще болѣе замѣчательнымъ. Учрежденная въ 1667 году, на большомъ Московскомъ соборѣ, Бѣлоградская епархія обнимала весьма обширный край, въ составъ котораго входили двѣ теперешнія губерніи: Курская и Харьковская. Религіозное, нравственное и умственное состояніе жителей этого края было въ высшей степени печальное. Прежде всего, населеніе Бѣлгородской провинціи, какъ смѣшанное, почти на половину состоявшее изъ польскихъ переселенцевъ и удаленное отъ центра русскаго государства, было сравнительно мало еще привязано къ русскому государству и въ особенности къ русской православной церкви. Подъ вліяніемъ священниковъ и мірянъ, переселявшихся въ слободскую Украйну изъ польскаго заднѣпровья, въ богослужебной практикѣ нѣкоторыхъ церквей Бѣлгородской епархіи начали появляться книги и обряды, заимствованные у католиковъ и чаще всего уніатовъ. Съ другой стороны, обитатели Бѣлгородской окраинной провинціи, населяя мѣстность лѣсистую, отчасти даже пустынную, отличались крайне суро-

выми, грубыми и даже жестокими нравами. Всѣмъ извѣстны курскіе придорожники, въ свое время славившіяся своими разбоями далеко за предѣлами роднаго края. Наконецъ, умственное сознаніе Бѣлгородской паствы находилось всецѣло подъ гнетомъ различныхъ суевѣрій и обрядовъ, бывшихъ наслѣдіемъ древняго язычества, или же обусловленныхъ крайнимъ невѣжествомъ.

Такимъ образомъ, преосв. Іоасафу, 6 авг. 1748 года вступившему въ управленіе Бѣлгородскою епархіей, предстояла великая, сложная и трудная задача. Продолжая дѣло своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ особенную славу и право на благодарную память потомства стяжали себѣ м. Мисаилъ (1672—1684 г.), великій ревнитель христіанскаго благочестія и правовѣрія, а также еп. Епифаній 1722—1731) и архіеп. Петръ (1736—1742 г.), славные своими просвѣтительными дѣяніями и созданіемъ цѣлаго ряда прекрасныхъ школъ въ краѣ, онъ долженъ былъ во 1) содѣйствовать утвержденію Бѣлгородскаго смѣшаннаго, почти на половину пришлаго населенія въ догматахъ и правилахъ православной христовой церкви, и во 2) заботиться о смягченіи нравовъ, искорененіи суевѣрій и дурныхъ обычаевъ, бывшихъ или остаткомъ древняго язычества, или слѣдствіемъ невѣжества.

И должно правду сказать, что преосв. Іоасафъ обладалъ всѣмъ необходимымъ для того, чтобы стоять на высотѣ такого отвѣтственнаго служенія. Съ глубокимъ, искреннимъ благочестіемъ, весьма близкимъ къ аскетизму, онъ соединялъ превосходное образованіе и пастырскую ревность. Обладая такими качествами, онъ за время своего непродолжительнаго архіерейскаго служенія успѣлъ сдѣлать весьма много полезнаго для своей епархіи, равно какъ и для всей вообще русской церкви и русскаго государства. Въ лицѣ его Бѣлгородское духовенство имѣло просвѣщеннѣйшаго, дѣятельнаго, гуманнаго, кроткаго, ласковаго, добраго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго тамъ, гдѣ дѣло касалось чистоты церковныхъ правилъ и благочинія, начальника, а вся вообще Бѣлгородская паства—неутомимаго и ревностнаго стража ея духовно-нравственной жизни. Неизвѣстный авторъ «Старинныхъ замѣтокъ о родѣ Горленковъ», сообщенныхъ В. П. Горленко, такъ характеризуетъ преосв. Іоасафа: «О христіанской его жизни, о благоговѣніи къ Богу истинное свидѣтельство—лежащее его и по сіе время нетлѣнное тѣло, также гробъ и одѣянія архіерейскія, не перемѣнившія вида, ни пришедшія въ обветшалость. Жизнь его была основана прямо на правилахъ евангельской добродѣтели; рачителенъ былъ

въ исполненіи званія его и употреблялъ строгость тамъ, гдѣ слѣдовало обуздать подчиненность, приходившую въ неистовые поступки; однимъ словомъ, любилъ правду, негодовалъ на ложь, прямо добродѣтельнымъ любезенъ, противомудрствующимъ страшенъ, къ нищимъ милостивъ, обиду терпѣвшимъ защитникъ, ревнитель былъ о благочестіи, удалялъ отъ взора своего всѣхъ суевѣрныхъ, наконецъ, истинно любящій Бога и послѣдователь святому его закону». Преосв. Іоасафъ былъ всегда внимателенъ и весьма чутко прислушивался къ біенію пульса общественной современной жизни, отвѣчая на всякую вновь назрѣвшую потребность сочувственнымъ словомъ или ободренія, или увѣщанія, или, наконецъ, грознаго обличенія. Не ограничиваясь частыми личными посѣщеніями многочисленныхъ (болѣе 1000) церквей своей обширной епархіи, онъ нерѣдко разсылалъ по епархіи свои пастырскія посланія, которыя приказывалъ читать въ слухъ народу при богослуженіи. Въ этихъ посланіяхъ онъ то призывалъ своихъ пасомыхъ къ покаянію въ виду грозныхъ знаменій неба и народныхъ бѣдствій, то бичевалъ различныя произвольныя нововведенія въ богослужебной практикѣ, то обличалъ невѣжество и суевѣріе. Бѣлгородская паства была всегда внимательна къ голосу своего святителя, любила его и эту любовь завѣщала своимъ потомкамъ. Вѣрная этому завѣщанію, нынѣшняя курская епархія доселѣ чтитъ память благочестиваго святителя и съ вѣрою притекаетъ къ его нетлѣннымъ мощамъ, открыто почивающимъ въ Бѣлгородскомъ троицкомъ монастырѣ.

Памяти же этого святителя посвящается и та книжка, заглавіе которой мы выписали въ началѣ и которая издана однимъ изъ потомковъ преосв. Іоасафа—В. П. Горленко [1]). Выходъ въ свѣтъ этой книжки, безъ сомнѣнія, будутъ привѣтствовать всѣ почитатели имени приснопамятнаго святителя, къ числу коихъ принадлежитъ вся многочисленная паства курской и харьковской епархій. При своемъ краткомъ содержаніи, она заключаетъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для будущаго полнаго жизнеописанія преосв. Іоасафа. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ издатель говоритъ о происхожденіи сообщаемыхъ имъ документовъ и дѣлаетъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе объ авторѣ ихъ (стр. 1—4), помѣщены «Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ» (стр. 5—16); въ «замѣткахъ» сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о слѣдующихъ предкахъ преосв. Іоасафа:

---

[1]) Изданіе печаталось сначала на страницахъ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца". (См. вып. VI, отд. III, стр. 83—137).

прадѣдѣ его, полковникѣ прилукскаго полка Лазарѣ Горленко, заживо сожженномъ 2 авг. 1687 года взбунтовавшимися козаками, о дѣдѣ его Димитріѣ Горленко и объ отцѣ его Андреѣ Горленко, бывшихъ полковниками прилукскаго полка и много потерпѣвшихъ, благодаря невольному участію въ дѣлѣ Мазепы, и о братьяхъ и сестрахъ преосв. Іоасафа. «Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ“ [1]) оканчиваются краткою характеристикою преосв. Іоасафа, и вслѣдъ за ними издателемъ весьма удачно помѣщена автобіографія преосвященнаго подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ свѣтѣ семъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго»; въ ней сообщаются краткія и довольно отрывочныя свѣдѣнія о преосв. Іоасафѣ, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ его и оканчивая вступленіемъ его въ должность намѣстника Свято-Троицкія Лавры (въ 1746 г.). Къ автобіографіи, въ видѣ заключенія, прибавлено краткое «увѣдомленіе» автора «Старинныхъ замѣтокъ о родѣ Горленковъ», обозрѣвающее жизнь преосв. Іоасафа въ санѣ епископа Бѣлоградскаго до его смерти. Здѣсь же, въ видѣ примѣчанія, помѣщены издателемъ разсматриваемыхъ нами матеріаловъ В. П. Горленко три письма преосвящ. Іоасафа: 1) къ матери отъ 4 янв. 1748 г.; 2) къ брату полковнику Андрею Андреевичу отъ 25 мая 1753 года и 3) *къ неизвѣстному лицу отъ 16 іюня 1753 года.* Слѣдующая за автобіографіей «бранъ честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертними, в человѣцѣ путнику так всегда, яко наипаче въ дни с—тия четиредесятницы резидуючая, по чину седмицъ ея имагинацѣею пуітическою и риѳмомъ описанная 1737 года априля 9 дня» представляетъ собою пасхальное привѣтствіе іером. Іоасафа кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому отъ лица Кіевской академіи, въ которой Іоасафъ тогда былъ экзаменаторомъ. Мотивъ этого произведенія, безъ сомнѣнія, древній; содержаніе его въ высшей степени интересное.

Вообще говоря, изданіе В. П. Горленко заключаетъ въ себѣ много весьма цѣннаго матеріала для будущаго жизнеописанія преосв. Іоасафа. Считаемъ только необходимымъ сдѣлать одну поправку въ изданіи В. П. Горленко. Выше было сказано, что, въ видѣ дополненія къ автобіографіи Іоасафа издатель помѣстилъ три письма преосвященнаго. Послѣднее изъ нихъ въ изданіи В. П. Горленко датировано такъ: *«Бѣлградъ. 1753 года, іуня 16 дня»*. Но эта дата несогласна съ подлинной. Въ подлинномъ письмѣ, хранящемся въ церковно-

[1]) Авторомъ ихъ В. П. Горленко признаетъ И. И. Квитку, племянника преосвящ. Іоасафа.

археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной академіи, выставлена такая дата: «*Бѣлградъ. 1763 года, іюня 16 дня*». Чѣмъ объяснить такое разногласіе? Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опечаткою? Но не говоря уже о томъ, что въ самомъ изданіи нѣтъ никакого упоминанія объ этой опечаткѣ, дата: «1753 года» не можетъ быть признана за опечатку уже по одному тому, что если бы авторъ выставилъ не эту, а другую (дѣйствительную) дату: «1763 года», то онъ, конечно, никогда бы не приписалъ даннаго письма преосвящ. Іоасафу (Горленко), который умеръ 10 дек. 1754 года. Остается, такимъ образомъ, допустить, что издатель намѣренно замѣнилъ цифру «6» цифрою: «5» и поступилъ, какъ увидимъ сейчасъ, совершенно неосновательно. Письмо еп. Бѣлгородскаго Іоасафа къ неизвѣстному лицу, помѣщенное въ изданіи В. П. Горленко, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписываемо преосв. Іоасафу Горленко. Во 1-хъ, въ этомъ письмѣ, при всей его краткости, весьма характерномъ, авторъ жалуется своему вельможному другу на презрительное отношеніе Правительства къ архіереямъ изъ малороссовъ («бѣда да горе! всы теперь Малороссіяне вездѣ въ крайнемъ презрѣніи. Самые честные люде остаются съ нашыхъ, а въ Тферь (въ изданіи г. Горленко по ошибкѣ напечатано: «впередъ»), и въ Владимеръ промованы, которіи еще и недавно монахами, съ русскихъ, однакъ добріе люде и достойные») Такая жалоба въ устахъ Іоасафа Горленко немыслима, ибо его служеніе совпало съ самымъ благосклоннымъ отношеніемъ Правительства Императрицы Елизаветы Петровны къ архіереямъ изъ малороссовъ; въ частности, самъ Іоасафъ Горленко пользовался особеннымъ благоволеніемъ Государыни. Съ другой стороны, въ письмѣ сообщается новость о помилованіи ростовскаго архіерея, подъ которымъ самъ же В. П. Горленко вполнѣ справедливо подразумѣваетъ Арсенія Мацѣевича. Но Арсеній Мацѣевичъ подалъ свой протестъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ 6 марта 1763 года; послѣ этого началось его дѣло.

И такъ, письмо еп. Бѣлгородскаго Іоасафа, приписанное издателемъ Іоасафу Горленко, не можетъ принадлежать ему. Оно принадлежитъ еп. Іоасафу 2-му (Миткевичу), занимавшему Бѣлгородскую архіерейскую каѳедру съ 26 апр. 1758 г. до 30 іюня 1763 года.

Ѳеодоръ Титовъ.

Кіевъ. 31 августа 1893 года.

Bibliografia Historyi Polskiej. Wspólnie z Dr. Henrykiem Sawszyńskim i członkami kółka historycznego uczniów Uniwersytetu lwow. zebrał i ułożył Dr. Ludwik Finkel. Część I. We Lwowie, 1891.

Въ польской литературѣ имѣется нѣсколько большихъ библіографическихъ трудовъ. Не говоря уже о громадной и обстоятельной библіографіи г. Карла Эстрейхера, которая обнимаетъ всю польскую печатную литературу, еще ранѣе, въ сороковыхъ годахъ, появился трехтомный трудъ г. Іохера: Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie. Къ этому труду былъ составленъ г. Эстрейхеромъ обстоятельный указатель. Въ послѣднее время профессоръ варшавскаго университета Ѳ. Ф. Вержбовскій принялся за изданіе библіографіи XV и XVI вв. подъ заглавіемъ: Bibliographia polonica XV ac XVI ss. Этотъ прилежно и старательно составляемый трудъ, два тома котораго уже появились, производитъ, впрочемъ, нѣсколько странное впечатлѣніе. Каждый томъ (а будетъ ихъ, кажется, не менѣе пяти) является не продолженіемъ предыдущаго въ хронологическомъ порядкѣ, а лишь какъ бы дополненіемъ ко всѣмъ прочимъ. Новая библіографія, заглавіе которой мы привели въ заголовкѣ нашей замѣтки, задалась иными цѣлями, чѣмъ вышеупомянутыя, и притомъ цѣлями, выполненіе коихъ задумано очень широко. Поставивъ себѣ задачу, какъ указываетъ самое заглавіе труда г. Финкеля, дать библіографію исторіи Польши, составитель ея хочетъ не только помочь занимающимся польскою исторіею ориентироваться въ ея источникахъ и указать, гдѣ находятся еще новые, неизданные; но онъ старается, кромѣ того, подобрать возможно полнымъ образомъ для отдѣльныхъ эпохъ и даже отдѣльныхъ лѣтъ въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ историческіе матеріалы.

Вышедшій пока первый томъ труда г. Финкеля обнимаетъ источники по исторіи Польши, а второй, какъ обѣщаетъ предисловіе, будетъ посвященъ библіографіи исторической литературы. Подъ именемъ Польши г. Финкель трактуетъ обо всѣхъ земляхъ, входившихъ когда бы то ни было въ составъ этого государства, и предѣльнымъ пунктомъ для своей работы избираетъ 1815 годъ. Располагаетъ онъ свой матеріалъ самымъ незатѣйливымъ образомъ. Сначала онъ сообщаетъ перечень сочиненій и статей, посвященныхъ описанію архивовъ и библіотекъ, находившихся въ предѣлахъ бывшаго польскаго королевства, а затѣмъ указываетъ на описанія всѣхъ прочихъ евро-

пейскихъ библіотекъ, въ которыхъ находятся матеріалы по исторіи Польши. Удивительно, почему г. Финкель не упомянулъ при этомъ объ изданіи катологовъ вѣнской и другихъ большихъ библіотекъ. Указывая на русскіе труды по описанію иностранныхъ архивовъ, въ которыхъ находятся матеріалы по польской исторіи, онъ упустилъ изъ виду очень интересны «Отчеты кандидата степендіата Императорскаго варшавскаго университета о научныхъ занятіяхъ за границею», которые были напечатаные Ѳ. Ф. Вержбовскимъ въ варшавск. университетскихъ извѣстіяхъ въ 80-хъ годахъ и вышли отдѣльными оттисками. Упоминая о моихъ статьяхъ, касающихся этого предмета, г. Финкель, не знакомъ, повидимому, съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о библіотекахъ и архивахъ очень мало извѣстныхъ его соотечественникамъ, а именно: съ моими отчетами въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» (1879 годъ, ноябрь), въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» (1882 годъ, № 6) и также съ брошюрою «Зимлеровское собраніе рукописей».

Отъ архивовъ и библіотекъ г. Финкель переходитъ къ библіографіи отдѣльныхъ историческихъ вспомогательныхъ наукъ: хронологіи дипломатики, сфрагистики, геральдики и генеалогіи, нумизматики и эпиграфики. Подраздѣленія, сдѣланныя авторомъ въ каждомъ изъ только что приведенныхъ отдѣловъ, свидѣтельствуютъ о неясномъ представленіи у него о характерѣ и задачахъ этихъ наукъ. Трудно понять, какъ попали въ эти отдѣлы многія приведенныя въ нихъ сочиненія и статьи. Одно несомнѣнно, что польская литература по указаннымъ наукамъ чрезвычайно бѣдна.

Собственно историческіе источники г. Финкель подраздѣляетъ на два отдѣла: первый—документы, акты, рѣчи, донесенія, письма и и т. п., и второй—хроники, лѣтописи, жизнеописанія, мемуары и политическія сочиненія. Первоначально, говоритъ авторъ въ предисловіи, имѣлось въ виду составить еще третій отдѣлъ, который долженъ былъ заключать въ себѣ собранные отдѣльно манифесты, брошюры, поэмы, панегирики, посвященія, однимъ словомъ, по его выраженію, проявленія общественнаго мнѣнія. Но недостатокъ средствъ на изданіе въ такихъ размѣрахъ этой библіографіи заставилъ отказаться отъ первоначально намѣченнаго плана, и главнѣйшія произведенія, которыя должны были войти въ составъ третьяго отдѣла были распредѣлены, смотря по содержанію, между первымъ и вторымъ.

Въ свою очередь первый главный отдѣлъ распадается на слѣдующіе четыре: 1) собраніе документовъ 2) собраніе законовъ и судебныхъ на-

мятниковъ 3) собраніе актовъ (собраніе актовъ, писемъ, дневниковъ рѣчей) и 4) документы, акты, письма и рѣчи, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ. Что касается этого отдѣла, то въ общемъ и тутъ не замѣтно строго выдержанной и продуманной системы въ распредѣленіи библіографическаго матеріала. Относительно же иностранныхъ сочиненій, приводимыхъ въ этомъ отдѣлѣ, нужно замѣтить, что они подобраны какъ бы случайно. Многихъ сочиненій составитель библіографіи, повидимому, не имѣлъ въ рукахъ. Иначе, какъ помѣстилъ бы онъ въ отдѣлѣ документовъ (№ 999) сочиненіе г. Молчановскаго: Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Впрочемъ, хотя авторъ и предполагаетъ посвятить второй томъ своего труда исторической литературѣ, тѣмъ не менѣе онъ даже при перечисленіи отдѣльныхъ документовъ и актовъ сплошь да рядомъ безъ всякой видимой нужды указываетъ на тѣ или другія историческія изслѣдованія. Въ отдѣлѣ собранія правъ и судебныхъ памятниковъ у него помѣщены изданія списковъ бывшихъ студентовъ краковскаго университета. Но разъ г. Финкель привелъ ихъ хотя бы даже въ этомъ отдѣлѣ, ему слѣдовало бы уже, сообразно съ его системою, указать при этомъ и на изданія такихъ же списковъ различныхъ заграничныхъ университетовъ (итальянскихъ, нѣмецкихъ, швейцарскихъ, голландскихъ), въ которыхъ учились поляки; но онъ этого почему то не сдѣлалъ. Между тѣмъ вышеупомянутые списки немало помогаютъ выясненію многихъ сторонъ умственной жизни польскаго народа прошлыхъ вѣковъ. Впрочемъ такихъ пропусковъ въ этой библіографіи довольно много, и особенно сильно бросаются они въ глаза въ хронологическомъ спискѣ документовъ. Укажемъ на нѣкоторые лишь изъ нихъ. Въ спискѣ документовъ XVI вѣка не упомянуто, напр., собраніе сочиненій Іоанна Ласкаго, изданныхъ вмѣстѣ съ его корреспонденціей Кюйперомъ (Kuyper); не видно слѣдовъ пользованія перепиской Кальвина и Меланхтона, изданныхъ въ Corpus Reformatorum, забыты «Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса» Форстена и многія другія новыя изданія писемъ западно-европейскихъ гуманистовъ и реформаторовъ, въ которыхъ находятся и письма поляковъ. Изъ старыхъ изданій не мало интересныхъ документовъ по польской исторіи г. Финкель нашелъ бы въ «Scrinium Antiquarium sive Miscellanea Groningana. Nova ad historiam reformationis ecclesiasticam praecipue inseruntur». Groningae et Bremae. 1761, въ «Opera Theologica D. Hieronymi Lanchi»; въ Senion Abbes Gabbema. «Illustrium et clarorum virorum Epistolae» и другихъ собраніяхъ писемъ, сочиненій ученыхъ и теологовъ про-

шлыхъ вѣковъ. Упустилъ авторъ изъ виду и документы, приложенные мною къ сочиненію: «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», а также письма іезуитовъ, опубликованныя въ приложеніи къ брошюрѣ: «Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в.»

Второй главный отдѣлъ, или отдѣлъ хроникъ, г. Финкель начинаетъ съ перечисленія общихъ сборниковъ (zbiory powszechne); но подъ этой рубрикой онъ приводитъ, главнымъ образомъ, собранія житій святыхъ, сборники путешествій и даже труды по исторіографіи вообще. Затѣмъ онъ перечисляетъ польскіе сборники средневѣковыхъ хроникъ, равно какъ и изслѣдованія по поводу ихъ; а далѣе указываетъ на такія же собранія средневѣковыхъ лѣтописей у другихъ народовъ, если въ нихъ встрѣчаются матеріалы по исторіи Польши. Хроники, начиная съ XVI вѣка, выдѣлены въ особое подраздѣленіе и перечисляются вмѣстѣ съ біографическими трудами, путешествіями, различными брошюрами и т. п. Затѣмъ весь матеріалъ, составляющій предметъ втораго отдѣла, г. Финкель старается расположить въ хронологическомъ порядкѣ, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ съ отдѣломъ документовъ. Начинаетъ онъ съ эпохи дохристіанской, а именно—съ Геродота, и кончаетъ мемуарами, касающимися первой половины текущаго столѣтія. При всѣхъ приводимыхъ въ библіографіи сочиненіяхъ и статьяхъ г. Финкель обыкновенно указываетъ на рецензіи по поводу ихъ. Нечего и говорить, что много ихъ ускользнуло отъ его вниманія.

Не смотря на указанные нами недостатки библіографіи г. Финкеля, не смотря на крайне неудобное и непрактичное расположеніе матеріала, къ ней придется однако прибѣгать всѣмъ, которые будутъ заниматься вопросами, находящимися въ связи съ польскою исторіею. Громадное неудобство этого труда составляетъ еще и отсутствіе указателя авторовъ. Хотя г. Финкель обѣщаетъ дать его при второмъ томѣ своей библіографіи, но этого не слѣдовало откладывать на столь неопредѣленное время.

Н. Любовичъ.

Археологическія извѣстія и замѣтки, №№ 1—6, Москва 1893 г.

Съ этого года московскимъ археологическимъ обществомъ началъ издаваться ежемѣсячный журналъ, заглавіе котораго приведено выше. Изъ вступительной статьи, помѣщенной въ 1-мъ номерѣ, мы узнаемъ о причинѣ, вызвавшей это изданіе и о цѣляхъ его, именно: „Въ засѣданіи Московск. Арх. Об., 6 октября 1892 г., товарищъ предсѣдателя, Д. Н. Анучинъ, заявилъ, что въ средѣ нашихъ изслѣдователей и любителей древностей давно уже сознавалась потребность въ періодическомъ органѣ по русской археологіи, который, по возможности, частымъ своимъ появленіемъ поддерживалъ бы въ русскомъ обществѣ интересъ къ древностямъ и давалъ бы нѣкоторую возможность слѣдить за успѣхами археологіи. Попытка удовлетворить этой потребности была сдѣлана въ 1867 г. Моск. Арх. Общ., начавшимъ издавать, кромѣ безсрочно выходящихъ «Древностей», «Археологическій Вѣстникъ„, но это изданіе просуществовало только годъ и ограничилось лишь шестью выпусками; такою же непрочною и недолговѣчною оказалась попытка Петерб. Арх. Общ. издавать періодическій журналъ въ 60-хъ годахъ. Въ послѣдніе годы мысль объ изданіи подобнаго бюллетеня, или журнала, возникала неоднократно въ средѣ членовъ Моск. Арх. Общ., но всякій разъ была оставляема, главнымъ образомъ, за отсутствіемъ лица, которое бы могло взять на себя редакцію такого органа и было бы расположено посвятить этому дѣлу не малое количество трудовъ и времени».

Лицомъ такимъ явился дѣйствительный членъ Общ. А. В. Орѣшниковъ, подъ редакціей котораго и выходитъ журналъ.

О содержаніи журнала въ той же вступительной статьѣ находимъ слѣдующее: «Содержаніе журнала имѣютъ составлять: самостоятельныя археологическія статьи, извѣстія о раскопкахъ и болѣе важныхъ находкахъ въ Россіи и о пріобрѣтеніяхъ археологическихъ предметовъ музеями; библіографическія замѣтки о новыхъ русскихъ и иностранныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ, свѣдѣнія о дѣятельности московскаго и, по мѣрѣ возможности, другихъ русскихъ археологическихъ обществъ; разныя замѣтки, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ археологіи. Русскія древности должны занимать первое мѣсто въ журналѣ, но и важнѣйшія новости по иностранной археологіи не должны быть исключаемы». Далѣе: «Основывая «Арх. Изв.

и Зам.», *Общество не ставитъ себѣ задачею, давать отчетъ о движеніи и дѣятельности русской археологіи во всѣхъ отрасляхъ ея, а тѣмъ болѣе о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ археологической науки вообще*[1]), но, какъ показываетъ самое заглавіе журнала, имѣетъ въ виду только содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, распространенію между любителями древностей свѣдѣній о важнѣйшихъ новыхъ фактахъ, касающихся, главнымъ образомъ, нашей бытовой старины и отчасти письменности, и способствовать взаимному общенію русскихъ дѣятелей по различнымъ отдѣламъ археологической науки».

Сообразно съ означенной программой и составлены вышедшіе 6 номеровъ; въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ какъ самостоятельную статью, такъ и другіе отдѣлы, и нужно отдать должную справедливость редактору, такъ добросовѣстно ведущему дѣло, не смотря на малое число сотрудниковъ: большая часть работы, какъ видно, падаетъ на самого редактора. Замѣтимъ также, что и съ внѣшней стороны журналъ не представляетъ желать ничего лучшаго; каждый номеръ снабженъ нѣсколькими, иногда прекрасно сдѣланными, рисунками.

Выскажемъ нѣсколько соображеній по поводу программы журнала. Обратимъ, прежде всего, вниманіе на тѣ слова вступительной статьи, которыя нами подчеркнуты. Съ ними нельзя согласиться: намъ кажется, что наоборотъ, въ виду того, что настоящее изданіе какъ можно судить, предназначается для довольно широкаго круга читателей, общіе очерки состоянія науки и были бы самымъ подходящимъ средствомъ возбужденія въ публикѣ интереса къ ней[2]). Мы, конечно, знаемъ, что дѣло популяризаціи—дѣло трудное, но кому же, какъ ни московскому археологическому обществу, имѣющему среди своихъ членовъ спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ археологіи, и приличествуетъ взяться за это дѣло. Но, оставляя въ сторонѣ спеціально популярныя статьи, намъ кажется, что и при существующей программѣ можно сдѣлать многое въ данномъ направленіи, немного

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Какъ на образецъ такихъ очерковъ, укажемъ на рядъ статей И. С. (проф. Смирнова)—„Изъ прошлаго и настоящаго доисторической археологіи въ Европѣ", помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Импер. Казанскомъ Унив".

лишь измѣнивъ распредѣленіе и отчасти составъ содержанія журнала. Во первыхъ, самостоятельныя статьи,—если темы ихъ будутъ касаться предметовъ болѣе или менѣе типичныхъ, и при этомъ, будетъ сдѣлано нѣсколько общихъ замѣчаній, то этимъ самимъ, помимо научной, будетъ достигнута и цѣль популяризаціи,—въ вышедшихъ номерахъ мы уже находимъ нѣсколько такихъ статей [1]). Далѣе, изъ отдѣла извѣстій о раскопкахъ и находкахъ и разныхъ замѣтокъ, представляющаго теперь нѣчто въ родѣ обширной «смѣси», путемъ болѣе систематическаго расположенія матеріала можно сдѣлать тотъ отдѣлъ, который и будетъ «давать отчетъ о движеніи и дѣятельности русской археологіи»; такъ напримѣръ: можно помѣщать подъ отдѣльными рубриками извѣстія, касающіяся систематическихъ раскопокъ, и извѣстія о случайныхъ находкахъ, можно затѣмъ также выдѣлить подъ самостоятельной рубрикой «музеографію». Не лишнимъ былъ бы отдѣлъ, въ которомъ помѣщались бы программы для производства археологическихъ изслѣдованій, распоряженія правительства, сообщались бы новые пріемы сохраненія древностей, ихъ реставраціи и т. п. Вмѣстѣ съ существующими отдѣлами библіографіи и бюллетеней засѣданій археологическихъ обществъ все это, вмѣстѣ взятое, вполнѣ служило бы цѣлямъ ознакомленія общества съ состояніемъ и движеніемъ науки о нашемъ прошломъ. Намъ кажется также, что для журнала съ спеціальнымъ содержаніемъ, какимъ являются «Археологическія Извѣстія и Замѣтки» мѣсячный срокъ выхода номеровъ черезчуръ коротокъ.

Во всякомъ случаѣ, въ виду тѣхъ полезныхъ задачъ, какія преслѣдуетъ настоящее изданіе, можно лишь пожелать ему возможно широкаго распространенія [2]).

Изъ помѣщенныхъ въ вышедшихъ номерахъ многочисленныхъ замѣтокъ, касающихся древностей южной Россіи, отмѣтимъ двѣ. Въ № 1 находимъ изображенія золотой привѣски (въ журналѣ она на-

---

[1]) Статьи: *И. Е. Забѣлина*—„Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины"; *Д. Айналова*—„Пластинка диптиха изъ слоновой кости изъ собранія графа Строганова въ Римѣ"; *А. В. Орѣшникова*—„Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грознаго"; отчасти статья, *М. Сперанскаго*—„О змѣевикѣ съ семью отроками".

[2]) Годовая цѣна журналу—3 рубля; адресъ редакціи: Москва, Историческій музей на Красной площади, Алексѣю Васильевичу Орѣшникову.

звана пряжкой) кругло-выпуклой формы, украшенной орнаментами въ видѣ трехугольниковъ изъ мелкой зерни съ львиными головками посрединѣ, и серебрянаго браслета съ золотыми львиными головками на концахъ; предметы эти составляютъ часть коллекціи древностей, пріобрѣтенной историческимъ музеемъ въ Москвѣ, вырыты они, по словамъ продавца, крестьянами въ курганахъ с. Емчехи, въ 2-хъ варстахъ отъ м. Козина, каневскаго уѣзда, при рѣкѣ Россавѣ. Въ № 5 помѣщено изображеніе свинцовой вислой печати, найденной на Княжей горѣ; печать эту, судя по надписи и обстоятельствамъ находки, можно считать принадлежавшей митрополиту Кириллу II Греку (1225—1233 гг.).

Б.

Библіографическія замѣтки. I. („*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ *за 1893 г. №№ 1—9*).

Въ «Журналѣ М. Н. П.» за первые девять мѣсяцевъ настоящаго года отмѣтимъ слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ исторіи Юга. Въ 3-мъ № статья г. С. Р—скаго о докторской диссертаціи г. Собѣстіанскаго: ученія о національныхъ особенностяхъ *характера* и юридическаго быта древнихъ славянъ. Работа г. Собѣстіанскаго вызвала горячіе споры въ исторической литературѣ; нѣкоторые рецензенты придавали ей громадное значеніе, другіе отрицали. Въ «Кіев. Старинѣ» былъ помѣщенъ рядъ статей проф. Багалѣя, рѣзко осуждающихъ сочиненіе г. Собѣстіанскаго. Г. С. Р—скій указываетъ въ своей общей оцѣнкѣ труда на существенные промахи харьковскаго профессора. Любопытныя, дѣйствительно, могутъ появляться докторскія, якобы строго научныя, сочиненія въ наше время, когда такъ много предстáвляется серьезныхъ требованій отъ историка съ точки зрѣнія и точности опредѣленій, и выводовъ, и научнаго метода, и критики источниковъ!.. Подъ словами заглавія «національныя особенности характера древнихъ славянъ» (ужъ не сказать ли еще *духа* древнихъ славянъ?)—едва ли можно подразумѣвать что нибудь реально существовавшее и опредѣленное; а между тѣмъ половина указаннаго труда посвящена опроверженію мнѣній о прекрасныхъ чертахъ

этого характера. Если на самомъ дѣлѣ книга г. С. можетъ опредѣляющимъ образомъ воздѣйствовать на будущихъ славистовъ (слова проф. Дринова, см. Истор. Обозр. кн V стр. 184),—то это очень печально. «Трезвые» взгляды г. С., какъ онъ самъ ихъ называетъ, лишены научной отчетливости и серьезной доказательности, особенно, напримѣръ, въ такихъ главахъ, какъ пятая первой части, гдѣ г. С. поноситъ выводы и доказательства Шафарика, изложенныя въ «Славянскихъ древностяхъ».

Славяновѣдѣнію посвящена и вступительная лекція покойнаго Срезневскаго (№ 5), сказанная имъ въ харьковскомъ же университетѣ 16-го октября 1842 года, тотчасъ по возвращеніи изъ заграничной командировки. Вътомъ же пятомъ № укажемъ замѣтки Л. Н. Майкова «Къ вопросу объ исторіи Руссовъ» по поводу брошюры г. Горленка «Изъ сторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка». Г. Майковъ склоняется къ мнѣнію А. М. Лазаревскаго (Кіевская Старина 1891 года. № 4): скорѣе всего авторами «Исторіи Руссовъ» нужно признать Григ. Андр. и Васил. Григ. Полетикъ (стр. 221).

Интересна статья С. Н. Браиловскаго (№ 6-й). Г. Браиловскій опредѣляетъ неизвѣстную доселѣ причину смерти Ѳеофана Прокоповича. До появленія указанной замѣтки извѣстно было только то, что сильное напряженіе душевныхъ силъ изнурили здоровье Ѳ. П.; умеръ же онъ 8 сентября 1736 г. Заимствуя свѣдѣнія изъ 2-хъ приводимыхъ г. Браиловскимъ писемъ учениковъ Карповской школы Ѳеофана, мы можемъ опредѣлить, что у Прокоповича «болѣзнь была каменная», которая „въ смертельной Антоновъ огонь превратилася“ (стр. 500).

Обратимъ вниманіе читателей „Кіевской Старины“ на продолжающееся печататься въ журналѣ изслѣдованіе Ѳ. М. Леонтовича „Очерки исторіи Литовско-русскаго права“ и съ особеннымъ вниманіемъ остановимся на статьѣ г. Таллоци „Исторія сѣверо-восточной европы и новѣйшая мадьярская историографія (№ 7). Въ Будапештѣ существуетъ Мадьярское Историческое Общество; товарищемъ предсѣдателя общества состоитъ директоръ университетской библіотеки г. Силадьи (Skila'gyi). Общество издаетъ „мадьярскіе историографическія біографіи“. Любопытны для южно-русской исторіи монографіи и архивные матеріалы, проредактированные г. Силадьи. И монографіи, и матеріалы касаются, главнымъ образомъ,

отношеній Седьмиградіи къ Польшѣ и Малороссіи въ XVII в.,—особенно при Георгіи I и Георгіи II Ракоціяхъ. Г. Таллоци въ указанной статьѣ знакомитъ русскихъ читателей съ изслѣдованіями г. Силадьи. Въ XVII в. „только то государство (Россія, Польша, Турція) могло разсчитывать на окончательную побѣду, которому бы удалось связать съ собою козаковъ. По этому необходимо должна была возникнуть борьба сосѣднихъ государствъ изъ-за обладанія Малороссіей, борьба, въ которой дѣятельное участіе приняла и Седьмиградія“ (стр. 190). Козаки въ началѣ XVII в. принимаютъ дѣятельное участіе въ исторіи Австріи и ея войнахъ, особенно въ періодъ усиленія польскаго гнета. Въ началѣ тридцатилѣтней войны (1620 г.) козаки дѣлаютъ набѣгъ въ Моравію и распространяютъ тамъ страхъ и трепетъ. Георгій I Ракоцій послѣ смерти короля Польскаго Владислава IV стремится занять польскій престолъ при помощи Б. Хмельницкаго. Гетманъ очень сочувствовалъ планамъ Георгія и обѣщалъ помощь, вспоминая милостивое отношеніе къ козакамъ Стефана Баторія. Произошелъ обмѣнъ посольствъ, но послы казацкіе застали Георгія I мертвымъ. Послѣ зборовскаго договора Б. Хмельницкій „понимая, что съ Польшей полное примиреніе не возможно, возымѣлъ мысль объ основаніи особаго казацкаго малорусскаго королевства. Сначала его взоры остановились на Сигизмундѣ Ракочіѣ, младшемъ братѣ Георгія II“, который долженъ былъ жениться на дочери Молдавскаго господаря Лупула—Иринѣ. Такимъ образомъ произошло бы единеніе Седьмиградіи, Молдавіи и Малороссіи. Ирина не понравилась Сигизмунду, бракъ разстроился, и Тимофей Хмельницкій женился на Иринѣ. Въ 1651 году Богданъ Хмельницкій колеблется, предлагая корону надъ козаками то Радзивиллу, зятю молдавскаго господаря, то Георгію II. Георгій медлитъ; въ это время происходитъ битва подъ Берестечкомъ, Бѣлоцерковскій договоръ и вмѣшательство Москвы въ малороссійскія дѣла. Смерть Тимофея Хмѣльницкаго въ борьбѣ съ Ракоціемъ въ качествѣ союзника Лупула охлаждаетъ Богдана къ Ракоцію. 8 февраля 1654 г. совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Но „Хмельницкій, смотрѣвшій на подданство Москвѣ, какъ на палліативную мѣру и желавшій сохранить за Малороссіей наибольшую самостоятельность, а также опасавшійся Татаръ, отложилъ свое негодованіе на Ракоція. Когда началась русско-польская война, Хмельницкій вступилъ съ Ракоціемъ въ частыя сношенія“ (стр. 197). Ракоцій стремился къ польскому престолу и заключилъ съ Хмельницкимъ союзъ. Гетманъ призналъ Ракоція поль-

скимъ королемъ при гарантіи казацкихъ вольностей. При посредствѣ Ракоція заключенъ также союзъ между шведами и казаками. Ракоцій потерпѣлъ неудачу, его оставили и шведы, и казаки; со своимъ разстроеннымъ войскомъ онъ удалился въ іюлѣ 1657 года изъ Польши и княжилъ въ Седьмиградіи до своей смерти, послѣдовавшей въ 1660 году.

Въ № 8 Ж. М. Н. П. помѣщена статья г. Каринскаго о двухъ памятникахъ стараго западно-русскаго нарѣчія,—лютеранскомъ катехизисѣ 1562 г. и католическомъ катехизисѣ 1585 г. Экземпляры указанныхъ книгъ находятся въ Петербургской публичной библіотекѣ. Г. Каринскимъ сдѣланъ фонетическій и морфологическій разборъ памятниковъ и приложенъ списокъ болѣе рѣдкихъ словъ.

Статья кн. Имеретинскаго „Дворянство Волынской губерніи“ (№ 8) указываетъ на то, какъ польская шляхта избѣгала вносить свои имена въ списки россійскихъ дворянъ далеко позже жалованной грамоты 1785 г. и присоединенія значительныхъ частей бывшаго польско-литовскаго государства къ государству русскому. Указы 1800 и др. год. много способствуютъ такой регистраціи польской шляхты на Волыни. Г. Имеретинскій отмѣчаетъ, однако, уклончивость и неподатливость въ этомъ дѣлѣ волынскихъ дворянъ, но, говоритъ авторъ статьи, „неотразимая и безпощадная сила историческаго хода событій стала тверже подчинять своему вліянію польское дворянство, никогда добровольно не подчинявшееся ни требованіемъ разума, ни даже указаніямъ Промысла“ (349 стр.). Къ 1829 г. имена уже 7518 шляхетскихъ волынскихъ родовъ, приблизительно 30,000 человѣкъ, благодаря настойчивости правительства, были занесены въ списки россійскихъ дворянъ. Послѣ такого болѣе или менѣе успѣшнаго веденія дѣла, намъ кажутся очень странными слѣдующія слова г. Имеретинскаго, полныя негодованія: въ итогѣ (въ 1829 г.) получится 30,072 лица, признанныхъ русскими дворянами, въ дѣйствительности же нисколько не переставшихъ враждебно относиться къ Россіи и всему русскому“ и т. д. (стр. 367). Но, вѣдь, само русское правительство и добивалось возможно полнаго, возможно скораго и правильнаго занесенія всѣхъ шляхетскихъ родовъ въ списки русскихъ дворянскихъ родовъ. Увеличеніе такого списка именно согласно „съ требованіями разума, даже указаніями Промысла“, наконецъ желаніями самаго г. Имеретинскаго, судя по тону его статьи... А тонъ, правду сказать, не научный и не объективный. Укажемъ въ видѣ образца на о бъясненіе, почему въ 1826 г. многіе поляки подписывали свои фамиліи при дѣ-

лопроизводствахъ о дворянствѣ то по-польски, то по-русски, едва ли, конечно, сколько нибудь освоившись съ русскимъ языкомъ. Г. Имеретинскій, говоритъ, что они это дѣлали „какъ будто подъ вліяніемъ ребяческаго каприза". Едва ли тутъ было мѣсто ребяческому капризу...

И.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ и РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

73-й ВЫПУСКЪ

(НАСОСЫ-НЕРСЕСОВЪ)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Изд. съ 44-го выпуска, т-ва А. Гранатъ и К°, бывшаго товарищества А. Гарбель и К°.

Все изданіе составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ по 13—14 вып. Вышло 72 вып. (5 томовъ и 2 вып. шестаго) до слова Насоновъ. Въ вышедшихъ выпускахъ помѣщено 59,508 статей и замѣтокъ, текстъ иллюстрированъ 1,090 портретами и рисунками, географическими картами, хромо и олеографіями, и таблицами рисунковъ. Съ пятаго тома для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства прилагаются автотипическіе снимки съ картинъ классическихъ художниковъ.

Цѣна тому въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ на обыкновенной бумагѣ 4 руб. 50 коп., на лучшей бумагѣ 6 руб.; цѣна выпуску на обыкновенной бумагѣ 30 коп., на лучшей бумагѣ 40 коп. За пересылку приплачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости. Учащіе, учащіеся и учебныя заведенія пользуются уступкою въ размѣрѣ 10%. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкой на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносятъ 3 руб. 60 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и 4 руб. 80 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ и, представивъ ручательство казначея въ аккуратномъ платежѣ мѣсячныхъ взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 тома изданія; затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно, въ теченіе 12 мѣсяцевъ, по 1 руб. 20 коп. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и по 1 руб. 60 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. Расходы по пересылкѣ оплачиваются также ежемѣсячными взносами по 15 коп. для экземпл.

на обыкновенной бумагѣ и 20 коп. для экземпляра на лучшей бумагѣ. На послѣдующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частныя лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 вып. съ наложеннымъ платежемъ въ 1 руб. 50 к. для экземпл. на обыкновенной бумагѣ и въ 2 руб. для экземпл. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ, или 2) каждые 2 или 3 мѣсяца—по переплетенному тому съ наложеннымъ платежемъ въ 4 руб. 50 коп. для экземпл. на обыкновенной бумагѣ и въ 6 руб. для экземпл. на лучшей бумагѣ и на расходы по пересылкѣ.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ рублей. Допускается разсрочка платежа въ два срока: **4** руб. при подпискѣ на газету, а остальные **3** руб. до 1-го апрѣля.

(С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебной и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Резолюціи кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія Правительственнаго Сената.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительственнаго Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Подписчики „Юридической Газеты“ въ 1893 году получаютъ сборники Кассаціонныхъ рѣшеній за 1892 и 1893 года, т. е. всѣ тѣ рѣшенія, кои выпускаются Правительствующимъ Сенатомъ въ 1893 году; подписчики же „Юридической Газеты“ въ 1894 году получатъ сборники Кассаціонныхъ рѣшеній за 1893 и 1894 года.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ редакцію „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“ и при томъ не болѣе 4-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

2) Всякія иныя справки и порученія должны быть оплачиваемы по взаимному соглашенію съ редакціей.

3) Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

4) Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

5) Редакція „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Подписка на «Юридическую Газету» съ приложеніемъ въ 1893 году продолжается.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета

НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлы критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; па; мятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники-имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

карти и виграл 1 р. зъ чимсь. Получилъ я писмо зъ Ромна отъ род., что онъ 22-го мая виедетъ въ Харковъ зъ Ромна. Вѣдомость подалъ ключникъ, что въ пріемѣ его риби вялой было сули 8500, чабака 11300, короповъ 600, сомовъ 300, въ продажѣ сули 5200, чабакъ 10100, короповъ 600, сомовъ 280; принято грошей имъ же ключникомъ, за тую рибу 73 р. и 10 ал., а на людяхъ неотданнихъ грошей 94 р. и 13 а. съ копѣйкою; въ росходѣ на работниковъ сули 2500, чабака 650, сомовъ 20, въ остатку 2000, поддой самой.

Понеделокъ. 22. Паспортъ зъ канцелляріи енер. получилемъ ехать себѣ въ Харковъ, на 4 подводи почтовихъ. Петръ Михайловъ, подканцеляристъ колежскій, былъ у мене и просилъ о коня верхового, гнѣдого, которого оставилемъ въ Глуховѣ для отдачи ему толко въ той силѣ, чтобъ мене взглядомъ Сивака обнадежилъ, же ему всякіе трудности отбувать, о чомъ къ господару Василеви Новѣцкому листомъ предложилемъ. У ключника взялемъ 26 р., въ чомъ и росписка на реестрѣ учинилась; зъ тихъ же грошей 10 р. далемъ Вѣжевскому на росходъ. Генералъ на водцѣ былъ зъ нѣкоторими членами у насъ. Въ інтересѣ род. писалемъ до Шаригина, чтобъ забвенію не былъ преданъ. У Кошелева полковника былъ я, а пожегнавшись съ нимъ и Левенцемъ, заехалемъ до сотника глух. и оттуду поехалемъ въ путь свой зъ попомъ Астровскимъ, и пріехали въ Тулиг. на ночъ.

Вовтор 23. Тутъ въ дворцѣ, по осмотрѣ, показалось гор. простой 4 куфи, а меншихъ 6. Василець за воровство наказанъ. Господареви пунктовъ 6 далемъ и листъ до Писарева объ очистцѣ склепу; а поехавши зъ Тулиг., пріехали въ Мутинъ, где перевюзшись черезъ Сеймъ, стали на ночлѣгъ заразъ.

Середа. 24. Сегодня рано писмо отдалемъ перевозникамъ до о. ігумена Петропавловского монастира зъ прошеніемъ, чтобъ на перевозѣ людей моихъ безденежно пропущано. А мы поехавши, уехали миль зъ 4 и стали на обѣдъ при урочищи, називаемомъ Кринички, куда пріехалъ къ намъ Несторовичъ зъ женою своею, и оттуду поехавши, прибыли въ Смѣлое, где и ночовали.

Четвер. 25. Сегодня рано вставши, рушили и пріехали передъ обѣдомъ въ Роменъ, где родителку, братовую и. Андрѣевую, брата

Семена и пріехавшую ахтирскую полковницу застали и тутъ подпіяхомъ. Карпъ Огіевичъ поехалъ въ Миргородъ сватать себѣ дочери у Зарудного, которому отъ род. своихъ далемъ два дуката по 2 червонныхъ. Указъ состоялся монаршій въ тайномъ верховномъ совѣтѣ: Петра Толстого, полковника нѣжинского лишить полку и выслать зъ Малой Россіи въ московскіе деревни, его или отцови, зъ женою и дѣтми на житло, о чомъ зри юля 2-го числа, 1-го нумера.

Пятокъ. 26. Сегодня рано послалемъ двѣ писмѣ въ Глуховъ. одно до господара, о присилцѣ гор. 12 куфъ, такъ же и о томъ, чтобъ никому въ дворѣ становитись и харчоватись не велѣлъ, развѣ указъ родителскій албо нашъ привезетъ. Другое до Леонтія о присланню обстоятелной вѣдомости о случаи нинѣшномъ. Такъ же писалемъ до швакгра, Якова Полуботка, о прибитіи его сюда. Обѣдалисмо всѣ зъ гостми ахтирскими и капитаномъ Ситинимъ.

Субота. 27. Сегодня ездилемъ зъ Несторовичемъ на Засулле, где зъ полковницею ахтирскою кушалисмо. На Засуллѣ видѣлемъ куфи гор. зъ Глухова привезенніе 12, а давнихъ 3 куфи гор. простой, одна на корхъ не повна, а другая корховъ на 2 и пальцовъ на два, третая повна; оковитой гор. въ куфѣ болшой корховъ на 2 и пальцовъ на два. Куфа бузовой не повна на корхъ, куфа сливовой повна, куфа вишневой не повна корховъ на 2 и пальцовъ на 3.

Неделя. 28. Сегодня обѣдалисмо въ купѣ зъ гостми и п. Яковъ Полуботокъ, а у вечеру ездилисмо на Засулле, куда и родитель отъ князя повернулся, где и ночовали.

Понеделокъ. 29. Сегодня рано ходилъ я въ лазню, где вийшовши вомѣтовалемъ 3 раза, а по обѣдѣ гостѣ ахтирскіе и п. Яковъ Полуботокъ отехали во свояси, которого опроважалисмо обое и братовая п. Андрѣева до его квартери. Тамъже ему и табакерку далемъ.

Вовтор. 30. Сегодня рано уговоръ зъ Засулцами здѣланъ, которіе мѣютъ гор. куфами отвозить въ Царицинъ, за каждую куфу брать имъ по 40 каменей вагою, а камень по 7 шаг., которимъ и деньги отъ мене дани, за 10 куфъ половинніе 140 зол. Двѣ куфи гор. простой пересипани въ великую куеу, где еще было и

оковитой гор. на 2 корхы. Братовая и. Андрѣева поехала въ домъ свой въ Суми. У ваннѣ парилъся муравями, по чомъ посипало мене барзо.

Середа. 31. Сегодня рано службы Божой на Засуллѣ вислухавши, переехалисмо въ Роменъ, а родитель тамъ откушавши, поехалъ по футорахъ. Обискалось писмо, данное мнѣ отъ Горошинцовъ на футоръ Криворудскій.

Мѣсяць юнь. Четвер. 1. Сегодня явился чернець Глинскій, когдась у насъ інспекторовавшій, а потомъ школи латинскіе у Бѣлагородѣ учившій. Обѣдалисмо сами и съ нами Несторовичъ зъ женою. Юско Сердюченко, мужикъ сухоносовскій, явился тутъ, которому отпустивши его до середи въ домъ дать казалемъ 1 р., а въ середу сюда явитись. Родитель пріехалъ зъ футоровъ, до которого и я ездилъ на Засулле, где отвечеравши повернулемся въ городъ на ночъ. Савку Савеліева, бывшого писарчика при варницѣ, приналемъ за слугу.

Пятокъ. 2. Вѣжевскому въ реестрѣ пріемномъ написано 24 р., въ числѣ мая 26-мъ, якіе далемъ ему. Писалемъ до стар. Сухонос., чтобъ Сердюченко не на середу, але на понеделникъ пріездилъ сюда. До Глухова 2 четвер. сули почтаремъ послано, черезъ котораго писалемъ до господара о висилцѣ гор. и о присилцѣ желѣза 3 пуд. До Александровского старости тожъ писалъ о присилцѣ желѣза отъ станка каретки, теперъ привезенной, оставшогося. Отъ стар. сухонос. получилемъ писмо, что вибралъ въ дорогу подводи воловъ робочихъ 70, а именно: зъ между купленнихъ 53, а зъ домашнихъ 17, и что человѣку Бѣлоусовскому далъ за грунтъ задатку 10 зол.

Субота. 3. Сегодня рано пріехалемъ на Засулле, где и кушалисмо всѣ, но обѣдѣ родителка поехала по футорахъ, а родитель и я поехали въ Вовковцѣ до генерала-лейтнанта фонъ деръ Роппа, где до ночи просидѣли, а позно въ ночь пріехали на Засулле; тутъ и ночовалисмо.

Неделя. 4. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріехали зъ Глухова Галицкій и город. сотникъ. Публѣкацѣя была о смерти

Государинѣ, а на вѣрность его императорскому величеству присягано въ Глуховѣ.

Понеделокъ. 5. Сегодня полученъ листъ зъ Глухова отъ Янковского, въ якомъ ознаймуетъ, что принесени 2 указа монаршіе 17 мая зъ С. П. Бурху, зъ которихъ въ едномъ написано, что будетъ гетманъ и старшина енер. въ насъ по прежнему, и збори отставлени будутъ, кромѣ тихъ, якіе за Хмелницкого гетмана и другихъ збырались, а другій обявляючи о преставленіи ея величества государинѣ імператрици и чтобъ на вѣрность его императорскому величеству присягу виконали наши знатнѣйшіе въ Глуховѣ, а въ полки о томъ же при манѣфестахъ нарочніе присланни будутъ зъ коллегіи малор.—Несторовичъ, сотн. роменскій, повернулъся зъ Вовковець, опровадивши генерала-порутчика Ронна, который, мовитъ, сказивалъ о томъ же. Ездилемъ осмотривать воловъ моихъ припроваженнихъ зъ Сухонос., которихъ всѣхъ числомъ 70, а между тими своихъ доморослихъ 17, да потомъ ездилемъ на монастиріще, где казалемъ тарадайку додѣлать и каретку новую переправить.

Вовтор. 6. Сегодня въ городѣ Ромнѣ службы Божой слухалисмо, а обѣдали на Засуллѣ. Писалемъ писма до Янковского объ увѣдомленіи о тамошнемъ, а до господара о присилцѣ гор. сюда немедленно. Зъ Сухоносовки Юско Сердюченко пріехалъ и писмо отъ стар. далъ, въ якомъ требуетъ присилки грошей 300 зол. на заплаченне новокупленного грунту у Бѣлоусовского человѣка, до которого отписалемъ, отдачу денегъ откладаючи до моего пріезду туда.

Середа. 7. Сегодня обѣдалисмо тутъ и съ нами Несторовичъ, братъ Семенъ и протч. Родитель поехалъ въ Андреевку для збліженняся, къ полковой старшинѣ, чинячой розграниченне токаровцямъ зъ пѣсковцями и футоромъ Галецкого. Милемся въ лазнѣ и кровъ зашкурную пускалъ.

Четвергъ. 8. Сегодня на службу Божую и на обѣдъ пріехалисмо въ городъ. Передъ вечоромъ поехалемъ былъ въ Глуховъ, але на предмѣстю, стрѣвшись зъ капитаномъ гварнизону глух. Михайломъ Чарторійскимъ, посланнимъ въ полкъ лубенскій зъ указами, повернулемся назадъ.

Пятокъ. 9. Родитель повернулся зъ Андреевки и Луки въ Роменъ. Прежде помянутій капитанъ, бувши въ дому род., отдалъ родителю указъ зъ колегіи малор., зъ якихъ въ едномъ о преставленіи государинѣ и о наслѣдіи нинѣшнего монарха, въ другомъ объ отставцѣ зборовъ опредѣленіемъ колегіи малор. по доношенію генерала-маіора Веляминова собиравшихся, а збирать тѣ, которіе надлежатъ по пунктамъ гетмана Богдана Хмелницкого и якіе за бытности другихъ гетмановъ собирались. и что гетманъ и старшина въ Малую Россію вскоре мѣютъ быть опредѣлени, какъ въ договорахъ было Богдана Хмелницкого, о чомъ и особливий указъ зъ Сената, къ полковнику и старшинѣ полковой написанний, родителю жъ вручилъ; въ третемъ, что 12-го мая свѣтлѣйшій князь пожалованъ новимъ чиномъ генералиссимуса. Якіе всѣ укази оголосивши передомъ въ народъ, котлами войсковими и болшимъ звономъ, читано передъ церквою, а по прочтеніи ввойшли въ церковъ, где родитель, потомъ я и протчіе всѣ присягу на вѣрность его імпер. величеству виконали, по семъ служба Божая совершалась, по службѣ было благодарственное молебствіе зъ трикратною стрелбою пушечною. При концу сеей церемонѣи пріехалъ зъ Глухова Покорскій, старшій канцеляристъ, зъ енер. канцеляріи зъ указомъ, то жъ самое оглашаючимъ. Потомъ доволно персонъ кушали у род. при музицѣ войсковой. Поехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночовалемъ у Сухого Ромна. Зъ Сухонос. пригнано 6 воловъ при листѣ старости, зъ якихъ трохъ велѣлемъ удержать и присовокупить до 70, а трохъ отправить назадъ, яко незгодних въ дорогу, а листъ далемъ до стар. о томъ писанний и о борошнѣ и казанахъ на косарѣ потребний отвѣтуючій.

Субота. 10. Сегодня, зъ становиска вчорайшого рушивши, пріехали до кринички, где и обѣдъ кушалемъ, а по обѣдѣ пріехалемъ до перевозу мутинского, где засталемъ капитана Новотроецкого полку Ладина зъ ротами того жъ полку переправуючагося, где я переправившись, пріехалемъ на ночъ до пустинки мутинской.

Неделя. 11. Тутъ же въ пустинцѣ службы слухалемъ и обѣдалемъ. Отцу Пахомію 3 р. далемъ и 2 гривни. По обѣдѣ поеха-

лемъ и пріехалемъ зарання до Тулиг., тутъ и ночовалъ. Увѣдомился, что въ пятокъ пойшли воловики зъ гор. въ Роменъ, а именно: 5 куфъ простой болшихъ, а шестая у 6 носатокъ, да 2 болшихъ оковитой, а въ Тулиголовахъ тилко въ одной куфѣ гор. 6 носатокъ, Стар. говорилъ, что Шрамко въ Сварковѣ купилъ ставокъ близъ своего двора и на другомъ боцѣ огородъ у мужиковъ, Омелченка и Шевця.

Понеделокъ. 12. Сегодня рано поехалемъ зъ Тулиголовъ и пріехалемъ до Сваркова на обѣдъ, оттуду на ночъ въ Глуховъ.

Вовторокъ. 13 Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Анастасіи, а по службѣ былъ у Кондзеровского и въ дому кушалъ, по обѣдѣ были у мене протопопъ Глуховскій о. Свѣтайло и Григор. Занковскій, потомъ ездилемъ до генерала маіора Веляминова и Кошелева, где и зъ п. судіиною видѣлемся. Передъ смертію блаженной памяти ея величества, за тиждень, Петръ Андр. Толстой и синъ его старшій Іванъ и протчіе сослани зъ С. П. Бурху въ силку. У господара отобралемъ купчіе, а одну Ясманскую непорадне составленную для поправки назадъ ему отдалемъ.

Середа. 14. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною Левенецъ. Господарь и ключникъ дали вѣдомость, что Федоръ, бывшій шинкаръ, ясманскій остался виноватъ за напитокъ недоплаченныхъ 47 р. 27 а. Приказъ господару и ключнику далемъ меду мѣрницю давать отъ 1-го юля въ шинки по 4 р., а не по 9 коп. Получилемъ писмо отъ жени, что въ пасѣцѣ роменской на Плавинищахъ пчоли роевъ показалось 5, а старой 23, а такъ всѣхъ 28. Кровъ зъ головной жили пускалемъ.

Четвер. 15. Сегодня рано господареви приказъ далемъ въ 13 пунктахъ и отехалемъ зъ Глухова, и пріехалемъ въ Мутинъ на обѣдъ. Зъ Мутина писалемъ до отца протопопи глуховского о отцу Никитѣ, вѣкарію сварковскому, дабы ему владѣть полемъ церковнимъ всѣмъ, а не половиною и отцу Гурію, чтобъ не допустить его до того и тотъ листъ зъ конемъ строкатимъ булано, приставшимъ, далемъ Валѣцкому, старостѣ мутинскому, отослать въ Глуховъ. Переехалемъ черезъ Сеймъ и уехавши миль зъ двѣ, у Кросенъ ночовалемъ

Пятокъ. 16. Отъ ночлѣга вчорайшого сегодня поехавши на дорозѣ стрѣтилемся зъ Галецкимъ, сотникомъ полк. стар., и отъ обѣда становиско имѣлъ на Ромнѣ, а передъ вечоромъ пріехалемъ въ Роменъ. Писмо отъ Федора Юрченка марта 12-го, еще зъ Астраханѣ отправленное, получилемъ, въ якомъ пишетъ, что лоцманъ поворовалъ болтовъ 2, крукъ до руля у полъ 3 пуда, дерева половину купленного на бракшпиль за 4 р., блоковъ 5, полотна 110 аршинъ, да Гаврило далъ ему 65 р. а потомъ 15 р. денегъ моихъ.

Суббота. 17. Сегодня обѣдалемъ тутъже и со мною Несторовичъ и Столповскій. Составляли експедицію виправляючимся до Астраханѣ. Юско Зубко явился и подалъ челобитную, просячись на службу.

Неделя 18 Сегодня переехалемъ на Засулле и тутъ службы Божой слухалемъ зъ судею новимъ луб., Несторовичемъ, Столповскимъ и отцемъ Евстафѣемъ. Писалемъ до Михаила Петрова, чтобъ онъ въ С. П. Бурсѣ купилъ мнѣ млинокъ на кагве и табаку ревелского. Семенъ Бардакъ. Михайло Гавриленко зъ послушними себѣ Федоромъ Ясманскимъ и Романомъ Лисимъ, тако же и Юско Сердюченко, отправлени въ дорогу, первіе въ Астрахань зъ запасомъ, при которихъ возокъ конний, а коней рижихъ 2, а 1 чалій, возовъ воловихъ 15 зъ привоями ременними, воловъ 62, на которихъ послано въ продажу гор. оковитой куѳъ 2, а въ нихъ носат. 24, гор. простой куѳъ 20, а въ нихъ носатокъ 262 и квартъ 32, особливе барилъ 2 гор. простои жъ, носат. 84, масла перетопленного кухва неповна, вагою камень 18 безъ 10 фунт. зъ деревомъ, а дерево самое важитъ 4 пуда, тютюну кулей 25, а папушъ въ нихъ десять тисячъ, горѣлки вишневой переваруваной барилъ 2 великихъ, а непереваруваной барилъ 2, болшое и меншое, дулевой барило великое, сливяной барилъ 2, великое и малое. Семену далемъ для експенсовъ денегъ 30 червонныхъ и 10 р., а не въ зачотъ на дорогу далемъ Михаилу Гавриленку 3 р. Федору и Роману по 1 р. Юско Сердюченко посланъ съ ними жъ въ Царицинъ, откуда повернувшись мѣетъ въ манычѣ за соллю ехать, на що ему далемъ 10 червонныхъ да 20 р. а ему невзачотъ полъ 2 р., харчи

зъ ними дано: сухарей житнихъ кулей 9, муки гречаной мѣховъ 6, пшона мѣховъ 2, салъ 2, до возовъ дано сокѣръ 4, долотъ 3, свердловъ 4, струговъ 2, шворней желѣзныхъ 12, списовъ 3, бокlаговъ 7, мазниць 7, стояновъ 3, и всякому зъ нихъ троихъ особливий приказъ данъ, которихъ екстрактъ на особливомъ паперѣ зде приложенъ. Далемъ Вѣжевскому на росходъ 6 р., що и въ реестрѣ записалемъ.

Понеделокъ. 19. Сегодня обѣдалемъ на Засуллѣ зъ попомъ Евстаффѣемъ, Несторовичомъ и Столпов. По обѣдѣ поехалемъ и пріехалемъ на ночъ въ Луку.

Вовтор. 20. Сегодня рано отправилъ я 2 писмѣ въ Ромонъ, 1) до Волинского, о его пріездѣ въ Сухоносовку и Перервинцѣ, а другое, до Семена Бардака о пѣвчомъ для Змѣіова невинайденномъ, хочай винайти и было старанне, дабы и онъ такъ ему въ Астраханѣ сказалъ и чтобъ винайшолъ купить малчика колмичонка. Поехавши оттуду пріехалемъ о полднѣ до Бѣлоцерковець села, куда будетъ миль зъ 5, откуду до Пѣратина у 2 милѣ отстоящого, оттоль до Короваювъ, у 2 милѣ отстоящого села, где не засталемъ родителя, толко самую родителку и жену.

Середа. 21. Сегодня рано пожекгнавши род., поехалисмо обое и пріехали въ село Перервинцѣ, отъ Короваевъ у 2 милѣ добрихъ отстоящее, где и заночовалисмо, лежачее межи сухою Оржицею и Чумгакомъ. Тутъ воловъ нашихъ рабочихъ 21, назимковъ 2, свиней старихъ 12, малихъ 17, корова дойная зъ телямъ.

Четвер. 22. Сегодня рано ездилемъ до Сухой Оржицѣ, при которой и ставокъ, занятий покойнимъ суддею дядкомъ, да тамъ же стѣнка [1]) козака Ворони Перервинского: оттуду заездилемъ до яру Мехеевского, Худолѣомъ уступленного мнѣ, въ милю оттуду, въ верхъ сухой Оржицѣ и отъ села тако жъ, где молодий хащникъ [2]) пустилъся; оттуду пріехалемъ до села, где и обѣдалисмо. Мужикъ мой перервинскій Семенъ Каркушка явился, которому увойти

---

[1]) Небольшой лѣсокъ.

[2]) Кустарникъ.

въ село строкъ положенъ до Петра святого. Мати Остапа Кучера явилась, которой далемъ полтину грошей. 3 р. старостѣ перервинскому казалемъ Вѣжевскому дать на расходи

Пятокъ. 23. Сегодня рано службы Божой вислухавши, поехалисмо зъ Перервинець и уехавши милю, пріехали въ село Бѣлоусовку, где переехавши черезъ Чумгакъ, на греблю сотника пѣратинского, пріехали до Денисовки, въ 2-хъ миляхъ отстоящей, и тутъ черезъ ставокъ переехавши Іановой лубенской, стали на обѣдъ, а по обѣдѣ поехалисмо и миль зъ 4 добрыхъ уехавши, пріехали въ Бурумку, где родителку застали; тутъ и ночовалисмо.

Субота. 24. Тутъ праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи отправилисмо, куда и братъ Семенъ пріехалъ зъ Кривой Руди, а передъ вечеромъ виехалисмо зъ Кривой Руди, родителка жъ и жена моя поехали на перевозъ Оржицкій, до футорей Криворудскихъ, а я, зъ братомъ Семеномъ, поехалисмо до Оржицѣ, въ 2-хъ миляхъ отстоящой, где и заночовалисмо въ городка, у человѣка козака Артема тестя Сухомузкого.

Неделя. 25. Сегодня рано перевюзшись черезъ рѣчку Оржицю, братъ Семенъ поехалъ въ Лубнѣ, а я до Лукомля, въ 2-хъ же миляхъ отстоящого, ради виданнися зъ родителемъ, куда пріехалемъ передъ службою Божою, подчасъ чинившойся публѣкацѣи; по службѣ, у сотника обѣдалисмо, Мартина Кодинця. Ради великого дожчу, удержалемся черезъ сей день тутъ. Козака Ворону перервинского отправилемъ въ домъ зъ листомъ до стар. о томъ, чтобъ увѣдомилъ мене, що по листу до сотен. пѣр. комиссаровъ писанномъ объ облегченіи людямъ моимъ учинилось, чтобъ увѣдомилъ же мене, сколко въ футорахъ сотника Кохна и проч., где и людей жилля суть, опредѣлено рацѣй, а Семену Каркущѣ, чтобъ онъ въ семъ м-цѣ перейшолъ въ село.

Понеделокъ. 26. Сегодня рано пожекгнавши родителя, поехалемъ въ Лукомле и, переехавши черезъ Сулу, поехалемъ степомъ и прибылъ у футоръ род., зовемий Фастѣрскій, где и обѣдалисмо зъ родителкою, женою и братовою; тамъже по обѣдѣ пожекгнав-

шись зъ род., розехалисмося, она изволила поехать къ Лубнямъ, а ми у футоръ свой криворудскій, где и заночовалисмо.

Вовтор. 27. Сегодня тутъ же прожилисмо, а на обѣдъ пріѣхалъ Хоружій къ намъ пол. Жуковскій Василь и атаманъ горашинскій. У футорѣ показалось зъ стадними коней дригантовъ 9, кобилъ всѣхъ 78, а всего того зъ протчимъ поголовемъ 210, а браку винято надъ сее число 18, товару рогатого бугаевъ 6, коровъ всѣхъ 86, воловъ робочихъ 4, а зъ другимъ поголовемъ будетъ всего 216, а браку 13, овецъ всѣхъ 1057, козъ всѣхъ 121, коней иждалихъ 81 и браку 8, о чомъ зде особливий приложенъ реестръ.

Середа. 28. Сегодня послалемъ Юска машталѣра въ Лубнѣ до родителя, зъ листомъ до доктора въ Гданскъ, о спораженню домовой аптечки писаннимъ; до Желязя — о продажѣ 11 воловъ моихъ и о покупцѣ рѣчий, якимъ особливе приложенъ реестрикъ, а 2 въ аптеку о лѣкарствахъ, которихъ всѣхъ копія зде приложена, а до Іосифа Шимка приложенъ въ листѣ облѣкъ купца гданского задолжившогося за воли проданніе Яковомъ Дубровою наши на 440 зол. тамошней монети, чтобъ онъ тіе денги по облѣку доправилъ; до тихъ же воловъ на кормъ далемъ Шимкови 4 таляр. бытихъ и 2 р., о полученіи облѣка ответствовалъ Шимко ко мнѣ. Передъ вечеромъ поехалисмо обое до Горошина, где и заночовалисмо у атамана тамошнего, для вислуханія набоженства завтришнего дня праздничного.

Четвер. 29. Сегодня по службѣ Божой заездилемъ до греблѣ Горошинскои, на которой клѣтка прадажная Galagana пол. прилуцкого, где толко одно коло держится, а другого и третого ступного немашъ, кромѣ ставидлъ. Юска Щербака молодика послалемъ до Перервинець и оттоль до Василя Тамари зъ листомъ, упоминаючись объ обѣщанную дичину живую и зъ картою объ отобранню должнихъ 18 р. Пріехалисмо знову у футоръ Криворудскій, где обѣдалисмо и ночовалисмо.

Пятокъ. 30. Сегодня были у мене горошинскіе жители Ілляшенко, Опанасъ ктиторъ, козакъ. Герасимъ и проч., упоминаючись

объ учиненне межи твердой, которимъ казалемъ, что въ осени учинится заоръ по половинѣ, между новимъ нинѣшнимъ заоромъ и могилками до могили Столповахи. Поехалисмо зъ футора изъ дороги писалемъ до Волинского и стар. Сухонос., чтобъ они о томъ по вишепомянутому учинили межованне, а мы пріехалисмо въ Лубнѣ, изъ Лубенъ въ Александровку, где застalисмо родителя, туда жъ и родителка пріехала.

Мѣсяць Юль. Субота. 1. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Сенчу за монаршимъ інтерессомъ, ради окончения присяги, а ми тутъ и ночовалисмо.

Неделя. 2. Сегодня рано получилемъ вѣдомость о состоявшихся указахъ его імпер. в—ва, одномъ 16-го мая, а другомъ 25-го, которіе въ такой силѣ суть: первий указъ 1727-го году, мая 12-го, его імператорское величество указали великороссійскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ Малой Россіи земель и грунтовъ не покупать, а малороссіанамъ продавать запретить, а которія зъ великороссійскаго народа до сего указа такія землѣ и грунта купили, у тѣхъ взять къ тѣмъ же полкамъ, заплатя имъ по купчимъ денги, чтобъ оттого Малороссійскому народу обидъ небыло, а кто впредъ сего указу изъ великороссійскихъ людей станутъ въ Малой Россіи земли покупать, у тѣхъ брать безденежно и о томъ въ Малороссійскую колегію и къ генералной старшинѣ послать укази изъ сената. Данъ въ нашомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ мая 9-го 1727 году. Другій указъ зъ верхового совѣта въ сенатъ. Сего мая 25-го числа 1727 году, указали мы Петру Толстому въ Нѣжинскомъ полку полковникомъ не быть и жить ему зъ женою и зъ дѣтми въ великороссійскихъ своихъ или отцовихъ деревняхъ, до нашого указу, и для того ево зъ женою и зъ дѣтми изъ Малой Россіи выслать немедленно и о томъ въ малороссійскую колегію нашъ указъ посланъ и нашему сенату о вишеписанномъ вѣдать. Данъ въ нашомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, мая 24, 1727 року.—Ездилемъ зъ братомъ п. Семеномъ и Василемъ Глинскимъ до монастира, где по службѣ кушалисмо и потомъ отехалемъ и пріехалемъ на ночъ въ Сухоносовку, а ехалемъ кружно зъ монастира до Тимокъ на Воронки.

Понеделокъ. 3. Сегодня въ Сухоносовцѣ осмотрѣлемъ пчоли своей, якой старой было 70, а роевъ теперъ показалось 60 и того 130 пчоли всей, да тутъ же корова 1. Орановскому попу 15 рунъ вовни дать казалемъ. Юско молодикъ повернулся зъ Кавраю отъ Тамари и привезлъ пару гусей гилянскихъ, чили рачей Китайскихъ и пару курей карловъ персидскихъ. Обѣдалемъ зъ сотникомъ и атаманомъ Чорнусскими и проч., а по обѣдѣ отехалемъ, а пріехалемъ къ Лохвицѣ, до гаю, где зъ п. Павловою увидѣвшись, а совокупившись зъ родителкою и женою, пріехалемъ позно въ Луку; тутъ застalисмо родителя и братовъ Луку и Івана, зъ училищъ кіевскихъ пріехавшихъ.

Вовтор. 4. Где я увѣдомился о бывшой екзекуцѣи въ маи мѣсяцѣ, которую нѣкоторіе персони въ С. П. Бурсѣ понесли, а именно: Антонъ Девіеръ битъ кнутомъ и сосланъ въ силку въ Сѣбѣръ, Петръ Толстой зъ синомъ Іваномъ сосланъ въ Соловецкій монастиръ, Іванъ Бутурлинъ лишенъ всѣхъ чиновъ и посланъ въ дальніе его деревнѣ на житло, а деревень въ его не отнимать, Григорій Скорняковъ Писаревъ лишенъ всего чина и чести и данныхъ деревень, битъ кнутомъ и посланъ въ силку. Князь Іванъ Долгоруковъ отлученъ отъ двора и написанъ, понизя чиновъ, въ полки поліовіе, Александеръ Наришкинъ лишенъ чина, а жить ему въ деревнѣ безъ виезду. Андрей Ушаковъ опредѣленъ къ другой командѣ, куда належитъ, за тое, что они имѣли нѣкоторій умислъ противъ високой персони его величества и хотѣли способъ къ полученію наслѣдствія пресѣкти и препятствуя сватовству на принцессѣ Меншиковой. Обѣдалисмо многіе здо, а по обѣдѣ поехали мы обое зъ Луки и пріехали на ночъ въ Глинскъ, где и вечералисмо у сотниковой.

Середа. 5. Сегодня рано родитель пріехалъ въ Глинскъ и присяга отправлена, а ми пожекгнавши его и другихъ поехали и пріехали на обѣдъ къ Ромну, и обѣдали на Засуллѣ, зъ Несторовичомъ, а по обѣдѣ пріехалемъ въ городъ. Принееенъ указъ зъ колегіи малор. юня 28-го написанний, въ якомъ означено, что состоялся въ С.П.-Бурсѣ въ тайномъ верховомъ совѣтѣ указъ монаршій мая 26-го у ясневелможной и дѣтей ея отобрать маетности тіе

которими прежніе владѣли гетмани и якіе вновъ пожаловани покойному гетману, а оставить толко собственніе давніе и купленіе.

Четвер. 6. Черезъ Леска сторожа послалемъ до Шимка два дзикгарики, біонцій и другій простій; тогда жъ и карта покупокъ приложена: протупею и прот., сѣменъ разныхъ и прошку. Зъ Кривой Руди пригнано овець 60, да товару рогатого поголовя 13, и зъ Сухоносовки конь бѣлоногій, якій данъ былъ для поездки старостѣ. Денисъ машталѣръ далъ карту на себе на респектъ зсилаючись. Адамъ повернулъся зъ Астраханѣ мая 28 го и привезлъ риби иголнѣ 4000 и листъ отъ Кулика и Ангона о 50 р, позиченнихъ ими у Жидкова. Реестръ данъ коней продажнихъ Тарасу тако жъ и товару. Комисару пол. Данилу Савоску говорилъ объ облегченіе Перервинець. Писалемъ до родителя о томъ, чтобъ написалъ до Шимка, жебы Желязъ послушенъ былъ. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечеромъ, а ночевалемъ у Сухого Ромна.

Пятокъ. 7. Рано поехалемъ отъ ночлѣга и въ обѣда становиско имѣлъ у криничокъ, оттоль пріехалемъ въ Мутинъ, а ночовалемъ недоеждая Морозовки.

Субота. 8. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Ворголъ, где и обѣдалемъ у Стефана Миклашевского. Ширай бунчуковий товаришъ Федоръ пріехалъ зъ Астраханѣ. По обѣдѣ поехавши, заехалемъ до пасѣки, где засталемъ старой пчоли 162 уллѣ, а молодой 30 роевъ. Оттуду ехалемъ черезъ футоръ Калюжновскій до Сваркова и оттоль на ночъ въ Глуховъ, а ночовалемъ у ясновелможной зъ п. Михайломъ (Скоропадскимъ).

Неделя. 9. Обѣдалемъ у ясневелможной, по обѣдѣ былъ у мене п. Михайло, потомъ ездилемъ до генерала, где позабавившись мало, повернулемся назадъ въ домъ свой. Полковникъ нѣжинскій бывшій Толстой пріехалъ въ Глуховъ. Писалемъ до родителя, обявляючи о себѣ.

Понеделокъ. 10. Гамалѣя сотникъ былъ у мене рано. У ясневелможной съ протчіими обѣдалемъ. По жито въ хуторъ послалемъ по картѣ Василя Книша.

Вовтор. 11. Обѣдалъ у ясневел, и съ нами Василій Михайловичъ Иртишевъ. По обѣдѣ ездилемъ на Бѣлополовку и оттоль въ домъ пріехалемъ, где о. Островскій и Чуйкевичъ были и вечерали. Вѣжевского въ Сварковъ до господара посилалемъ взглядомъ жита. Ясневел. подарила зъ Кучеревки жита 43, пополамъ зъ п. Михайломъ.

Середа. 12. Попъ Астровскій поехалъ въ Чернѣговъ, черезъ которого писалемъ до швакгровъ обоихъ зъ цедулою о нашемъ інтерессѣ упоминаючись. Попа Сухоносовского отца Якима синови Евстафѣю далемъ писмо до архіерея въ Кіевъ о его посвященіи на тотъ же престолъ, где и отецъ его обрѣтается; черезъ его до род. писалемъ и жени. Полку нѣжинского значковіе арестуючіе двора ясневелмож. пріехали въ Глуховъ, а зъ Глухова поехалъ затимъ же Дубневичъ, а Костенецкій остался въ Глуховѣ.

Четвер. 13. Сегодня жидови Юдку далемъ шовку 5 лотовъ и 2 р., чтобъ ему на пріидучомъ тижню здѣлать два шнурки зъ тясомками до двоихъ кунтушовъ и до лѣски [1]) тясму зъ китицею и кутасомъ, за что все то есть за сребро и трудъ 5 зъ полтиною. Родитель пріехалъ зъ Ромна въ Глуховъ, былъ у ясневел. и вечералисмо тамъже.

Пятокъ. 14. Антина Соколовскаго сотника бакланского быто кнутомъ 63 раза за безчестіе, отъ его яко бы свѣтлѣйшому князю нанесенное. Жита тутъ отобрали 48 четвериковъ, а такъ всего 90 четв. и 1 четверть. Получилемъ писмо отъ Юска Шимка о полученномъ имъ писмѣ моемъ и реестру покупокъ и принятихъ 2-хъ дзикгаркахъ черезъ Леска сторожа Семен. 6 юл. Писмо получилемъ отъ отца протопопи глуховского о отцу Гурію, чтобъ сѣно, покошенное имъ, и житній засѣвъ собравъ въ безпечномъ мѣстѣ закрить, а ему взять недопустить. Писалемъ въ Роменъ до господара и до Дуброви о посилцѣ 100 зол. къ старостѣ Сухонос. на сѣно, а 30 зол. удержцѣ у себе и о наймѣ 10 воловиковъ. Зъ С.П. Бурху пріехалъ куріеръ денщикъ свѣтлѣйшого князя Челищевъ въ коллегію осмимъ днемъ, чтобъ отписани были на его свѣтлость Шептаки и

[1]) Палка, трость.

Коропъ Тотъ же сказивалъ, что сенатъ разрушенъ, а остался толко тайний верховний совѣтъ зъ прибавленіемъ членовъ; тотъ жа сказивалъ, что гетманомъ опредѣленъ миргородскій.

Субота. 15. Сегодня у ясневел. обѣдалисмо, по обѣдѣ ясневел. поехала зъ дочерю Уляною въ Гамалѣевку и п. Михайло Скоропадскій въ Сорочинцѣ, а я въ свою квартеру повернулъся. Писалемъ въ Ромен до Якова Дуброви о продажѣ вовни, тютюну и проч. и о покупцѣ юхтъ, тясомъ тютюну, родзѣниковъ, киндяковъ 10.

Неделя. Сегодня рано родитель поехалъ въ Гамалѣевскій монастыръ, а мы тутъ по службѣ Божой обѣдали. Генералъ маіоръ Веляминовъ выехалъ зъ Глухова въ С.П.-Бурхъ, а ко мнѣ тако жъ и другимъ заездилъ прощатся.

Понеделокъ. 17. Сегодня рано пріехалъ род. зъ Гамалѣевки и обѣдалисмо въ себе. Яковъ пишетъ черезъ Волинского, что продалъ 6 товару рогатого за 18 р. Писалемъ до Якова на листъ его отвѣтуючи, дабы онъ осталний товаръ и конѣ отъ продажи присилалъ сюда зъ Романомъ, а продалъ бы вовну по 2 а., а бранку и тютюнъ якъ возможна, а купилъ бы тамъ юхтъ 3, цукру и рыжу. Волинскій пріехалъ и донеслъ, что зъ горошинцями не учинили помѣркованя, потому что они отложили тое до осени. Стар. Тулиголовскій сказивалъ, что у его роевъ 15, а всей пчоли 25, ему жъ позволилемъ давать носатку гор. шинкареви тулиг. по 8 зол., а девятій золотий покуховного.

Вовтор. 18. Сегодня обѣдалисмо у ясневел. Писалемъ до Якова о присилцѣ станка до одноколки, якая спалнею здѣланъна. Получилемъ писмо отъ Василя Жуковского о его нуждѣ въ кошенню сѣна и на оное отписалемъ, черезъ сторожа глинского, что повелено, да чтобъ его жъ послалъ онъ въ Нѣжинъ, зъ писмомъ моимъ до Грановского за садовникомъ писаннимъ, да приложилъ и то, что онъ опредѣленъ въ товарищахъ Бѣляку до ревизѣи сотень лукомской и лохвицкой и о футоровѣ моемъ Криворудскомъ. Пригнано зъ Ромна непроданнихъ моихъ 3 воли, а четвертую корову. Указъ присланъ въ колегію малор. Коропъ и Шептаковскую волость отдать свѣтлѣйшому князю.

Середа. 19. Сегодня господаръ доносилъ, что въ Уздицѣ всѣхъ роевъ зъ 50 есть. Количову корову зъ телямъ отъ родителя отослалемъ, а другая осталась. Вѣдомо учинилось по указахъ зъ колегіи малор. въ полки посланнихъ, что опредѣленіе здѣлалось въ оной збирать збори по силѣ указу зъ тайного верховного совѣту присланного, тѣ которіе належатъ по пунктамъ Богдана Хмелницкого гетмана и якіе збирани при бытности бывшихъ гетмановъ, о которихъ зборщики именно показали въ 722 году, о чомъ и інструкцѣи вновъ до зборщиковъ, же мѣютъ прислатись, въ томъ же належачомъ указѣ означенно. Родитель отехалъ въ Роменъ, а мы у вечернѣ были у церкви судейской, где и ясневелможная была и Уляна Івановна сестра. Маетности въ полку кіевскомъ обрѣтаючіеся якими владѣла Мултянская княгиня зъ синами [1]), пожаловани генералу атютанту его імпер. в-ва Лопухину.

Четвер. 20. Сегодня обѣдалисмо у ясневел., а по обѣдѣ былъ я у Гречаного и Рудановского. У Рудановского при розговорѣ слихалъ, что въ колегію зборовъ денежнихъ збирается погодно по 90000 р.. по 100, по 110 и по 120 тисячъ р., а зъ хлѣбнимъ зборомъ и другими до 150 тисячъ.

П. Павловой кролевецкой [2]) далемъ 2 червоннихъ, а 4 прежде Карпу далемъ, всѣхъ 6, оной же ключникъ далъ 5 р., итого 17 р., Указы отправлени въ полки зъ колегіи, чтобъ арештъ зъ маетности монастира Гамалѣевского знято.

Пятокъ. 21. Получилемъ писмо отъ род., въ якомъ обявляетъ, что имѣлъ разговоръ зъ Степаномъ Миклашевскимъ о свойствѣ зъ Андрѣемъ Лизогубомъ. Черезъ сторожа роменского послалемъ до род. указъ о зняттю арешту зъ маетностей Гамалѣевскихъ и писма отъ ясневел. до род. и до князь Михайла Михайловича Голѣцина, и мои писма 2 до родителей и листъ до Якова Дуброви, о покупцѣ чайника мѣдного болшого и листъ до стар. сухонос. объ отданню грошей на церковъ Сухон. за млинъ. Ездилемъ у вечеру въ футоръ Калюжнов. и въ Сварковъ, где и заночовалемъ.

---

[1]) Княгиня Кантакузенъ

[2]) Женѣ Кролевецкаго сотника Павла Огіевскаго.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ.

(Приложеніе къ ст. Ю. Тиховскаго).

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ.

(Приложеніе къ ст. Ю. Тиховскаго).

Не лѣполи (=лѣпо ли] ны бяшетъ, | братіе, начяти
старыми словесы | трудныхъ повѣстій
о пълку Игоревѣ, | Игоря Святъславлича! [=?]
начати же ся ¦ тъй пѣсни
по былинамъ ¦ сего времени,
а не по замышленію ¦ Бояню.
Боянъ бо вѣщій, | аще кому хотяше | пѣснь творити,
то растѣкашется | мыслію по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли, | шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо речь първыхъ временъ | усобіцѣ;
тогда пущашеть | 1 соколовъ | на стадо лебедѣй,
который [=рьм.?] дотечаше, | та преди пѣсь пояше, [:]
старому Ярославу, | храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю | предъ пълкы Касожьскыми,
красному Романови | Святъславличю.
Боянъ же братіе, | не 1 соколовъ | на стадо лебедѣй ¦ пущаше,
нъ своя вѣщіа | пръсты | на живая струны ¦ въскладаше;
они же сами | Княземъ славу | рокотаху.

Почнемъ же, братіе, | повѣсть сію
отъ стараго Владиміра | до нынѣшняго Игоря;
иже истягну умь | крѣпостію своею,
и поостри | сердца своего мужествомъ,
неплънився ¦ ратнаго духа,
наведе ¦ своя храбрыя плъкы
на землю половѣцькую | за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ | на свѣтлое солнце
и виде отъ него тьмою | вся своя воя прикрыты,
и рече Игорь къ дружинѣ своей:
братіе и дружино! | лучежъ бы потяту быти, неже полонену быти:
а всядемъ, братіе, | на свои бръзыя комони | да позримъ синего Дону.
Спала Князю умь | похоти, [=похопи,?]
и жалость ему | знаменіе заступи,
искусити | Дону великаго.
Хощу бо, рече, | копіе приломити
конець поля Половецкаго | съ вами Русици,
хощу главу свою приложити,
а любо испити | шеломомь Дону.
О Бояне, | соловію стáраго времени!
абы ты | сіа плъкы ущекоталъ,
скача [славію] | по мыслену древу,
летая умомъ | подъ облакы,
свивая славы [=славъю?] | оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню | чресъ поля на горы
Пѣти было | пѣсь Игореви, | того (Олга) внуку. [:]
Не буря соколы занесе | чрезъ поля широкая;
галици стады бѣжать | къ Дону великому;
чили въспѣти было | вѣщей Бояне, | Велесовь внуче! [:]
Комони ржуть за Сулою; | звенить слáва въ Кыевѣ;
трубы трубятъ въ Новѣградѣ; | стоятъ стязи въ Путивлѣ;
Игорь ждетъ | мила брата | Всеволода.
И рече ему | Буй Туръ Всеволодъ:
одинъ братъ, одинъ свѣтъ | свѣтлый ты Игорю,
оба есвѣ | Святъславличя;
сѣдлай, брате, свой | бръзыи комони,
а мои ти готови, осѣдлани | у Курьска на передѣ;
а мои ти Куряни | свѣдоми къ мети, [=къмети]
подъ трубами повити, | подъ шеломы възлелѣяны, конець копія
въскръмлени,
пути имъ вѣдоми, | яругы имъ знаемы,
луци у нихъ напряжени, | тули отворени, | сабли изъострени,
сами скачють | акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себѣ чти, | а Князю славѣ.
Тогда въступи | Игорь князь | въ злáтъ стремень,
и поѣха | по́ чистому | полю.

Солнце ему тъмою | путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою | птичь убуди; [,]
свистъ звѣринъ въ стазби; [=въста зби.]
дивъ кличетъ | връху древа,
велитъ послушати | земли незнаемѣ,
влъзѣ ⁞ и по морію, ⁞ и по Сулію, [=и Поморію, и Посулію,]
и Сурожу, ⁞ и Корсуню,
и тебѣ ⁞ [,] Тьмутораканьскый блъванъ;
А Половци неготовами дорогами | побѣгоша къ Дону Великому;
крычатъ тѣлѣгы полунощы, | рци лебеди роспущени.
Игорь къ Дону | вои ведетъ: [.]
уже бо бѣды его | пасетъ птицъ; подобію [=подубію??]
влъци грозу | въсрожатъ, по яругамъ;
орли клектомъ | на кости звѣри зовутъ,
лисици брешутъ | на чрълены щиты.
О руская земле! | уже за Шеломянемъ еси.

Длъго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла, | щекотъ славій успе,
говоръ галичъ ⁞ убуди [=убуди. ?]
Русичи великая поля | чрълеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, | а Князю славы.

Съ заранія въ пятъкъ потопташа | поганыя плъкы Половецкыя;
и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша | красныя дѣвкы Половецкыя,
а съ ними злато, и паволокы, | и драгыя оксамиты;
орьтъмами и япончицами, и кожухы | начаша мосты мостити
по болотомъ ⁞ и грязивымъ мѣстомъ, |
и всякыми узорчьи ⁞ Половѣцкыми.
Чрълень стягъ, ⁞ бѣла хорюговь,
чрълена чолка, ⁞ сребрено стружіе
храброму ⁞ святьславличю.

Дремлетъ въ полѣ | Ольгово храброе гнѣздо | далече залетѣло:
небылонъ [=не бы(о) онъ(о)?] ⁞ обидѣ порождено, | ни соколу, ни кречету,
ци тебѣ чрѣный воронъ, | поганый Половчине.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ;
Кончакъ ему слѣдъ правитъ
къ Дону великому.

Другаго дни ⁞ велми рано | кровавыя зори ⁞ свѣтъ повѣдаютъ;
чрѣныя тучя ⁞ съ моря идутъ, | хотятъ прикрыти ⁞ 4 солнца:

а въ нихъ трепещуть | синіи млъніи,
быти грому великому, | итти дождю стрѣлами | съ Дону великаго:
ту ся копіемъ приламати, | ту ся саблямъ потручяти | о шеломы Половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ, | у Дону Великаго.
О Руская землѣ! | уже не Шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, | вѣютъ съ моря стрѣлами | на храбрыя плъкы Игоревы!
земля тутнетъ, | рѣкы мутно текуть; | пороси поля прикрываютъ;
стязи глаголютъ, | Половци идуть | отъ Дона, и отъ моря, | и отъ всѣхъ странъ,
Рускыя плъкы | отступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ | поля прегородиша,
а храбріи Русици преградиша | чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ! | стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами, | гремлеши о шеломы | мечи харалужными.
Камо Туръ поскочяше, | своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ | поганыя головы Половецкыя;
поскепаны саблями каленымі | шеломы Оварьскыя | отъ тебе́ Яръ Туре Всеволоде.
Кая раны [=раѧ=рана?] дорога, братіе, | забывъ чти и живота,
и града Чрънѝгова, | отня зла́та стола,
и своя милыя хоти | красныя Глѣбовны | свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, | минули лѣта Ярославля;
были плъци Олговы, | Ольга Святьславличя.
Тъй бо Олегъ | мечемъ крамолу коваше, | и стрѣлы по земли сѣяше,
Ступаетъ въ златъ стремень | въ градѣ Тьмутороканѣ.
Тоже [=Тѫ же??] звонъ слыша | давный великый | Ярославъ сынъ Всеволожь: [=Всевол҃ъ; ?]
а Владиміръ | по вся утра | уши закладаше въ Черниговѣ;
Бориса же Вячеславича | слава на судъ приведе,
и на канину | зелену паполому постла,
за обиду Олгову, | храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкъ | повелѣя отца своего
Междю Угорьскыми иноходьцы | ко святѣй Софіи къ Кіеву.
Тогда при Олзѣ Гориславличи | сѣшется и растяшеть усобицами;
погибашеть жизнь | Даждь Божа внука,

вѣ княжихъ крамолахъ | вѣци человѣкомъ скратишась.
Тогда по Руской земли | рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть | трупіа себѣ дѣляче;
а галици свою рѣчь говоряхуть, | хотятъ полетѣти на уедіе.

То было въ ты рать, | и въ ты плъкы; |
а сице и [=сицей] рати | не слышано:
съ зараніа до вечера, | съ вечера до свѣта | летятъ стрѣлы каленыя;
гримлютъ сабли о шеломы; | трещятъ копіа харалужныя,
въ полѣ незнаемѣ | среди земли Половецкыи.
Чрьна земля подъ копыты, | костьми была посѣяна, | а кровію польяна
тугою взыдоша | по Руской земли.

Что ми шумитъ, | что ми звенитъ
давечя рано | предъ зорями?
Игорь плъкы | заворочаетъ;
жаль бо ему мила | брата Всеволода.
Бишася день, | бишася другый:
третьяго дни | къ полудню падоша | стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста | на брезѣ быстрой Каялы.
Ту кроваваго вина | недоста;
ту пиръ докончаша | храбріи Русичи:
сваты попоиша, | а сами полегоша | за землю Рускую.
Ничить трава жалощами, | а древо стугою [=с тугою] къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала,
уже пустыни | силу прикрыла.
Въстала обида | въ силахъ Дажь-Божа внука.
Вступилъ дѣвою | на землю Трояню | всплескала лебедиными крылы
на синѣмъ морѣ | у Дону плещучи. | убуди жирня времена.
Усобица Княземъ | на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату: | се мое, а то моеже;
и начяша Князи про малое, | се великое млъвити,
а сами на себѣ крамолу ковати:
а поганіи съ всѣхъ странъ | прихождаху съ побѣдами | на землю Рускую.

О! далече зайде соколъ, птицъ бья | къ морю:
а Игорева храбраго плъку | не крѣсити.
За нимъ кликну Карна | и Жля, по скочи | [=карна и жля поскочи ?] | по Руской земли,

смагу мычючи | въ пламянѣ розѣ.
Жены Рускія | въсплакашась : аркучи: [=а ркучи:]
уже намъ своихъ милыхъ ладъ |
ни мыслію смыслити, | ни думою сдумати, | ни очима съглядати,
а злата и сребра | ни мало того потрепати.
А встона бо, братіе, | Кіевъ тугою, | а Черниговъ напастьми;
тоска разліяся | по Руской земли;
печаль жирна тече | средь земли рускый;
а князи сами на себе | крамолу коваху;
а поганіи сами : побѣдами нарищуще | на Рускую землю,
емляху дань : по бѣлѣ отъ двора.
Тіи бо два храбрая Святъславлича, | Игорь и Всеволодъ | уже лжу убуди,
которую то бяше успилъ | отецъ ихъ Святъславъ | грозный Великый Кіевскый.
Грозою бяшетъ; | (притрепеталъ)
своими сильными плъкы | и харалужными мечи; | наступи на землю Половецкую;
притопта хлъми и яругы; | взмути рѣки и озеры; | иссуши потоки и болота,
и поганаго Кобяка | изъ луку моря
отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, | яко вихръ выторже
и падеся Кобякъ : въ градѣ Кіевѣ, |
въ гридницѣ : Святъславли.
Ту Нѣмци и Венедици, | ту Греци и Марава | поютъ славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ | во днѣ Каялы рѣкы Половецкія,
Рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь Князь высѣдѣ | изъ сѣдла злата, | а въ сѣдло Кощіево;
уныша бо градомъ забралы, | а веселіе поникче.
А Святъславъ | мутенъ сонъ видѣ: | (въ Кіевѣ на горахъ)
си ночь съ вечера | одѣвахъте [=одѣвахуть?] мя, рече, | чрѣною паполомою | на кроваты тисовѣ.
Чрьпахуть ми | синее вино | съ трудомъ смѣшено;
сыпахуть ми | тѣщими тулы | поганыхъ тльковинъ | великый женчюгъ на лоно,
и нѣгуютъ мя; | [:] уже дьскы безъ кнѣса | вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ.
Всю ночь съ вечера | босуви [=бѫсови??] врани възграяху, | у Плѣсньска на болони

бѣша дебрь Кисаню,
и не сошлю къ синему морю.
И рекоша бояре Князю: | уже Княже | туга умь полонила;
се бо два сокола слѣтѣста | съ отня стола злата, | поискати града : Тьмутороканя,
а любо испити | шеломомъ Дону.
Уже соколома | крильца припѣшали | поганыхъ саблями,
а самаю опустоша [=опуташа?] | въ путины желѣзны.
небо бѣ : въ Тамо̀ день | два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа : погасоста,
и съ нимъ молодая мѣсяца, | Олегъ и Святъславъ | тъмою ся поволокоста.
На рѣцѣ на Каялѣ | тьма свѣтъ покрыла:
по Руской земли | простроншася Половци, аки пардуже гнѣздо | и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство | подасть Хинови.
Уже снесеся | хула на хвалу;
уже тресну | нужда на волю;
уже вражеса | дивь на землю.
Се бо Готскія : красныя дѣвы | въспѣша на брезѣ | синему морю.
Звоня Рускымъ златомъ, | поютъ время Бусово, | млѣютъ месть : Шароканю.
А мы уже дружина | жадни веселія.
Тогда Великій Святславъ | изрони злато слово | слезами смѣшено, | и рече:
о моя сыновчя | Игорю и Всеволоде!
рано еста начали | Половецкую землю | мечи цвѣлити, | а себѣ славы искати.
Пъ нечестно одолѣсте:
нечестно бо | кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца | въ жестоцемъ харалузѣ скована, | а въ буести закалена.
Се ли створисте | моей сребреней сѣдинѣ!
А уже не вижду власти | сильнаго, и богатаго и много вои | брата моего Ярослава
съ черниговскими былями,
и съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры,
и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы.
Тіи бо бес щитовь : съ засапожникы | кликомъ плъкы побѣждаютъ,

звонячи ¦ въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте | му жа имѣся [=мужаимъся] сами,
преднюю славу ¦ сами похитимъ, | а заднюю [=заднюю?] ся ¦ сами подѣлимъ.
А чи диво ся братіе | стару помолодити?
Коли соколъ ¦ въ мытехъ бываетъ, | высоко птицъ възбиваетъ;
не дасть гнѣзда своего ¦ въ обиду.
Нъ се зло ¦ Княже ми не пособіе; [=непособіе]
на нниче ся | годины обратиша.
Се Уримъ [=у Римъ] кричатъ | подъ саблями Половецкыми, | а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска | сыну Глѣбову.
Великый Княже Всеволоде! | не мыслію ти прелетѣти издалеча, | отня злата ¦ стола поблюсти? [.]
Ты бо можеши Волгу | веслы раскропити, | а Донъ ¦ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ, | то была бы Чага по ногатѣ, | а кощей по резанѣ.
Ты бо можеши посуху | живыми шереширы стрѣляти | удалыми сыны Глѣбовы.
Ты буй Рюриче и Давыде, | не ваю ли злачеными шеломы | по крови плаваша?
Не ваю ли храбрыя дружина | рыкаютъ акы тури, |
ранены саблями калеными | на полѣ незнаемѣ?
Вступита Господина | въ злата стремень | за обиду сего времени,
за землю Русскую, | за раны Игоревы, | буего Святславлича!
Галичкы Осмомыслѣ Ярославе | высоко сѣдиши | на своемъ златокованнѣмъ столѣ.
Подперъ горы Угорьскыи | своими желѣзными плъки,
заступивъ Королеви путь, | затвори въ [=затворивъ] Дунаю ворота,
меча времены ¦ чрезъ облаки, | суды рядя ¦ до Дуная.
Грозы твоя ¦ по землямъ текутъ; | отворяеши ¦ Кіеву врата;
стрѣляеши, | съ отня злата стола | Салтани за землями.
Стрѣляй господине Кончака, | поганого Кощея
за землю Рускую, | за раны Игоревы | буего Святславлича.
А ты буй Романе и Мстиславе! | храбрая мысль | носитъ васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши | на дѣло въ буести,
Яко соколъ | на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю | въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю | желѣзныи паворзи | подъ шеломы латинскими,

Тѣми тресну земля, | и многи страны хинова.
Литва, Ятвязи | Деремела, и Половци
сулици своя повръгоша. [=повергоша,] | а главы своя поклониша | подъ тыи мечи харалужныи.
Нъ уже Княже Игорю, | утрпѣ солнцю свѣтъ,
а древо не бологемъ | листвіе срони:
по Рсіи, | [по Р҃си и] по Сули | гради подѣлиша;
а Игорева храбраго плъку | не крѣсити.
Донъ ти Княже кличетъ, | и зоветъ князи на побѣду.
Олговичи храбрыи Князи | доспѣли на брань. [=на бранѣ.?]
Инъгварь и Всеволодъ, | и вси три Мстиславличи, | не худа гнѣзда шестокрилци,
непобѣдными жребіи | собѣ власти расхытисте? [.]
Кое ваши златыи шеломы | и сулицы Ляцкіи | и щиты!
Загородите полю ворота | своими острыми стрѣлами
за землю Русскую, | за раны Игоревы, буего Святъславлича.
Уже бо Сула не течетъ | сребреными струями | къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ | онымъ грознымъ Полочаномъ | подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ | позвони своими острыми мечи | о шеломы Литовскія;
притрепа славу | дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты | на кровавѣ травѣ | притрепанъ Литовскыми мечи.
Исхоти ю на кровать, и рекъ:
дружину твою, Княже, | птицъ крилы пріодѣ, | а звѣри кровь полизаша.
Не бысь ту брата Брячяслава, | ни другаго Всеволода;
единъ же изрони | жемчюжну душу | изъ храбра тѣла, | чресъ злато ожереліе.
Унылы голоси, | пониче веселіе.
Трубы трубятъ | городеньскіи.
Ярославе | и вси внуце Всеславли
уже понизить | стязи свои,
вонзить | свои мечи вережени;
уже бо выскочисте | изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами | начасте наводити поганыя | на землю Рускую, | на жизнь Всеславлю.

Которое бо бѣше насиліе | отъ земли Половецкыи!
На сецьмомъ вѣцѣ Трояни | връже Всеславъ жребій | о дѣвицю себѣ любу.
Тъй клюками подиръся о кони, | и скочи къ граду Кыеву,
и дотчеся стружіемъ | злата стола Кіевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ | въ плъночи, изъ Бѣла-града, | обѣсися синѣ мьглѣ,
утръ же воззни стрикусы [=въ҂зн҃ѧ трикусы??] | оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ | до Немиги съ Дудутокъ.
На Немигѣ снопы | стелють го́ловами,
молотятъ чепи | харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ, | вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ | не бологомъ бяхуть посѣяни,
посѣяни костьми | Рускихъ сыновъ.
Всеславъ Князь людемъ судяше, | Княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь ⁝ влъкомъ рыскаше;
изъ Кыева дорискаше | до Куръ Тмутороканя;
великому хръсови | влъкомъ путь прерыскаше.
Тому вь Полотскѣ позвониша | заутренюю рано | у Святыя Софеи въ колоколы:
а онъ въ Кыевѣ | звонъ слыша.
Аще и вѣща душа ⁝ въ друзѣ тѣлѣ, | нъ часто бѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ | и пръвое припѣвку | смысленый рече:
ни хытру, ни горазду, | ни птицю горазду, | суда Божіа не минути.
О! стонати Руской земли, | помянувше пръвую годину, | и пръвыхъ Князей.
Того стараго Владиміра | не льзѣ бѣ пригвоздити | къ горамъ Кіевскимъ:
сего бо нынѣ | сташа стяги Рюриковы, | а друзіи Давидовы;
нъ рози нося имъ | хоботы пашуть, | копіа поютъ ⁝ на Дунаи.
Ярославнынъ ⁝ гласъ слышить: [=Ярославны мъ(=ми) гл҃а с(я) слышитъ?]
зегзицею незнаемь [=незнаемъю?], | рано кычеть:
полечю, рече, | зегзицею | по Дунаеви;
омочю | бебрянъ рукавъ | въ Каялѣ рѣцѣ,
утру Князю | кровавыя его раны | на жестоцѣмъ его тѣлѣ.
Ярославна рано плачеть | въ Путивлѣ на забралѣ, | а҆рку́чи:
о вѣтрѣ! вѣтрило! | чему Господине | насильно вѣеши?

Чему мычеши | Хиновьскыя стрѣлкы | на своею не трудною крилцю, | на моея лады вои?
Мало ли ти бяшетъ | горъ подъ облакы вѣяти, | лелѣючи корабли | на синѣ морѣ?
Чему Господине | мое веселіе | по ковылію развѣя?
Ярославна рано плачеть | Путивлю городу на заборолѣ, | а҆ркýчи:
о Днепре словутицю! | ты пробилъ еси | каменныя горы | сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ | Святославли носады | до плъку Кобякова:
възлелѣй господине | мою ладу ко мнѣ, | а быхъ неслала къ нему | слезъ на море рано.
Ярославна рано плачетъ | къ [=въ?] Путивлѣ на забралѣ, | а҆ркýчи:
свѣтлое и тресвѣтлое слънце! | всѣмъ тепло | и красно еси:
чему господине простре | горячюю свою лучю | на ладѣ вои?
въ полѣ безводѣ | жаждею имъ лучи съпряже, | тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; | идутъ сморци мьглами;
Игореви Князю | Богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой | на землю Рускую, | къ отню злату столу.
Погасоша | вечеру зари:
Игорь спитъ, | Игорь бдитъ,
Игорь мыслію | поля мѣритъ
отъ великаго Дону | до малого Донца. | |
Комонь | въ полуночи.
Овлуръ свисну | за рѣкою;
велить Князю | разумѣти.
Князю Игорю | не быть:
кликну стукну земля; | въшумѣ трава.
Вежися Половецкіи | подвизашася; [=подвизошася]
а Игорь Князь поскочи | горностаемъ къ тростію, | и бѣлымъ гоголемъ на воду;
въвръжеся на бръзъ комонь, | и скочи съ него босымъ влъкомъ, | и потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами | избивая гуси и лебеди, | завтраку, и обѣду и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ, | тогда Влуръ влъкомъ потече, | труся собою студеную росу;
претръгоста бо своя | бръзая комоня.
Донець рече: | Княже Игорю!

не мало ти величія, | а Кончаку нелюбія, | а Руской земли веселія.
Игорь рече, | о Донче!
не мало ти величія, | лелѣявшу Князя на влънахъ,
стлавшу ему зелѣну траву | на своихъ сребрепыхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами | подъ сѣнію зелену древу;
стрежаше е гоголемъ на водѣ, | чайцами на струяхъ, | Чрънядьми на ветрѣхъ.

Не тако ли, рече, | рѣка Стугна
худу струю имѣя, | пожрѣши чужи ручьи, и стругы | растре на кусту? [=ростре(на) на кусту, ?]
Уношу Князю Ростиславу | затвори Днѣпръ
темнѣ березѣ. | Плачется мати Ростислава | по уноши Князи | Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою, | и древо стугою [=с тугою] | къ земли преклонило, [.]
а [А] не сороки втрескоташа. | На слѣду Игоревѣ | ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Тогда врани не граахуть, | галици помлъкоша,
сороки не троскоташа, || полозію ползоша
только, дятлове тектомъ | путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловіи веселыми пѣсьми | свѣтъ повѣдаютъ.
Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
аже соколъ къ гнѣзду летитъ, | соколича рострѣляевѣ | своими злачеными стрѣлами.

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
аже соколъ къ гнѣзду летитъ, | а вѣ соколца опутаевѣ | красною дивицею.

И рече Гзакъ къ Кончакови:
аще его опутаевѣ | красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца, | ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю птици | бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на [=годынѣ??] Святъславля пѣстворца [=пѣтво, а?] стараго времени | Ярославля Ольгова | Коганя хоти:

тяжко ти головы, | крожѣ плечю;
Зло ти тѣлу, | кромѣ головы:
Руской земли | безъ Игоря.
Солнце свѣтится на небесѣ, | Игорь Князь въ Руской земли. [,] | Дѣвици поютъ на Дунаи.

Вьются голоси | чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву | къ святѣй Богородици Пирогощей.
Страни рады, | гради весели,
пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, | а потомъ молодымъ.
Пѣти слава | Игорю Святъславлича.
Буй туру Всеволодѣ, | Владиміру Игоревичу.
Здрави Князи : и дружина,
поборая : за христьяны
на поганыя плъки.
Княземъ слава, | а дружинѣ [.]
Аминь.